

Римские женщины

Альфред Бриттейн

Roman Women

Alfred Brittain

The Project Gutenberg eBook of Roman Women

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Римские женщины

Автор: Альфред Бриттейн

Дата выхода: 12 мая 2010 [eBook #32356]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Тьерри Альберто, Ренальдом Левеском и онлайн-корректорами проекта "Гутенберг" в Европе

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ "РИМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ" ***.

Электронный текст подготовлен Тьерри Альберто, Ренальдом Левеском и Европейской ассоциацией онлайн-проекта Гутенберга (Project Gutenberg Online Distributed Proofreaders Europe)
(<http://dp.rastko.net>)

ЖЕНЩИНА

ТОМ II

РИМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

По Rev. ALFRED BRITTAİN

ТУЛЛИЯ, ДОЧЬ СЕРВИЯ
По картине Э. Хильдебранда

У нас была хорошая королева, теперь мы встречаем плохую..... Туллия принадлежала к тому типу, который Шекспир изобразил в "Леди Макбет"..... Луций, ее муж, с вооруженным отрядом отправился в сенат и сел на трон. Появился король Сервий, но никто не счел нужным помешать Луцию сбросить престарелого правителя со ступеней сенатского дома, что я и сделал.

Зачинщицей этого переворота была Туллия, которая, нетерпеливо ожидая его успеха, поехала на Форум и, вызвав мужа из зала заседаний сената, первой приветствовала его как царя. Но Луций приказал ей вернуться домой; по преданию, когда она ехала туда, колеса ее колесницы проехали по мертвому телу ее царственного отца.

ЖЕНЩИНА

Во все века и во всех странах

ТОМ II

РИМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Преподобный АЛЬФРЕД БРИТТАЙН

Иллюстрировано

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЖОРДЖ БАРРИ И СЫНОВЬЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучающий историю не заходит далеко в своих исследованиях, прежде чем обнаружит, что человеческая природа - это неизменное качество. В других странах - другие нравы; в другие

времена - другие обычаи. Но мужчина, скрывающийся за манерой поведения, в сущности, тот же самый; женщина, изменившая обычай, не становится таким образом принципиально другой, так же как она становится другой от изменения костюма. Женщины Древнего Рима демонстрировали те же добродетели и были движимы теми же слабостями, что и современные женщины. А разница в окружающей среде, исчезнувшие условия римской жизни, приобретают большой научный интерес благодаря тому, что не привели к какому-либо несходству фундаментального характера. Если бы с помощью наиболее бурного воображения можно было перенести младенца двадцатого века и воспитать его среди женщин эпохи Августа, он бы так же естественно вписался в окружающую среду, как и в нынешнее общество Лондона или Нью-Йорка. Ее правовой статус был бы другим; ее моральные представления были бы не похожи на те, что существуют в настоящее время; ее обязанности, удовольствия, привилегии и ограничения в совокупности делали бы жизненные случайности совершенно иными. Но под всем этим обнаруживается та же человечность, та же женственность, те же привычки ума. В этом и заключается главная польза истории - помимо удовлетворения естественного любопытства - выяснение того, как человеческая природа будет вести себя в различных условиях. Автор надеется, что следующие страницы, где в качестве иллюстрации взята римская женщина, будут полезны для изучающих науку о человечестве и небезынтересны для читателя, интересующегося укладом древней цивилизации.

АЛЬФРЕД БРИТТЕЙН.

I

ЖЕНЩИНА ЛЕГЕНДАРНОГО РИМА

Условия, в которых протекала жизнь женщины в самые ранние дни римской истории, слишком далеки от прожектора исторического исследования, чтобы мы могли попытаться описать их с какой-либо степенью полноты и точности деталей. Хотя древние писатели и завещали нам записи исторических событий с самого основания их нации, источник их информации весьма сомнителен, а ее подлинность крайне сомнительна. Рим не занимался литературой до самого конца своей истории; он был слишком сильно занят своей ролью завоевателя мира. В то время, когда каждый грек был знаком с самой благородной поэзией, созданной его одаренной расой, Рим не произвел на свет ни одного писателя, чье имя сохранилось бы до наших дней. А если бы в то время у него и были литераторы, то совершенно точно, что среди его граждан было мало тех, кто мог бы читать их произведения. Поэтому, когда была предпринята первая попытка написать ее историю, авторы опирались в основном на предания и легенды, которые, как и все подобные предания, сильно прибавили в чудесности в ущерб исторической ценности. В дополнение к этим источникам, вероятно, в первые века велись летописи основных событий в государстве. По словам Цицерона, они писались в конце каждого года первосвященником. Эти записи использовались первыми историками, и вполне вероятно, что последних не так сильно сдерживала их литературная совесть от расширения материала, как искушение, в зависимости от силы их воображения, представить картину, интересную и удовлетворительную для национальной гордости. Во

многих случаях, например, когда передаются точные слова героев, древние историки, очевидно, считали, что любые недостатки в доказательной базе с избытком компенсируются ясностью переданной информации.

Что касается исторической ценности легенд, то это вопрос, по которому современные авторы склонны расходиться во мнениях. С момента появления высшей критики у экстремистов появилась мода полностью отречься от веры в *драматические личности* древних преданий. Они утверждают, что имена и действия, прославляемые таким образом, обычно представляют природные силы и исторические эволюции; хотя обычному студенту кажется, что это требует поразительной поэтической изобретательности со стороны неразвитого народа. Более того, не без оснований можно сказать, что студент часто смотрит на то, как современные ученые отвергают традиционный вклад старых историков, как на нечто произвольное. Какой путешественник не испытывал терпения, с благоговением осматривая предполагаемое место какого-нибудь героического или священного события далеких дней, когда в памяти всплывал тот факт, что новейшие авторитеты утверждают, что, хотя это событие могло произойти в нескольких милях к востоку или на небольшом расстоянии к северу, оно, по определенным эрудированным, но неубедительным причинам, не могло произойти на том месте, где оно было расположено по непрерывному убеждению веков?

История Рима от его основания до конца царского периода, как она изложена в античной классике, больше не воспринимается как история. По большей части ее относят к тем мифическим творениям, с помощью которых некультурные люди пытаются объяснить происхождение, эволюцию и революцию своей расы. И все же, отбросив все чудесное и явно невозможное, почему бы нам хотя бы не заявить о своем праве верить составителям этих древних легенд, когда они рассказывают нам о некоторых именах, которые были великими в начале существования их нации? Современная критика, возможно, права, утверждая, что вряд ли город на Тибре был назван Ромой потому, что человек по имени Ромул выбрал необитаемое место и построил на нем дом. Однако почему бы нам не поверить в то, что в те ранние времена был один герой, настолько сильный и могущественный, что его стали называть "человеком Рима"? Возможно, этот герой был реальным, хотя город и дал ему свое имя, а не наоборот, как предполагали последующие поколения. А поскольку существует Александрия, не говоря уже о бесчисленных современных "виллах" с известными фамилиями в качестве приставки, не стоит считать совершенно невероятным, что древний город действительно был назван в честь человека, который утвердил его значение.

Современные историки привыкли с подозрением относиться к историям, подобным тем, что служат единственным материалом для личных иллюстраций в этой главе, поскольку они так часто встречаются в легендах всех народов. Но разве умножение этих давних историй, вместо того чтобы опровергать внутреннюю истинность любой из них, не служит иллюстрацией того факта, что, поскольку человеческая природа является постоянным фактором, поступки людей при схожих обстоятельствах, в любой эпохе или местности, будут отличаться единообразием характера? Однако для нашей цели, если в полумраке, который дарят давно сохранившиеся памятники и древние реликвии, мы предпочтем вообразить, что видим в повседневной жизни женские формы из традиционных преданий, это сочетание послужит лишь для создания более человеческой, а на самом деле не менее точной картины.

Пределы нашей темы не требуют, чтобы мы углублялись в эпоху Энея, героя Трои; нам также не нужно принимать во внимание роль, которую он и Лавиния, его жена, могли сыграть на латинских берегах. Их традиционный приход в Италию просто служит подтверждением того факта, что почти все племена, населявшие страну к началу римской истории, принадлежали

к той же ветви великой арийской расы, что и греки. Римляне были братьями греков. Первые принадлежали к тому же типу стройных, гибких, прямолинейных людей, которых замечательное искусство последних возвело на престол в веках как благороднейшее воплощение идеальной физической красоты.

Но если учесть грубые условия, в которых протекала жизнь, то можно предположить, что самые высокие образцы женского изящества во многих отношениях подверглись бы суровой критике со стороны цивилизованного и искусственного вкуса, который преобладал в последующие века. Это были дни аркадской простоты, которые поэзия населила сладкими и манящими Филлисами и Хлоями, единственным занятием которых было слушать дудки томящихся пастухов. Но в действительности, несмотря на простоту жизни и малочисленность потребностей, женщины, как и во всех полумодернизированных сообществах, отдавали избыток труда в обмен на особые усилия мужчин в погоне и бою. Поэтому, хотя поэтическая концепция может быть привлекательной, мы вынуждены верить, что в реальности женщина обладала лишь немногими преимуществами, которые могли бы вызвать зависть у современной деревенской девы. Женщина раннего Рима была полностью продуктом природы, наделенная только неизменным очарованием женственности, которое подкреплялось лишь прекрасным здоровьем и бодростью, проистекающими из простой жизни.

К такому типу можно отнести Рею Сильвию, легендарную мать Ромула и Рема. Она была дочерью царя, но не монарха в позднейшем значении этого титула. Царей в Лациуме тех времен было много. Титул означал всего лишь патриарха клана или главу небольшого города. Царская резиденция, вероятно, представляла собой небольшое круглое строение, построенное из дерева и крытое соломой. Возможно, оно состояло всего из одной комнаты с отверстием в потолке, чтобы пропускать свет и выпускать дым. Из мебели здесь были только грубые столы и покрытые травой или листьями кушетки, а также ларес, или домашние боги. Но хотя жизнь, обусловленная столь скудными аксессуарами, была простой, она отнюдь не была праздной, и среди латинских племен не существовало такого презрения к труду и ремеслам, какое появилось в более поздние времена. Сам король пахал, а его жена и дочери возились с дистафом и веретеном, ручным ткацким станком и иглой. В обязанности женщин входило прядение шерсти и изготовление всей одежды для домочадцев. Образование заключалось исключительно в обучении требованиям этой простой жизни и не предполагало никакой другой школы, кроме ежедневного опыта, который мальчики и девочки получали в кругу старших. Искусство письма в ранние времена было не совсем неизвестно, хотя в течение долгих лет медленного развития оно использовалось только для написания общественных записей на листьях и шкурах; или, если требовалось большее постоянство, записи выцарапывались на деревянных табличках. Развлечения людей состояли в основном из праздников и атлетических игр, которые проводились в честь богов. Если бы только можно было поверить, что эта жизнь была такой приятной, как ее изображает Вергилий, было бы легко посочувствовать поэту, когда он заявляет, что сам тосковал по такому существованию. "Пастух распахивает землю кривым плугом..... Наступает зима: сицилийская ягода толчется в маслобойках, а осень раскладывает свои разнообразные изделия..... Тем временем милые младенцы обвиваются вокруг шеи родителей; его целомудренная семья хранит свою чистоту. Сам же свин празднует праздничные дни и, распростершись на траве, где посередине горит костер и где его спутники венчают чашу, призывает тебя, о Ланеус, совершая возлияния. На вязе выставлены хозяевам стада призы, за которые они должны побороться крылатым копьем; и они раздевают свои грубые тела для дружеской борьбы". В другом месте поэт описывает домашнюю сцену, где мужчина работает при свете зимнего огня: "Тем временем его супруга, подбадривая песней свой утомительный

труд, перебирает паутинки пронзительным челноком; или на огне варит ликер из сочного сусла, и снимает листья с дрожащего котла". Этой жизни издревле следовали древние сабиняне; этого строго придерживались Рем и его брат; так Этрурия росла в силе; так и Рим стал славой и красотой мира".

В отличие от своих сестер из Греции, женщины Рима никогда не уединялись, но их обязанности и ответственность были строго ограничены домашними рамками. Здесь, однако, если муж был хозяином, то жена - хозяйкой. Она принимала равное с ним участие в поклонении семейному Ларесу, которое занимало видное место в каждом римском доме; и если он был жрецом, то она, выйдя за него замуж, становилась жрицей. Но, за исключением некоторых религиозных институтов, она не имела ни малейшего активного отношения к государственным или общественным делам. То есть теоретически и по закону она не имела такого отношения; но в Риме было так, как было во все века и во всех странах: не было ни законов, ни обычаев, которые могли бы помешать женщине, обладающей даром ума и лелеющей честлюбивые проекты, получить какой-нибудь инструмент, с помощью которого ее рука могла бы повернуть государственные дела по своему желанию.

Однако Рея Сильвия не принадлежала к этому напряженному классу женщин. Ее благозвучное имя сохранилось не из-за активного влияния, которое она оказывала на судьбы людей, а потому, что благодаря простой функции материнства она ввела в историю мира сильного человека. Она была дочерью Нумитора, которому его отец завещал царство клана Сильвиев. Но Амулий, другой сын, изгнал брата в изгнание и, чтобы закрепить за собой узурпацию, предал смерти всех своих племянников. Рею пощадили, вероятно, потому, что закон не позволял женщинам царствовать, а значит, ее существование не представляло угрозы. Тем не менее, поскольку из женщин княжеских домов рождаются возможные претенденты на престол. Амулий счел за лучшее принять какие-то превентивные меры. Он явно не хотел совершать ненужных варварств; кроме того, ему хотелось, по возможности, прикрыть свои самозащитные действия лоском кажущегося великодушия. Рея Сильвия должна стать жрицей Весты. На ее долю выпала почетная обязанность охранять вечный огонь, горевший в священном очаге города. Таким образом, она, как и подобает дочери Нумитора, будет пользоваться в народе не меньшим уважением, чем сама королева. Кстати, это также исключало возможность появления внука, претендующего на трон изгнанного Нумитора, ведь весталки строго придерживались принципа постоянной девственности. Но как часто боги, а иногда и сама природа, срывали самые хитроумные замыслы людей! Должно быть, Амулий задумался над этой истиной, когда Рея Сильвия без всякого предварительного объявления о своих намерениях представила обществу крепкую пару близнецов. Она объявила, что отцом ее потомства является Марс; либо, как сдержанно замечает Ливий, потому что она сама в это верила, либо потому что бог казался ей наиболее достойным автором ее преступления. В те времена в возможность и частоту таких совпадений свято верили, и первые историки свободно пользовались этой верой, чтобы укрепить славу своего рода или могущественной семьи, создав ей репутацию божественного происхождения. Идея о сверхчеловеческом происхождении была также удобным средством, с помощью которого можно было объяснить, а иногда и оправдать необычный характер и неординарные поступки древних героев. В те времена, когда вера людей была простой и некритичной, вера в божественное воплощение не представляла серьезных трудностей.

Однако очевидно, что Амулий не был сильно впечатлен чувством святости детей бога-воина. Он бросил мать в тюрьму, а ее сыновей приказал утопить в Тибре. Но, как обычно и бывает в легендарных историях, этот приказ был доверен тому, кто был либо слишком жалок, либо слишком беспечен, чтобы довести его до конца. Младенцев в колыбели или на грубом плоту

пустили по реке, которая в то время была в разливе; однако воды быстро схлынули, и мальчики остались живы на суше. Их крики привлекли пастуха по имени Фаустул, и он отнес их в свой дом, где их воспитала его жена Лаврентия. Древние дали этой женщине дурное имя. Говорят, что ее также называли Лупа; а Лупа - это имя, применяемое к женщине с непорочным характером, а также термин, используемый для обозначения волчицы, и таким образом скептики объяснили чудесную историю о том, что сыновей Реи сосала волчица. Но какими бы ни были недостатки Лаврентии, если в легенде есть хоть капля правды, она искупила свою вину, сохранив жизнь основателю Рима. Мы не станем разбирать эти предания в известных деталях. Действительно ли Ромул первым выбрал место для города, который должен был раскинуться на семи холмах у Тибра и с них господствовать над миром, определить невозможно, да это и не важно для нашей темы, если бы было установлено. Наша цель - выяснить, какова была роль и роль женщины в основании младенческого государства. То, что ее роль была в основном пассивной, можно считать само собой разумеющимся, поскольку это соответствует статусу слабого пола в детстве каждой расы и нации.

Древние историки, безоговорочно принявшие легенду о Ромуле, изображают нам растущий город, так прочно и быстро набирающий силу и славу, что вызывает удивление и зависть соседних общин. Одна из причин, которой приписывают это процветание, интересна тем, что она привела к знаменитому эпизоду, в котором женщины сыграли главную, хотя и невольную роль. Нам рассказывают, что Ромул открыл в пределах города убежище, или место укрытия, где беглецов от правосудия или рабства принимали под защиту богов. Это привлекло новых граждан в большом количестве, но таких, которые ничего не внесли в респектабельность нового государства. Новоприбывшие почти поголовно были неженатыми мужчинами, и вскоре нехватка женщин в Риме вызвала серьезное беспокойство. Ромул назначил несколько ведущих граждан, которых он назвал сенаторами, чтобы они помогали ему в управлении. Но эти отцы города не могли оказать ему существенную помощь в обеспечении дальнейшего роста общины, если не могли обеспечить ее женами. В соседние штаты были отправлены послы с просьбой о заключении союзных договоров и особенно с просьбой о предоставлении привилегии на заключение брака. Несомненно, из-за сомнительного характера новоприобретенных жителей Рима ни один город не был склонен оказать им такую услугу. Повсюду послы сталкивались с предложением открыть приют и для женщин, поскольку только таким образом можно было найти подходящие подруги для мужчин Рима. Однако еще одной причиной, по которой было трудно получить жен, был тот факт, что женщин было сравнительно мало во всем Лациуме. Там, как и во многих других древних расах, был распространен обычай подвергать младенцев женского пола смертной казни: на дочерей смотрели как на источник слабости и расходов для семьи, в то время как сыновья были выгодой и силой. Однако жены были необходимы, поэтому отцы мальчиков часто брали в невесты для своих сыновей девочек, как только те появлялись на свет. Это накладывало на родителей последних обязанность беречь их жизнь и воспитывать. Нет никаких свидетельств того, что покупка жен когда-либо была в обычае у римлян. Напротив, с незапамятных времен существовала обратная практика: невеста получала приданое. Поэтому легко понять, почему латинские отцы не желали отдавать своих дочерей, которые вряд ли останутся у них на руках из-за отсутствия женихов, и особенно приданое, которое прилагалось к ним, авантурным молодым людям, искавшим в Риме убежища от правосудия или мести.

Но в те времена, и особенно в таком деле, как завоевание жен, дипломатия была ресурсом, на который нельзя было полностью положиться. Среди брачных церемоний более поздних времен был обычай разделять волосы римской невесты копьем. В этом мы находим

реминисценцию того периода, когда к браку путем захвата прибегали в случае крайней необходимости. Таким образом, Ромул решил, что то, что не может быть получено честным путем, должно быть получено лучшим способом, который попадет под руку. На празднике бога Консуса, соответственно, божества, председательствовавшего на тайных совещаниях, был запланирован и осуществлен захват сабинских девиц, и таким образом римляне взяли себе жен. Насколько точно эта известная история соответствует фактам, конечно, определить невозможно. Возможно, многие ее детали являются попыткой более поздних эпох объяснить свадебные обычаи, происхождение которых было забыто. Но вполне вероятно, что браки по захвату были обычным делом в зарождающейся цивилизации раннего Рима. И, возможно, был один случай, когда этот грубый метод сватовства был принят настолько вопиющим и массовым образом, что привел к войне с сабинянами, благодаря чему память об этом событии была увековечена в народных традициях. Мишле, комментируя эту историю в своей блестящей манере, говорит: "Прогресс человечества поразителен. Возникнув в Индии из мистической любви, идеал женщины приобретает в Германии черты дикой девственности и гигантской силы, в Греции - грации и хитрости, чтобы у римлян прийти к высшей языческой морали, к девственному и супружескому достоинству. Сабинянки следуют за своими насильниками только по принуждению, но, став римскими матронами, они отказываются возвращаться в отчий дом, разоряют своих отцов и мужей и объединяют их в одном городе". Плутарх говорит, что именно для того, чтобы получить прощение, римляне обеспечивали своим женам определенные привилегии. От них не требовалось никакого труда, кроме прядения; они должны были идти по внутреннему пути; в их присутствии нельзя было делать или говорить ничего непристойного; их нельзя было вызывать к уголовным судьям; их дети должны были носить *претексту* и *буллу*. Таким образом, во времена греческого историка варварство былых времен было забыто, а первобытному строю приписывалась вся цивилизация, на создание которой потребовались века.

Как прекрасная Елена принесла горе в Трои, так и за похищением сабинских дев последовала горькая месть их возмущенных мужских родственников. Если верить старым историкам, женщины вскоре смирились со своим принудительным положением жен римлян. Несомненно, авторы пришли к такому выводу скорее из знания покорного нрава женской натуры, чем из точного знакомства с фактами. Для женщины было совершенно непривычно, чтобы ей позволяли принимать какое-либо решение в этом вопросе, поэтому для нее не имело большого значения, взял ли ее муж без ее согласия или без согласия ее отца, или же отец отдал ее мужу, не посоветовавшись с ним.

Сабиняне терпеливо ждали благоприятного случая, и когда он наступил, они с успехом напали на римлян. Они даже овладели самыми сильными укреплениями города. Но, согласно легенде, они не смогли бы одержать такую победу, если бы не любовь Гауда к Тарпее, дочери одного из военачальников Ромула. Татий, царь сабинян, уговорил ее открыть ему ворота, пообещав в награду золотые браслеты, которые его солдаты носили на левой руке. Примечательно, что трудности, которые должны были сопутствовать беседе царя и девы, предание благоразумно игнорирует. Она согласилась открыть ворота под предлогом того, что идет набрать воды для жертвоприношения, после чего сабиняне должны были ворваться внутрь. Все произошло так, как было условлено, за исключением того, что заблудшая Тарпея получила гораздо больше, чем рассчитывала. Она попросила "то, что они носят на левой руке", не помня о том, что на этой руке они также носят свои щиты. Воины, когда вошли, то ли от спешки, то ли потому, что ненавидели предательство, хотя и готовы были им воспользоваться, бросили на нее свои щиты, а также браслеты, и девушка была раздавлена насмерть их тяжестью. Часть холма, которую сабиняне таким образом захватили,

впоследствии стала называться Тарпейской скалой; она стала местом казни, и с ее вершины сбрасывали предателей. Многие в этой истории оправдывают подозрение, что она возникла или, по крайней мере, была принята римлянами из желания объяснить поражение, а не на каком-либо поддающемся проверке историческом основании. Это похоже на случай, когда природное тщеславие воинственных мужчин спасается с помощью нелицеприятного высказывания в адрес характерного женского тщеславия.

Если принять во внимание все, как есть, то дела у римлян были очень серьезные. Враг захватил цитадель, и начался кровавый конфликт. Но женщины, похищение которых привело к этим бедам, должны были стать средством заключения мира. Во время битвы обе армии были поражены, увидев, как сабинянки выбегают из домов римлян, но не для того, чтобы спастись, а чтобы между сражающимися. Со слезами на глазах они умоляли своих отцов и братьев услышать их. Их мольбы озвучила пленница по имени Герсилия, которая, по мнению одних историков, была женой того Хостилия, который впоследствии стал царем Рима, а другие утверждают, что ее похитил сам Ромул. Плутарх передает нам ее речь - конечно, опираясь на собственное воображение, хотя он не далек от того, что могло бы быть правдой; ведь каждый может предположить, что могло бы быть в таком случае. Она сказала: "Правда, нас несправедливо и жестоко увезли те, чьими женами мы теперь являемся; но, несмотря на это, мы связаны с ними самыми строгими узами, так что нам невозможно не плакать и не трепетать перед опасностью со стороны тех, кого мы когда-то ненавидели. Теперь вы пришли, чтобы отнять жен у их мужей, а матерей - у их детей. Что хуже - их любовь или ваше сострадание? Верните нам наших родителей и родственников, но не лишайте нас мужей и детей. Мы умоляем тебя не делать нас дважды пленниками". После этого сабиняне, узнав, что их дочери не жаждут спасения, и не имея других веских причин для продолжения борьбы, объявили перемирие. С ревностным намерением не оставлять ничего неучтенного, предание рассказывает, как женщины привели своих родственников в город и с гордостью демонстрировали удобства и поблажки, которыми они наслаждались со своими мужьями, чьи ухаживания были столь бесцеремонными. Это вполне возможно, ведь сабиняне были пастушеским народом и не привыкли к роскоши городской жизни. Так был заключен мир, и нам рассказывают, что именно в память об этом событии римские дамы впоследствии отмечали праздник Матроналии первого марта. По их обычаю, утром они поднимались в процессии к храму Юноны и клали к ногам богини цветы, которыми были увенчаны их головы. Вечером, в память о благодарности, которую сабинянки получали от своих римских мужей, они оставались дома, облаченные в свои лучшие наряды, в ожидании обычных подарков от мужей и друзей. В более поздний период Тибулл в изысканном стихотворении обсуждает с самим собой, какой подарок он пошлет своей возлюбленной Неере на мартовские календы. С обычной оценкой, которую автор придает собственным произведениям, он решает, что не может подарить ей ничего более приемлемого, чем экземпляр своих стихов, красиво переплетенный и украшенный.

У каждого народа есть свой традиционный Золотой век, период, на который любят ссылаться философы-поэты вырождающихся времен, полагая, что тогда все было в лучшем виде и люди были абсолютно счастливы. Так и все римские идеалы гражданского согласия сконцентрированы в легендарном правлении Нумы Помпилия и вытекают из него. Он описывается как человек, не стремившийся к царству, а предпочитавший удовольствия размышлений в тихой жизни с Татией, своей единомышленницей и благородной женой. Но честь была навязана ему, и он стал править в духе истинного философа. Он сформулировал законы и установил систему морали в соответствии с принципами, достойными Марка Аврелия. Ему принадлежит заслуга в организации религиозных институтов римлян, и особенно коллегии весталок-девственниц. Мы видели, что до его времени на определенных

дев была возложена обязанность охранять священный огонь, а заодно и их девственную чистоту. Но Нума, как говорят, сформулировал правила этого ордена, точно определил его обязанности и построил дом для Весты. Но нет ни малейшего сомнения в том, что вокруг имени Нумы группировались и ему приписывались многие достижения цивилизации, которые были ростом веков. Это кажется особенно вероятным, если учесть, что Нума был сабином, одним из представителей пастушеской расы, которая, естественно, была менее развита в культурном отношении, чем люди, собравшиеся в городах.

Какие улучшения могли произойти в условиях женской жизни в этот период, определить сложно. Считается, что полезные искусства значительно выросли в цене. Нуме приписывают создание гильдий для поощрения флейтистов, золотых дел мастеров, медников, плотников, фуллеров, красильщиков, гончаров и сапожников. Таким образом, жизнь становилась более комфортной, а также украшалась приятными и декоративными вещами. Это предполагает расширение сферы домашнего очага, как следствие, увеличение интересов и обязанностей женщин, а также смягчение их характера. Есть также указание на то, что, как и в древней Германии, хотя женщины, возможно, и не принимали участия в непосредственном управлении государством, но советы некоторых представителей их пола соблюдались законодателями с благоговением, сродни религиозному. В легендах о супружеских отношениях Нумы есть сильный намек на женское влияние. Плутарх рассказывает, что Татия, первая жена Нумы, была разлучена с ним смертью после тринадцати лет супружеского счастья, и что после этого он больше не женился, а утешался меланхолическими скитаниями по полям и лесам. Это породило историю о том, что в одной роще он привык встречаться с богиней Эгерией, которая не только благоволила ему своей любовью, но и наделила его мудростью, чтобы он с удивительным успехом исполнял свои обязанности. С другой стороны, Ливий, который, вероятно, знал об этом не больше и не меньше, говорит, что Нума посвятил эту рощу с гротом и источником живой воды Музам, которые имели обыкновение встречаться там с его женой Эгерией. Следует ли считать эту Эгерию смертной женщиной, возможно, законной женой царя, или, что значительно менее вероятно, божественным существом, невозможно решить на основании этих преданий. Но они, несомненно, имеют ценность, поскольку свидетельствуют о готовности первых римлян приписывать превосходство в государственном управлении своим лучшим людям вдохновению представительниц прекрасного и нежного пола.

После смерти Нумы римляне избрали своим царем Туллуса Хостилия, и таким образом на смену миролюбивому законодателю пришел буйный воин. В этом царствовании, вместо поэтического анахронизма, изображающего аномально развитую цивилизацию, мы вновь возвращаемся на землю, в историю и к более точному описанию прогресса народа. Многие раскрываются в рассказе, в котором Ливий в своей неподражаемой манере рассказывает о Sororium Tigillum, или Сестринском столбе, - памятнике, который, по его словам, существовал в его время. Здесь мы не только сталкиваемся с ужасным правом отца семейства на жизнь своих детей, но и видим, что нежные инстинкты женской любви считались ничтожными по сравнению с верностью семье и долгом ненависти к врагам государства. Героический Гораций после смерти своих братьев в одиночку расправился с тремя чемпионами альбанской армии и таким образом впервые ощутил вкус покорности города, которому суждено было стать владычицей мира. Во время триумфального возвращения в Рим Гораций шел впереди всей армии, неся перед собой добычу трех братьев Альбанов. Когда они приблизились к Порто Капена, римские женщины вышли поприветствовать победителей. Среди них была и Горация, сестра юного завоевателя. Подбежав к нему, она заметила на его плече знакомое одеяние: это была солдатская туника, которую она своими руками сшила для одного из побежденных Куриациев, за которого была

обручена. В голове девушки мгновенно промелькнула истина. Ее возлюбленный погиб, причем от руки брата. Со слезами и причитаниями она стала призывать имя своего суженого. Возможно, к своим горестным воплям она присоединила горькие упреки в адрес брата, который ценой ее гибели спас себя и Рим. Причитания сестры в разгар его собственного триумфа и всеобщего ликования так сильно разгневали взволнованного юношу, что он выхватил меч и пронзил ей сердце. Сделав это, он воскликнул: "Иди со своей неожиданной любовью; иди и воссоединись со своей суженой, ты, забывшая своих мертвых братьев, и того, кто остался, и свою страну! Так погибнет каждая женщина, которая посмеет оплакивать смерть врага!" Это зверское убийство, конечно же, вызвало глубокую сенсацию в народе. Они не знали, что должно перевесить: его ужасное преступление или его блестящий подвиг на благо общества. Король назначил дуумвиров для суда над ним. По их решению он был приговорен к избиению прутьями в стенах города или вне их, а затем к повешению.

Но закон давал Горацию право апеллировать к народу, и на этом втором процессе он нашел эффективного защитника в лице собственного отца. Старик заявил, что считает свою дочь заслуженно убитой. Если бы это было не так, сказал он, он бы своим авторитетом отца наказал своего сына. Однако представляется вероятным, что Гораций-старший пошел на этот шаг не потому, что не жалел о дочери, а потому, что надеялся таким образом спасти себя от лишения всех своих детей. "Иди, ликтор, - сказал он, - свяжи те руки, которые совсем недавно, будучи вооруженными, установили суверенитет для римского народа. Если хочешь, порази его в городе, но в присутствии этих трофеев и добычи; за городом, но посреди гробниц Куриациев. В какое место ты можешь привести его, где памятники его славы не протестовали бы против ужаса его наказания?" Слезы отца и смелость сына добились для последнего отпущения грехов; но отцу было велено принести искупительные жертвы, и впоследствии они не прекращались в семье Горациев. В качестве дополнительного наказания через улицу положили балку и заставили юношу пройти под ней с покрытой головой, как под ярмом.

Хронологически это, кажется, подходящее место для того, чтобы упомянуть еще одну расу, которая в немалой степени повлияла на раннюю историю Рима, а также на статус римской женщины. Из Этрурии пришел предок Тарквинов, той гордой династии, которая создала две легенды о крайне противоположных типах женщин: Туллии, жестокой и честолюбивой царицы, и Лукреции, идеала супружеской верности. Из этого народа происходила и Танакиль, никогда не забываемая помощница способного мужчины.

Этруски всегда были загадкой для историков и одной из главных загадок этнологии. Совершенно не похожие на эллинскую или италийскую расы как по внешнему виду, так и по обычаям, даже древние были в растерянности, пытаясь понять, откуда взялся этот удивительный народ. Дионисий говорит, что "они претендовали на союз ни с одним народом в мире". Расспросы о них были бы не столь интересны, если бы не то, что они оставили такое количество доказательств своего мастерства в искусстве и продвинутой в цивилизованной промышленности. В то время, о котором мы пишем, они обладали весьма приличным началом литературы. Мы располагаем почти двумя тысячами их надписей, но едва ли хоть одно слово мы в состоянии истолковать, ибо этрусский язык сегодня - это то же самое, чем были египетские иероглифы до Шампольона. Эти люди были художниками и производителями для всей Италии. В музеях Европы можно увидеть образцы их искусства: статуи, красиво украшенные вазы, барельефы и ювелирные изделия, которые не могут не вызывать удивления у зрителя богатством своего исполнения. В их гробницах было найдено огромное количество таких сокровищ, которые они имели обыкновение хоронить вместе со своими вождями. На одной из этих гробниц лежат резные изображения мужчины и его жены,

которые как будто отдыхают на кушетке. Если эти фигуры дают столь же верное представление о внешности этрусков, сколь и свидетельствуют об их художественных способностях, то это был художавый народ, со впалыми лбами, аквилинными носами и косыми глазами - все это наводит на мысль об азиатском типе. Варварские религиозные представления этрусков делали их расу мрачной и фаталистичной. Предполагалось, что их жрецы были экспертами в предсказании будущего, а их боги часто требовали умилоствления человеческими жертвоприношениями. Их цивилизация оказала сильное влияние на цивилизацию Рима. В Этрурии к женщинам относились с уважением, необычным для расы того времени; возможно, именно благодаря этому влиянию женщины Рима пользовались гораздо большей свободой, чем их сестры из Греции. С другой стороны, характерное для этрусков увлечение жестокими видами спорта объясняется введением гладиаторских состязаний на арене в Риме.

Традиционный рассказ о происхождении рода Тарквиниев содержит весьма неопределенные исторические данные: основатель представлен как сын иностранца в Тарквиниях, городе Этрурии, и его имя Лукумон; в то время как история, кажется, указывает, что *Лукумон* был этруским главным магистратом. Однако мы примем легендарный рассказ в его нынешнем виде. В нем рассказывается, что Лукумон женился на знатной девице из Тарквиний, которую звали Танакил - имя, ставшее впоследствии обиходным среди римлян. Когда они хотели показать своим дочерям идеал хорошей хозяйки, то призывали их подражать царице Танакиле. Ее также называли *Caia Cæcilia*, "хорошая прядильщица", и все молодые невесты отдавали дань уважения ее памяти и искусству. Однако, судя по тому, что о ней рассказывают, она, скорее, была необычным типом женщин, чьи амбиции побуждают их мужей добиваться высокого политического положения и чья мудрая интуиция помогает поддерживать супругов на этих постах, когда они их достигают.

Эти этруски были богаты; но Лукумо не мог надеяться на влиятельное место в Этрурии, потому что был сыном иностранца. Однако именно Танакиле принадлежит заслуга в том, что она уговорила его переехать в Рим. Мы можем представить, что ее доводы сводились к тому, что в новом государстве, где все дворяне были недавнего происхождения и где людей возвышали за заслуги, а не за семейное происхождение, мужество и энергия ее мужа дадут ему наилучшие шансы на успех. История гласит, что, когда они собирались въехать в Рим, с неба спустился орел и схватил в свои когти шапку Лукумо. Облетев вокруг колесницы с громкими криками, птица, к их великому изумлению, заменила шапку на голове мужчины. В те времена на движения птиц смотрели как на самые верные предзнаменования, как, впрочем, и в последующие века; и для первых историков предание о въезде в Рим человека, которому суждено было стать его царем, в котором не упоминалось о предзнаменовании, просто указывало на недочеты в повествовании, которые литературная справедливость требовала исправить. Танакиль, воспользовавшись наукой предсказаний, в которой этруски были особенно искусны, заявила, что это знак того, что на голову ее мужа будут возложены самые высокие почести. Вплоть до позднейших времен римляне, даже самые остроумные, в значительной степени зависели от таких знаков в своих действиях и решениях; легко понять, как предзнаменования могли казаться действенными, поскольку они в немалой степени способствовали их исполнению, поощряя или угнетая тех, кто в них верил.

ОБРАЩЕННЫЙ

По картине Ж. Р. К. Буланже

Знатной матроне Помпонии Грёцине традиция приписывает то, что она нашла утешение для горестей времени в новой вере, которая подрывала старый Рим, как в буквальном смысле в катакомбах, так и в переносном - в той быстроте, с которой она обращала новообращенных; но мы не знаем с уверенностью..... Грёцина обвиняли в том, что он поддался чужеземным суевериям. Возможно, это было связано с особенностями ее поведения. Она была близкой подругой той Юлии, дочери Друза, которую Мессалина заставила покончить с собой. С тех пор в течение сорока лет Грёцина не носила ничего, кроме траура, и никогда не была замечена в улыбке..... Когда

против нее было выдвинуто обвинение в распространении чуждых суеверий , она, в соответствии с древним законом, была отдана на суд своего мужа..... Она была признана невиновной.

В городе наш легендарный этруск сменил имя на Луций Тарквиний Приск. Его богатство и таланты вскоре приглянулись римлянам, и он был назначен опекуном царских детей. После смерти Анкуса Тарквиниу удалось убедить народ избрать его на трон, и он не ошибся в оценке своей пригодности для этой должности, ведь его правление было во всех отношениях благотворным. Он увеличил территорию государства и предпринял множество достойных общественных работ. К этому периоду относится строительство больших подземных коллекторов для осушения города. Это долговечные, хотя и неумелые памятники; ведь по прошествии двадцати пяти веков, после того как столько Римов возникло и пало над ними, *клоаки* Тарквиния Приска все еще остаются и прекрасно служат своей цели. Историки также рассказывают, что этот этруск привнес в царский стиль великолепие, доселе неизвестное в Риме. Особенно это проявилось в его вышитых одеждах, которые были искусной работой Танакила Прядильщика. Это была царица, которую можно было бы взять за образец добродетельной женщины, изображенной в Книге притч. Сердце ее мужа могло спокойно довериться ей. Она делала ему добро, а не зло во все дни своей жизни. "Она ищет шерсть и лен и охотно работает руками своими". Но Танакиль была настолько же квалифицирована, чтобы помогать своему мужу в его политических проектах, насколько и для того, чтобы обставить его так, как подобает его положению. Об этом свидетельствует ее поведение во время его смерти, которая произошла от рук убийц. Мы позволим Ливию рассказать о случившемся своими словами: "Когда окружающие подняли царя в предсмертном состоянии, ликторы схватили тех, кто пытался бежать. После этого начался шум и скопление народа, недоумевающего, в чем дело. Танакиль во время волнения приказывает закрыть дворец и выгнать всех присутствовавших; в то же время она тщательно готовит все необходимое для перевязки раны, как будто надежда еще оставалась; но на случай, если надежды ее не оправдаются, она придумывает другие средства безопасности. Немедленно послав за Сервием, который женился на ее дочери, и показав ему почти умирающего мужа, держащего его за правую руку, она умоляет его не допустить, чтобы смерть свекра осталась незамеченной, а свекровь стала предметом оскорбления для их врагов. Сервий, - сказала она, - если ты мужчина, то царство принадлежит тебе, а не им, которые руками других совершили самые ужасные преступления. Напрягись и следуй указаниям богов. Теперь проснитесь всерьез. Мы тоже, хотя и чужеземцы, царствовали. Задумайтесь о том, кто вы, а не о том, откуда вы пришли. Если ваши собственные планы еще не созрели из-за внезапности этого события, следуйте моим". Когда шум и насилие толпы едва ли можно было выдержать, Танакиль обратилась к народу из верхней части дворца через окна, выходящие на новую улицу - ведь царская семья жила рядом с храмом Юпитера Статора. Она велела им быть мужественными, сказала, что царь был ошеломлен внезапностью удара, что оружие не погрузилось глубоко в его тело, что он уже снова пришел в себя, что рану осмотрели, кровь вытерли, что все симптомы благоприятны, что она надеется, что они увидят его очень скоро, а пока он велел народу подчиняться приказам Сервия Туллия. Что он будет вершить правосудие и выполнять все функции царя. Сервий выходит с трабеей и ликторами и, усевшись на царский трон, решает некоторые дела, а в отношении других делает вид, что советуется с царем. Поэтому, скрывая смерть в течение нескольких дней, хотя Таркин уже умер, он, под видом исполнения чужих обязанностей, укреплял свои собственные интересы. Наконец, когда дело получило огласку и во дворце начались причитания, Сервий, опираясь на сильную охрану, с согласия сената овладел царством, став первым, кто сделал это без приказа народа".

Конечно, как бы много или мало всего этого ни происходило на самом деле, эффект от рассказа значительно усиливается блестящим воображением историка. Но мы считаем, что, по крайней мере, в нем достаточно исторической правды, чтобы показать, что ранние римляне не считали способное государственное управление со стороны женщин полной невозможностью. О последующей карьере Танакила в качестве вдовствующей королевы легенды, к сожалению, ничего не сообщают, и нам остается только предполагать, не имея данных, как новый царь держался с такой необычайно умной свекровью; но, судя по всему, у него хватило мудрости оценить ее советы и умения воплотить их в жизнь.

Династия Тарквиниев была богата замечательными женщинами, и в легендарной истории они резко контрастируют друг с другом. У нас была хорошая королева, теперь мы сталкиваемся с плохой. Это снова история честолюбивой женщины, но на этот раз той, которая не обладала моральными чувствами, чтобы смягчить свои методы, чье уважение к тому, что почетно в женщине, ничего не значило против ее стремления к положению. Целесообразность подкреплялась жестокостью, и она легко преодолевала свои женские инстинкты. Она была преувеличенным образцом того типа, который Шекспир дал неувядаемый образ в леди Макбет. Более того, Туллия представляла для римлян вершину порочности. Вся женская добродетель у них достигала кульминации в сыновней покорности и супружеской верности; Туллия же убила своего мужа, устроила заговор против отца и стала соучастницей его смерти. Римляне не были абстрактными мыслителями, и более чем вероятно, что эта легенда представляет собой скопление в одном воображаемом конкретном примере всех женских пороков, а не реальный рассказ об исторической личности. Однако у нас нет веских причин сомневаться в том, что существовала порочная Туллия, на характере которой был воздвигнут этот идеал порочности.

У Сервия, доброго царя, было две дочери, Туллия - младшая. Эти девушки были выданы замуж за двух сыновей Тарквиния Приска, Луция и Арунса; гагачья дочь была отдана за старшего сына. Следствием такого произвольного выбора родителей стал самый противоположный выбор. Взбалмошный и гордый мужчина оказался в паре с женщиной легкого и добродушного нрава, а человек с довольным умом и созерцательными привычками - со вспыльчивой и честолюбивой женой. Надменная Туллия не могла смириться с мыслью, что в ее муже нет материала для смелых и энергичных действий. Она отдала свое внимание Луцию, который, как она заботливо сообщила Арунсу, был достоин называться мужчиной. Она дошла до того, что намекнула Луцию, что если бы боги были достаточно благоразумны и дали ей единственного человека, способного оценить ее способности, то вскоре она увидела бы корону в своем доме, а не в доме своего отца. Это вдохновило юношу, и они оба согласились, что ошибки божеств должны быть исправлены. Вскоре случилось так, что две смерти дали возможность для перестановки акцентов, и свадьба Луция и Туллии была быстро отпразднована.

Поторопившись с этим делом, женщина не захотела терпеливо ждать, пока смерть освободит трон престарелого Сервия. Она заявила, что ей нужен муж, который скорее будет обладать троном, чем надеяться на него. Она подбодрила смелость Луция, спросив, почему он позволяет называть себя принцем, если у него не хватает духа взять свой собственный. Она предположила, что, поскольку его дед был купцом, возможно, ему стоит вернуться в Тарквинию, родной дом семьи, и заняться тем же мирным делом; это свидетельствует о том, что легкость выражения женских мыслей не является развитием современного образования. Воодушевленный таким образом, Луций, как, вероятно, и многие другие государственные деятели, счел более целесообразным рисковать общественными распрями, чем жить в уверенности, что в семье неспокойно. Время показалось ему благоприятным, и он с

вооруженным отрядом отправился в дом сената и сел на трон. Появился царь Сервий, но никто не посчитал нужным помешать Луцию сбросить престарелого правителя со ступеней дома сената, что он и сделал.

Зачинщицей этого *переворота* была Туллия; с нетерпением ожидая его успеха, она поехала на Форум и, вызвав мужа из зала заседаний сената, первой провозгласила его царем. Но Луций приказал ей вернуться домой; по преданию, когда она ехала туда, колеса ее колесницы проехали по мертвому телу ее царственного отца, лежавшему на узкой улице. Больше об этой римской персонификации сыновнего беззакония нам ничего не известно, кроме того, что, в соответствии с неизбежным правилом легендарной истории, она встретила с Немезидой своих преступлений в более поздний день. Как это произошло, мы увидим в изгнании ее семьи из Рима.

Правление Луция Тарквина, прозванного Супербом из-за своей необычайной гордыни, было сильным и тираническим, но его результатом стало возвеличивание Рима и усиление его власти в Италии. Ему приписывают несколько масштабных общественных работ, главной из которых был Капитолий. Этот храм он воздвиг на холме, который с незапамятных времен считался священным для Юпитера; ведь оттуда люди часто видели, как божество, по словам Вергилия, "правой рукой потрясает своим черным щитом, призывая к себе грозовые тучи". Для своих архитектурных начинаний римский царь нанимал искусных этрусских мастеров, что свидетельствует о том, что его собственные подданные были еще отсталыми в развитии искусств и наук. Действительно, все говорит о том, что единственными отраслями, которые римляне ревностно культивировали в это время, были война и сельское хозяйство, необходимое для удовлетворения потребностей их воздержанной жизни. В своих немногочисленных художественных потребностях они почти полностью зависели от других италийских городов, которые в этом отношении были более развиты.

В традиционную историю правления Тарквина Суперба включена легенда о кумской сибилле. Таинственных женщин, называемых сивиллами, десять, как считается, процветали в разных частях древнего мира. Считается, что кумская сивилла прожила тысячу лет, семьсот из которых истекли, когда Эней прибыл в Италию и воспользовался ее советом. Вероятно, в Куме существовала школа или, во всяком случае, череда питонесс, и это подтверждается тем фактом, что Сибилла получила не менее семи различных имен у разных древних авторов. Эти пророчицы писали свои предсказания на листьях, которые клали у входа в свой грот, и было очень важно сохранить эти листья до того, как их развеет ветер, поскольку, разлетевшись, они уже никогда не могли быть собраны вместе. Однако, похоже, питонессы иногда передавали свою мудрость и более существенным способом: сивилла, пришедшая во дворец Тарквина, принесла с собой девять томов, которые выставила на продажу по очень высокой цене. Когда монарх отказался их купить, она сожгла три книги, а за оставшиеся шесть потребовала такую же сумму. Таркин отказался их покупать, и она тут же предала огню еще три, требуя за оставшиеся ту же сумму денег. Такое необычное поведение настолько возбудило любопытство царя, что он купил книги, а Сибилла исчезла, и больше ее никогда не видели. Очень уместно, что последняя из сивилл исчезла именно в тот момент, когда на смену традиционным преданиям приходит поддающаяся проверке история.

Каково было содержание этих книг, и нашел ли царь повод сильно пожалеть о том, что не принял первое предложение Сивиллы о покупке всех девяти, мы не знаем. О том, что они высоко ценились римским народом, говорит тот факт, что для их хранения была учреждена коллегия жрецов, которая просуществовала до времен Сивиллы, когда они были уничтожены в огне Капитолия. Дошедшие до нас сивиллины повсеместно считаются подделкой.

Имя Тарквина вошло в список бесчестия мира из-за роли, которую один из членов его семьи сыграл в этой печальной истории, описывающей, как правление римских царей закончилось под облаком черноты и крови. Трагедия "Лукреция" - одна из тех картин, которые сохраняются навсегда благодаря своей простоте и естественности. Фигуры почти титанические по своей силе, но они будут признаны типичными для человечества во все времена. Поступки грубы, потому что исходят из основополагающих добродетелей и пороков, которые никогда не отделяются от сердец мужчин и женщин. Великий английский драматург идеализировал работу мысли и совести в главных действующих лицах; но на самом деле в каждой ситуации не было ничего, кроме голого, ничем не приукрашенного гуманизма. Была тирания, которая всегда сопровождает необузданную власть; была откровенная гордость честного солдата за непревзойденную красоту и доброту его жены дома; был жестокий звериный нрав человека, который не прислушивался к высшим инстинктам; было раненое сердце, которое не видело иной надежды, кроме как вернуть честь ценой жизни; были последующие горе и месть. Во всем этом нет ничего тонкого, ничего странного для человеческого знания. Здесь просто собраны воедино все общие переживания универсального человека. И все же перед нами одна из самых ярких мировых драм, и картина эта интересна тем, что в ней яркими красками изображены в одной сцене все великие мотивы и черты, которые обуревают и окрашивают человеческую жизнь.

Лукреция была дочерью римского аристократа и женой Коллатина, одного из представителей рода Тарквиниев. Римская армия входила в город Ардею, столицу рутульцев, а у молодых принцев, как покажет дальнейшее, было слишком мало занятий, чтобы удержать их от беды. Однажды они пили и беседовали в шатре Секста, сына царя. По солдатской моде, будучи заняты вином, их разговор перешел на тему женщин. Каждый из мужчин восхвалял превосходные прелести своей жены или обрученной. Их разговор, несомненно, не выходил за рамки законных супругов или тех, кто был таковым в перспективе; ведь в Риме тех дней не существовало класса *demi-monde*, да и вообще было много женщин, чья репутация целомудрия могла бы вызвать нарекания даже в свободном солдатском лагере. Жизнь тогда была строгой, а мораль - скорее интенсивной, чем широкой. Галантный спор все больше и больше разгорался среди товарищей, пока Коллатинус не сказал, что не нужно спорить по этому поводу, что за несколько часов можно легко убедиться, насколько его Лукреция превосходит всех остальных. Тогда он предложил им всем ехать в Рим и решить вопрос, чем будет занята его жена по его неожиданному прибытию. На это они согласились и тут же галопом поскакали в Рим, которого достигли в вечерних сумерках. Сыновья царя нашли своих жен проводящими время в роскошных развлечениях; согласились ли они с тем, что одна из них превосходит другие, нам не известно. Но дом Коллатинуса находился в нескольких милях за городом, поэтому его посетили в последнюю очередь. Уже поздно вечером они застали Лукрецию со служанками за прядением шерсти в атриуме, или среднем зале дома. Коллатинус и его друзья были с радостью приняты трудолюбивой Лукрецией и получили обильное угощение; они не замедлили высказать мнение, что она легко победила в состязании. Но красота личности и ума Лукреции произвела слишком глубокое впечатление на Секста, сына Тарквина. Всю дорогу до лагеря он прокручивал в голове, как бы ему снова нанести визит в дом в Коллатии, в котором он не желал видеть хозяина.

Через несколько дней Секст появился у дверей Лукреции и встретил радушный прием, в котором ее чистый разум не уловил никаких опасений. На внутренних дверях римского дома не было замков, ибо, как заставляет Шекспир рассказывать бедную Лукрецию:

"...в страшный мертвец темной полночи,

С блестящим фальчионом в покои мои вошел

Ползучая тварь с пламенем в руках,

И тихонько взывает: "Проснись, римлянка,

И развлеки мою любовь; иначе вечный позор

На тебя и на тебя в эту ночь я наложу позор,

Если ты желаньям моей любви будешь противоречить".

Его угроза заключалась в том, чтобы убить и госпожу, и одного из ее рабов-мужчин, причем положить их так, чтобы казалось, что он убил их, чтобы отомстить за честь Коллатинуса.

Таким образом, мы можем видеть, как бедная Лукреция могла искренне умолять:

"Враг мой был силен, а я, бедная, слаба,

И гораздо слабее от столь сильного страха;

Мой кровавый судья запретил мне говорить";

Ни одна правоверная мольба не могла взывать к справедливости;

Его багряная похоть явилась клятвой.

Что моя бедная красавица похитила его глаза,

А когда судья ограблен, узник умирает".

На следующий день она послала гонцов позвать мужа и отца. Они сразу же поспешили к ней, причем первый привел с собой Брута, который должен был возглавить освобождение Рима от позорного рода Тарквинов. Когда Лукреция рассказала свою историю, она заставила родственников поклясться, что преступник не останется безнаказанным. Они жестоко поклялись в этом, но попытались утешить ее тем, что, поскольку ее разум чист, она не понесла никакой вины. Лукреция ответила: "Вам остается позаботиться о том, что причитается Тарквину. Что касается меня, то, хотя я и оправдываю свою вину, от наказания я не освобождаюсь; и ни одна римлянка не переживет бесчестья, если будет следовать примеру Лукреции". Сказав так, она достала нож, который прятала в одежде, и вонзила его себе в сердце.

Брут, пока все были охвачены горем, осторожно извлек оружие из раны и, держа его в руках, по которым текла кровь Лукреции, воскликнул: "Этой кровью, самой чистой перед загрязнением царского злодейства, я клянусь и призываю вас, о боги, в свидетели моей клятвы, что я буду преследовать Луция Тарквина Гордого, его нечестивую жену и весь их род огнем и мечом, и всеми другими средствами, которые в моей власти; и никогда не допущу, чтобы они или кто-либо другой царствовали в Риме". К этой клятве присоединились Коллатинус и остальные. Они отнесли мертвое тело Лукреции в Рим и сумели дать населению последний стимул, необходимый для изгнания уже ненавистных Тарквинов. Так несчастья благородной Лукреции отомстили за злодеяния Туллия; историк говорит, что "она бежала из своего дома, и мужчины и женщины проклинали ее, куда бы она ни шла, и призывали на нее фурий, мстителей за родителей".

Какая часть этих историй о женщинах легендарного Рима может быть принята как факт, а какая должна быть отнесена к области вымысла, выяснить не представляется возможным.

Вероятно, мы не сильно ошибемся, если будем считать эти легенды морализаторством, основанным на фактах. Туллия олицетворяла для римлян всю порочность, от которой предостерегали женщин; в Лукреции были аккумулированы все добродетели, к которым женщина должна была стремиться. Это были живописные нравоучения; и, как моральный облик современной эпохи можно узнать из проповедей того времени, так и эти легенды отражают низшие и высшие этические представления раннего Рима.

II

БЛАГОРОДНЫЕ МАТРОНЫ РЕСПУБЛИКИ

После революции, традиционной причиной которой стала трагедия Лукреции и которая навсегда покончила с монархическим правлением в Риме, наша тема начинает выходить из тумана легендарных повествований в более ясный свет реальной истории. Теперь мы можем мельком увидеть женщин Рима, живущих и двигающихся на фоне реальных сцен и в условиях, которые, несомненно, преобладали.

Римское общество в начале Республики было наиболее четко и жестко классифицировано. Люди не только были разделены обстоятельствами рождения на отдельные классы, но и закон предписывал каждому человеку его конкретное положение, его обязанности, его привилегии и ограничения. Гражданин не мог выйти за их пределы, как и перейти в другой порядок творения, ибо закон в Риме был столь же абсолютным, сколь и жестким. Если говорить в общем, то существовало два сословия - патриции и плебеи. По общему мнению старых писателей, из толпы искателей приключений, хлынувшей в Рим при его основании, Ромул выбрал сто сенаторов, которые должны были назвать имена своих отцов. Их дети назывались патрициями. В третьем веке до Рождества Христова, когда плебеи отвоевали многие привилегии и должности у не желающего этого высшего сословия, Публий Деций, сам плебей, использует эту теорию происхождения патрициев с большой пользой для себя. Отстаивая в споре право своего сословия на священническую службу, он сказал: "Вы никогда не слышали, что первыми патрициями были не люди, ниспосланные с небес, а те, кто мог привести в пример своих отцов, то есть не более чем свободнорожденные? Что ж, я могу назвать своего отца, он был консулом, а мой сын сможет назвать деда". Эта чрезмерная гордость римских граждан тем, что они могут проследить свое отцовство через более или менее многочисленные поколения, не должна восприниматься как отражение характера первых матрон; она проистекала просто из того факта, что они могли так точно назвать свою родословную, чтобы исключить возможность происхождения от одного из общего стада бесправных жителей.

Этими последними были плебеи. Это сословие состояло из потомков древних людей, издревле населявших страну, обычных иностранцев, которых привлекали в город, и детей пленников, получивших свободу. Поначалу плебеи не имели никаких прав. Они жили, правда, под защитой городских стен, но на воле. Они не обладали избирательным правом и не имели права вмешиваться ни в какие общественные дела. Но они были свободны. Они владели собственностью, занимались ремеслом и торговлей. Вскоре выяснилось, что с

ростом их численности и значимости подавлять их со стороны знати становилось все труднее. При царе Сервии плебеи стали гражданами; и, как это бывает в любой стране, внутренняя история Рима не содержит ничего более интересного, чем неукротимая и успешная борьба этого низшего класса за все большие привилегии от упорных правителей. Однако только в 444 году до н. э. равенство прав достигло достаточного прогресса, чтобы между патрициями и плебеями стали допускаться брачные союзы. К началу христианской эры все практические различия между этими двумя классами исчезли.

В дополнение к двум основным орденам существовал еще и орден клиентов. В действительности это были вассалы, которые предпочитали зависимость от великих и богатых людей самостоятельной жизни в условиях нестабильной свободы. Они назывались по именам своих покровителей и причислялись к племени последних. Согласно законодательным актам, патрон был обязан содержать и защищать своих клиентов. В свою очередь, патриций мог рассчитывать на то, что его клиенты будут сражаться с ним, поддерживать его дело и окажутся верными сторонниками его дома как в добрые, так и в злые времена. Подчинение этих клиентов и бессовестное рвение, с которым они выполняли даже самые злые замыслы своих хозяев, хорошо иллюстрирует роль, которую Марк Клавдий сыграл в преследовании Виргиния децемвиром Аппием. Другим зависимым классом были рабы. Сначала их число было сравнительно невелико, но по мере того как завоевательные руки Рима распространяли по миру свое алчное владычество, пленников, притащенных в город с варварским триумфом, становилось все больше и больше по сравнению с населением. Они пользовались меньшими правами и страдали от режима, более бесчеловечного, чем в любом другом рабовладельческом государстве в истории.

То, что отличало один класс от другого в раннеримском обществе, не имело ничего общего с характером занятий людей, составлявших его. Самые знатные из ранних патрициев, как и самые простые плебеи, обрабатывали землю своими руками; они не гнушались заниматься торговлей или даже ростовщичеством. Богатство было не более важным фактором, чем род занятий, при определении принадлежности мужчины или женщины к тому или иному ордену. Со временем среди плебеев, несмотря на то, что патриции не пользовались привилегией заниматься грабежом в соответствии с законом, появилось много семей с большим богатством; но ни один человек не мог купить себе таким образом вход в высшее сословие. Кровная линия определяла эти различия; только происхождение могло дать патент на благородство. Неудивительно, что люди, верившие в божественное происхождение некоторых своих племен, признавали высшие права за хорошо проверенной родословной.

В большинстве обществ сословные преимущества проявляются в жизни женщин более заметно, чем в жизни мужчин. Похоже, что в ранние времена Римской республики это было не так. На самом деле, трудно понять, как сословные различия сильно отличали патрицианскую матрону от ее плебейской сестры. Ни та, ни другая не принимали никакого участия в государственных делах и не выполняли никаких общественных функций, за исключением религиозных. Обязанности каждой из них ограничивались домом, и ни одна женщина не была освобождена от обязанности лично и усердно трудиться. В эпитафиях многих знатных женщин восхвалялись их целомудрие и умение прясть. Действительно, свидетельства указывают на то, что любые другие качества, кроме этих двух, а также плодородия, скорее порицались, чем восхвалялись римлянами этого периода. Единственными преимуществами, которыми могла обладать женщина-патриций, были ее естественная гордость за привилегии своей семьи и почет, который оказывали ей

должности, занимаемые ее родственниками-мужчинами. Термин "глава семьи" никогда не имел такого тиранического значения, как в Древнем Риме. Это было место, которое женщина не могла занимать. Муж был всем и вся; никто другой не признавался законом. Жена, дети, клиенты и рабы были одинаково лишены собственной воли. Они были *mancipia*, под рукой отца. Именно он отвечал за них перед государством и судил их. Если жену обвиняли в преступлении, ее отдавали на суд мужу. И таков был закон вплоть до времен Нерона, когда Помпония Грессина, обвиненная в принятии чужеземного суеверия, была "отдана на суд мужа". Мужчина мог даже приговорить свою жену к смерти за определенные проступки, например, за нарушение брачного обета или даже за подделку фальшивых ключей, чтобы украсть его вино. После смерти мужа жена не могла претендовать на его имущество, если он завещал его другому, даже если оно было завещано совершенно постороннему человеку. В этом сурово дисциплинированном обществе женщина никогда не выходила из-под опеки. Ее рассматривали как принадлежность семьи, а не государства. Последнее состояло только из мужчин, для которых женщины были лишь необходимыми аксессуарами. Никто не считал, что женщина имеет право на независимость и индивидуальность. Она всегда находилась под властью одного хозяина: отца, когда была девочкой, мужа, когда выходила замуж, и ближайшего родственника мужского пола, если становилась вдовой. Если она получала какую-либо долю в имуществе отца или мужа, то не могла передать или завещать ее без согласия своего опекуна-мужчины, если только она не была весталкой; без того же согласия она не могла выйти замуж.

Но каким бы зависимым ни было ее положение, будь то служанка или матрона, к римской женщине всегда относились с почтением. *Стола*, характерное одеяние матроны, соответствующее тоге гражданина-мужчины, всегда обеспечивала ее обладательнице уважение, будучи не просто предметом одежды, но и знаком отличия, который можно было сохранить только при условии строгого соблюдения правил жизни, в дни рынка или в дни собрания. На вилле - жалкой хижине из грязи, стропил и веток - не пропадал ни один день, ни один миг. Гораций рисует не более приятную картину нравов древнего города. Он говорит нам, что "в Риме долгое время человек не знал другого удовольствия и другого праздника, кроме как открывать свою дверь на рассвете, объяснять клиентам закон и выкладывать свои деньги под хорошую гарантию. Они учились у старших и обучали новичков искусству приумножения своих сбережений". Но если вспомнить, что Катон был кислым и скупым пуританином, принявшим позу аскетизма, а Гораций - поэтом, не лишенным цинизма, жившим в обществе, в котором прелесть простых удовольствий была полностью забыта, можно считать, что обе картины, хотя и по разным причинам, несколько преувеличены. Тем не менее они служат для того, чтобы показать, насколько ограничена была жизнь жен первых римлян.

Однако эти сильные духом, интенсивные, практичные люди не были лишены развлечений. Культивировалась музыка, как вокальная, так и инструментальная. Существовали религиозные праздники, на которых процессии мальчиков и девочек пели благочестивые гимны. От Цицерона мы также узнаем, что гости на пирах имели обыкновение петь хвалу своим великим людям под звуки флейты. Нам легко представить себе домашнюю сцену, в которой Ветурия, мать юного Кнея Марция, снова и снова рассказывает любознательному мальчику вдохновляющие истории, которые он слышал у отцовского очага и которые должны были подготовить его к подражанию подвигам в Кориоли и завоеванию почетного имени.

Но, будучи по привычке торжественными и серьезными, эти древние римляне в то же время увлекались развлечениями грубого и гротескного характера. Даже в религиозные процессии они включали чудовищные механические фигуры с грозными зубами и огромными

челюстями, которые, открываясь и закрываясь, пугали женщин и детей, к большому удовольствию мужчин. С той же целью надевались отвратительные маски. На самом деле, умы людей тех времен отличались столь малой утонченностью, что они могли найти развлечение только в самых грубых и грубых шутках. Фарсы, которые были ничем иным, как нелепыми выходками и личными остротами буфонов, были завезены из Ателлы. Но начало римской драмы можно отнести к 364 г. до н. э., когда из-за моровой язвы, опустошившей город, были приглашены этрусские актеры, чтобы устроить сценические игры в честь богов. Мор закончился, и, следовательно, игры, считавшиеся эффективным средством, были сохранены. Эти игры состояли из танцев и песен, которые сопровождалась соответствующими, но не совсем правильными жестами. Позже был учрежден цветочный фестиваль, целью которого было побудить богиню весны даровать, чтобы все цветы, украшавшие поля во время цветения, были представлены плодами в урожае. Во время этих игр на сцене появлялись танцующие девушки, и мы можем сделать свои собственные выводы из того факта, что во времена Катона эта сцена считалась слишком фривольной для глаз столь серьезного человека. Но самым популярным из всех ранних праздников был праздник Анны Перенны, богини жизни. На этом празднике от сдержанности отказались. Обильно пить и слушать рассказ об ошибках Марса, принявшего отвратительную богиню за прекрасную Минерву, считалось делом благочестия. Молодые девушки должны были петь эту историю, полную самых грубых аллюзий. Но древние не рассматривали требования скромности в том же свете, что и мы. Они не считали, что невинность, рожденная невежеством, в котором современность считает ее принесенной в жертву чести, была сигналом для изгнания тирании.

Влияние женщины в государственных делах проявлялось не только в подстрекательстве населения к мерам по ее защите. Бывали случаи, когда с ее помощью предотвращались бедствия, а также времена, когда ради нее разгорались гражданские распри. Память о добрых заслугах матери Ветурии и жены Кориолана Волумнии, оказанных городу, никогда не угасала.

В истории этого храброго и надменного воина мы видим картину римской политической жизни. Это была грубая политика; каменные эпизоды, соответствующие характеру того времени, когда люди не знали никаких *тонкостей* и когда апеллировали непосредственно от разума к грубой силе и естественным чувствам людей. Возможно, было бы граничащим с литературной нечистоплотностью считать, что Шекспир в своем "Кориолане" не дал наилучшей интерпретации этого фрагмента старой республики; но это не одно из его величайших произведений, потому что материал лишен тех человеческих качеств, которые необходимы, чтобы вызвать глубокий интерес. Это драма, в которой есть только один мотив - филантропическое уважение. И тем не менее, он максимально использован, а великий драматург сумел оживить главных героев. В образе матери Кориолана мы видим матрону, достойную такого сына; роль жены - пассивная покорность воле сильных духом. Миссис Джеймсон в своей книге *"Характеристика женщин"* говорит: "В "Волумнии" Шекспир дал нам портрет римской матроны, задуманный в истинно античном духе и законченный во всех частях. Хотя Кориолан - герой пьесы, но интерес действия и финальная катастрофа во многом зависят от характера его матери и ее власти над его разумом, благодаря которой, согласно истории, "она спасла Рим и потеряла сына". Ее возвышенный патриотизм, ее патрицианская надменность, ее материнская гордость, ее красноречие и ее возвышенный дух показаны с максимальной силой воздействия; при этом правда женской натуры прекрасно сохранена, а портрет, при всей его энергичности, лишен резкости". Мы вполне можем поверить, что Ветурия - которую Шекспир, вслед за Плутархом, называет Волумнией - была женщиной, которая могла сказать: "Когда он был еще нежен и единственным сыном моего чрева... Я с

радостью позволила ему искать опасность там, где он хотел найти славу. Я послала его на жестокую войну, откуда он вернулся с дубовыми бровями". А когда жена с трепетом спрашивает: "А если бы он погиб в деле, госпожа, что тогда?", мать должна была ответить: "Тогда, по его доброму отзыву, он должен был стать моим сыном". Это согласуется с утверждением греческого историка о том, что Кориолан героически сражался не только ради славы и азарта битвы, но и чтобы получить похвалу от своей матери.

Действие в истории Ветурии и ее сына полностью политическое. Равновесие сил между патрициями и плебеями было очень узким, особенно когда трудности заставляли последних разбираться в претензиях первых. Голода было более чем достаточно, чтобы побудить низшие слои населения угрожать привилегиям высшего класса, а Рим в то время страдал от нехватки кукурузы. Население не было полностью убеждено притчей Менения о том, что весь долг патрицианского сословия состоит в том, чтобы быть брюхом государственного организма. Народ протестовал, трибуны видели в этом возможность получить более широкие полномочия, сенаторы были склонны к покорности. Но надменный дух Кориолана не желал уступать древние привилегии. Ради матери он добивался консульства; тем не менее он разозлил общинников, хотя не мог получить этот пост без их поддержки. Напряжение стало настолько сильным, что его друзья-патриции не смогли предотвратить его изгнание. Он покинул Рим, но вернулся, чтобы отомстить во главе армии вольсков. Этот враг и так представлял угрозу для Рима, а перебежка великого вождя в их ряды поставила разгромленный город на их милость. Тогда римляне вспомнили, что, хотя женщины неспособны к политической деятельности и не могут сражаться, они являются мощным фактором в обращении к тем чувствам человеческого сердца, из которых проистекают справедливость и жалость. Аргументы послов и уговоры жрецов не помогли; власти были вынуждены прибегнуть к авантюре, которую могли бы осуществить слезы женщин, к которым из всех римлян Кориолан сохранил хоть какое-то уважение. Его мать и жену умоляли сделать последний призыв. Этот план по вдохновению пришел в голову Валерии, сестре великого Публикола, когда она вместе с другими матронами молилась в храме Юпитера. Ветурия и Волумния, ведя за собой двух сыновей Кориолана, отправились в лагерь войсков. Когда они приблизились, Кориолан, хотя и решил оставаться непреклонным, проявил сыновнюю почтительность; он вышел им навстречу и приказал опустить фасции в присутствии матери. Римские историки наделяют Ветурию благородным достоинством, когда она произносит: "Прежде чем принять ваши объятия, дайте мне знать, к кому я пришла: к врагу или к сыну; пленница ли я в вашем лагере или мать. Неужели долгая жизнь и горемычная старость уготованы мне для этого - видеть тебя изгнанницей и врагом?... Так вот, если бы я не была матерью, Рим не был бы осажден; если бы я не была сыном, я могла бы умереть свободной в свободной стране". Дух этого - истинно римский. Даже женщины были приучены к тому, что требования крови и естественные привязанности занимают второстепенное место по сравнению с долгом верности государству. Этот призыв в сочетании с объятиями жены и причитаниями других матрон одержал верх над гневом Кориолана, и снова Рим был спасен римских женщин. В награду за это мужчины города возвели монументальный храм, посвященный Женской Фортуне.

Римские матроны служили общественным интересам города не только как миротворцы. Не раз казна пополнялась за счет их щедрых пожертвований. Не раз золотые украшения жен становились подспорьем для железного оружия мужей, а в одном случае они добились того, чего не смогли добиться последние. Когда галлы сожгли город и были отброшены от цитадели только после уплаты тысячи фунтов золота, причем на галльскую сторону весов был брошен меч Бреннуса, чтобы обеспечить хороший вес, эта сумма не могла бы быть собрана, если бы не самопожертвование матрон. В благодарность за это отцы-призывники

постановили, что отныне заупокойные оратории должны произноситься женщинами. Впоследствии золото было возвращено женщинам из этрусских награбленных денег. Когда же, согласно клятве Камилла, Аполлону должна была быть принесена дань, матроны принесли все, что у них было из драгоценного металла, и это было особенно почетно: из золота была сделана чаша, которую понесли в Дельфы. По этому случаю они также были вознаграждены: сенат предоставил им привилегию ездить на общественные богослужения и игры в крытых колесницах, а по другим делам - в открытых повозках. Историк вводит эту последнюю информацию словами "говорят"; приходилось ли до этого римским дамам ходить пешком, остается только догадываться без дополнительных доказательств.

Некоторое представление о том, что представляли собой эти золотые украшения, можно получить из рассказа о добровольном пожертвовании, которое было сделано в Риме в более поздний период. Требовались средства для оснащения флота против Филиппа Македонского, союзника Ганнибала. Консул Левин, призывая своих коллег-сенаторов показать пример общественной щедрости, говорит: "Давайте завтра принесем в казну все наше золото, серебро и чеканную медь, каждый оставит кольца для себя, своей жены и детей, и буллу для своего сына; а тот, у кого есть жена или дочери, - по унции золота на каждого. Пусть у тех, кто сидел в кресле курула, будут украшения коня и фунт серебра, чтобы у них была солонка и блюдо для служения богам..." Несмотря на то, что в ответ на этот призыв потребности флота были в изобилии удовлетворены, можно сделать вывод, что в этот период, около 280 года до н. э., декоративные вкусы римских дам еще не приобрели той роскоши, которой они стали отличаться впоследствии. Не было такого распространенного украшения, как кольцо, местом ношения которого в те ранние времена, когда носили только одно, был третий палец левой руки. Оно использовалось для запечатывания писем и бумаг, а задолго до конца Республики возник обычай украшать кольца драгоценными камнями. Действительно, люди ранней Республики не были незнакомы с самыми изысканными произведениями ювелирного искусства; но все еще было распространено сознание непревзойденной ценности личных достоинств, которые могли позволить себе быть независимыми от внешнего украшения, и отголоском которого было упоминание Корнелией своих сыновей как своих драгоценностей.

Но времена скоро должны были измениться. До сих пор мы видели римских матрон, живущих простой, трудолюбивой, безыскусной жизнью женщин, которые были подходящими подругами для мужчин, державшихся за плуг, но не смевших опустить меч. До тех пор Рим был всего лишь городом, борющимся за существование - порой весьма шаткое. Бывали случаи, когда его удача падала почти на самое дно, когда прилив прогресса, казалось, замирал. Бог победы, хотя и почитался как божество-покровитель Рима, часто был равнодушен к его итальянским соседям; в его стены входили и разрушали его дома варвары-галлы; однажды он был на грани того, чтобы быть покинутым своими гражданами, большинство из которых едва ли могли быть сдержаны идеалами религии, чтобы не перенести государство и Капитолий в Вейи. Однако звезда империи не погасла и, несмотря на временные затмения, продолжала восходить.

Как эти столетия переменчивой гражданской судьбы отразились на положении женщин? В силу обстоятельств они были приучены переносить лишения. Храм Януса никогда не закрывался, потому что войны шли непрерывно, а предсмертный плач вдовы обычно усугублялся тем, что муж был убит в расцвете сил. Рабство и бесчинства, сопутствующие варварским войнам, всегда входили в число возможных вариантов судьбы римской матроны. В таких условиях цивилизация неизбежно продвигалась медленно; только по мере того, как жизнь, свобода и досуг были обеспечены, существование могло приобретать социальные

черты. Поэтому есть вероятность, что в течение первых двух с половиной столетий Республики, то есть до тех пор, пока Рим не встал на путь завоеваний, положение, привычки и образ жизни женщин не претерпели значительных изменений. Правда, происходило непрерывное внутреннее развитие государства, но оно проявлялось скорее в усилении тех законов, которые демонстрируют твердость старого римского характера, чем в какой-либо тенденции к облегчению индивидуальной жизни граждан. Никогда еще личные привилегии не были так полностью подчинены государственной прерогативе. Законы, которые жестко - даже рабски - интерпретировались в соответствии с буквой и никогда в соответствии с духом, рассматривали человека с точки зрения его ценности для государства и редко - с точки зрения его собственных прав. Ценность женщины для государства была полностью подчинена ценности ее мужа. Поэтому эдикты, предоставляющие женщине привилегии, принимались с большим трудом, если только это не было платой за какой-то особый акт лояльности с ее стороны по отношению к государству. Жесткие и непреклонные в своих представлениях о жизни были эти старые римляне, практичные и несентиментальные в отношениях друг с другом, узкие в своих понятиях, гордые до высокомерия своим государством и почитающие только свои институты.

Но со временем они прорвали свою замкнутость силой собственного оружия. Победоносные контакты с другими государствами позволили им ближе познакомиться с плодами цивилизации, а завоевательные трофеи дали им средства, чтобы наслаждаться ими. Таким образом, во второй половине республиканского периода мы видим, как жизнь в Риме стремительно меняется. В качестве типичного примера этого нового положения вещей, отразившегося на характере, статусе и положении женщин, можно привести только одну женщину. В Корнелии, дочери Сципиона Африканского и жене Семпрония Гракха, можно найти идеал римской женственности того времени. Она во всех отношениях была достойна своего патрицианского рода, который произвел на свет больше выдающихся людей, чем любая другая семья: за восемьдесят шесть лет Корнелии занимали двадцать один консульский пост. Корнелия жила в Риме, который мы можем понять и оценить; мы начинаем узнавать социальные черты, за которые может зацепиться воображение и на их основе составить представление о реальности. До сих пор данные были слишком чужими и скудными, чтобы добиться в этом успеха; но когда мы читаем о том, как Корнелия обзавелась загородным домом, ездила на общественные богослужения, слушала сплетни своих подруг о драгоценностях друг друга и интересовалась греческой литературой, мы обнаруживаем, что основные черты жизни римской матроны по сути не отличались от тех, что характеризуют вежливое женское общество в наше время. Действительно, в Риме 150 года до н. э. есть больше того, что может вызвать нашу симпатию, чем в Европе 1000 года н. э. или в азиатских цивилизациях наших дней. Мы чувствуем себя более уютно в патрицианских виллах, чем в средневековых замках; точно так же мы находим больше применимого к современной жизни в римских поэтах, чем в рыцарских бардах. Изучая период, когда древняя цивилизация Италии была на высоте, мы обнаруживаем привычки мышления, образ жизни и социальные обычаи, которые действительно поражают нас своей схожестью с теми, к которым мы привыкли.

Во времена Корнелии город не проявлял особых внешних признаков того великолепия, которое он приобрел при императорах. Дома были в основном кирпичными, хотя домашняя архитектура приобрела весьма амбициозный характер: сама Корнелия построила, как уже говорилось, очень дорогую виллу в Мизенуме; дома богачей были заставлены дорогой мебелью и драгоценными произведениями искусства, которыми римляне впервые научились восхищаться в покоренных ими странах; приобретя вкус к красивым вещам, они не стеснялись их присваивать. Рим разбогател на трофеях своих громких побед, и, как всегда

бывает с приходом богатства, произошла большая дифференциация в состоянии населения. Полибий дает нам представление об экстравагантном стиле, в котором Эмилия, мать Корнелия, появлялась на публике. "Когда она выходила из дома, чтобы отправиться в храм, - говорит он, - она садилась в сверкающую колесницу, сама одетая с чрезвычайной роскошью. Перед ней торжественно несли вазы из золота и серебра, необходимые для жертвоприношения, а сопровождал ее многочисленный отряд рабов и слуг". И это несмотря на оппийский закон, который ограничивал матронам полунции золота на одежду и запрещал ездить в каретах по городу, и который еще не был отменен. Проезжая по улицам Рима со своей блестящей свитой, вызывая зависть других матрон и одаривая благосклонным признанием белокожих, статных патрициев, эта модная дама, должно быть, видела столько же признаков унижительной, страдающей нищеты, сколько и в наших великих городах. К этому времени плебейский орден был возведен в ранг равных с патрициями, и общество стало делиться на чрезвычайно богатых и чрезвычайно бедных. Первые обеспечивали свое положение за счет поборов в провинциях; положение вторых было безнадежным из-за того, что весь труд выполняли рабы. Теперь в Риме царило неизвестное доселе положение вещей: мужчины и женщины бездельничали, добровольно или вынужденно, в зависимости от обстоятельств.

Изменилось и положение женщин. Они начали отстаивать свои права, о чем в прежние времена даже не мечтали. Отцу семейства больше не позволялось беспрекословно вершить свой произвол. Ливий рассказывает об инциденте, который иллюстрирует это развитие событий и интересно отражается на характере Эмилии и истории Корнелии. Он рассказывает, что "сенаторы, собравшиеся однажды в Капитолии, встали вместе и попросили Африкана перед отъездом обручить его дочь с Гракхом; договор был исполнен в надлежащей форме в присутствии этого собрания. Вернувшись домой, Сципион сообщил своей жене Эмилии, что заключил брачный союз с ее младшей дочерью. Она, чувствуя, что ее женская гордость уязвлена, выразила недовольство тем, что с ней не посоветовались при выборе их общего ребенка, добавив, что, даже если бы он отдал ее Тиберию Гракху, ее мать не должна была бы оставаться в неведении относительно его намерений; на что Сципион, радуясь, что ее мнение полностью совпадает с его собственным, ответил, что она обручена именно с ним".

Хорошо сказано, что слова, которые Плавт вкладывает в уста Алкмены, можно применить и к характеру Корнелии, которую ее великий отец одарил не менее достойным человеком: "Мой удел - целомудрие, скромность и страх перед богами; любовь к родным; покорность мужу, доброта к хорошим людям, помощь храбрым". Она также получила *дом*, сопровождающий брак, который начинал высоко цениться среди матрон Рима как имеющий более практическую ценность, чем вышеупомянутые моральные качества. Он состоял из пятидесяти талантов золота. Но еще не наступило время, когда богатства добродетели и благонравия были совершенно неценными; еще оставались матроны, которые могли войти, с лицами, не напыщенными и не смущенными, в храм, воздвигнутый целомудрию; и на могилах многих из них можно было бы правдиво написать, как на могиле Клавдии: *"Нежная в словах, изящная в манерах, она преданно любила своего мужа; она хранила свой дом, она прядла шерсть"*. Среди этих целомудренных матрон Корнелия превосходила всех; ее слава сохранилась как высший тип чистой, благородной, культурной римской матроны. Она жила в полном согласии со своим мужем, и мы можем полагать, что отчасти благодаря ее влиянию великодушный Семпроний Гракх нашел в себе силы командовать армией, набранной из рабов, и освободить их на поле боя в награду за храбрость, к которой он подстрекал.

Плутарх в своей жизни сыновей Гракха повторяет историю, которая, хотя и характеризуется суевериями того времени, показывает, как высоко ценили Корнелию ее муж и все, кто ее знал. В ней говорится, что однажды Гракх обнаружил в своей опочивальне пару змей, и прорицатели, посоветовавшись с ним по поводу этого чуда, посоветовали не убивать их обеих и не дать им сбежать; добавив, что если убить мужскую змею, то Гракх умрет, а если женскую, то погибнет Корнелия. Поэтому, так как он очень любил свою жену, он решил, что ему, старому человеку, гораздо больше подобает умереть, чем ей, еще молодой женщине; поэтому он убил змею-самца и позволил самке спастись. Вскоре после этого он умер, оставив жену и двенадцать детей, которых она ему родила. "Корнелия, взяв на себя все заботы по хозяйству и воспитанию детей, зарекомендовала себя такой благоразумной матроной, такой ласковой матерью, такой постоянной и благородной вдовой, что Тиберий, как всем казалось, поступил неразумно, решив умереть за такую женщину; которая, когда сам царь Птолемей предложил ей свою корону и хотел жениться на ней, отказалась от этого и предпочла жить вдовой. В таком состоянии она пребывала и потеряла всех своих детей, кроме одной дочери, которая была замужем за Сципионом Младшим, и двух сыновей, Тиберия и Кая". Дочь, Семпрония, похоже, во всех отношениях была не похожа на свою мать. Непривлекательная и бездетная, она не любила и не была любима своим мужем; более того, на нее пало подозрение в том, что она стала причиной его смерти.

Корнелия была вполне способна взять на себя воспитание своих детей. Все, что о ней рассказывают, говорит о женщине, которая стремилась идти в ногу со всем, что было прогрессивным в ее время. Дух литературы только недавно обрел свое перерождение, и впервые на римской земле. Его породил, как и пятнадцать веков спустя, бессмертный гений греческой поэзии. Римляне покорили Грецию физически, но эллинская образованность подчинила себе римские идеи. Сципионы были горячими сторонниками греческой культуры, и в этом, как и во всех других отношениях, Корнелия заняла передовое место среди представителей своего одаренного рода.

Она обеспечила своих детей самыми эрудированными из греческих мастеров и не жалела усилий, чтобы привить их уму любовь ко всему изящному и культурному. В справедливо прославленном красноречии ее сыновей был признан дар, который они унаследовали от матери, о чем свидетельствовал Цицерон, видевший ее письма. Она обладала не только способностью, но и смелостью, чтобы побудить их к благородным поступкам во имя своей страны. Возможно, не столько честолюбие по отношению к себе, сколько к ним заставило ее упрекнуть сыновей в том, что она до сих пор известна как вдова Сципиона, а не как мать Гракхов. Но они не теряли времени, чтобы заслужить для нее, как своими подвигами на поле боя, так и преданностью гражданским делам государства, отличие этого последнего титула.

Римская республика настолько выродилась, что подчинилась олигархии, состоящей из нескольких гордых и богатых семей - худшей из всех форм правления. Сенаторы грубо использовали свою власть для накопления огромных богатств и монополизации земли путем захвата общественных владений. Независимость среднего класса быстро уменьшалась, а растущие народные массы угнетала нищета, от которой они не имели возможности освободиться. Гракхи стремились облегчить это зло, принимая законы, ограничивающие количество земли, которой мог владеть один человек, и компенсируя власть дворянства обеспечением экономической независимости народа. Гракхи были реформаторами, и каждый из них в свою очередь достиг диктаторской власти. Но хотя они добились принятия своих мер, они не смогли воплотить их в жизнь; и в конце концов, как это часто бывает с реформаторами, поскольку они были достаточно дальновидны, чтобы увидеть зло в том, что большинство правителей считало добром, для них не оставалось ничего, кроме

мученической смерти. Они страдали по очереди: Кайус взялся за дело там, где Тиберий был вынужден отказаться от него из-за убийства.

Расставание Кая с женой в утро его собственной смерти - сцена из героической трагедии. Его не смогли убедить вооружиться, за исключением маленького кинжала под тогой. Когда он собирался выйти, Лициния остановила его на пороге, держа его за одну руку, а их маленького сына - за другую. Она умоляла, чтобы он не показывался на глаза убийцам своего брата. "Если бы твой брат, - убеждала она, - пал перед Нумантией, враги отдали бы то, что осталось от Тиберия; но такова моя тяжелая судьба, что я, вероятно, должна быть мольбой к потопам или волнам, чтобы они где-нибудь вернули мне твои мощи. Ибо раз Тиберия не пощадили, то какое доверие мы можем возлагать на законы или на богов?" Но Кай, мягко отстранившись от ее объятий, ушел, а Лицинию, упавшую в обморок, как мертвую, отнесли в дом ее брата Красса.

Корнелия перенесла смерть двух своих сыновей с присущим ей благородством духа. Она удалилась в свой приморский дом на мысе Мизенум; там она окружила себя учеными людьми и особенно любила развлекаться с представителями греческой литературы. Все ее очень уважали, а ее друзья не желали большей привилегии, чем слушать ее воспоминания о своем отце, Сципионе Африканском. Она с гордостью добавляла: "Внуки этого великого человека были моими детьми. Они погибли в священном для богов храме и роще. Они получили гробницы, которые заслужили их добродетели, ибо они пожертвовали своими жизнями ради самой благородной цели - стремления содействовать благосостоянию народа". Такой была Корнелия, и она была самой благородной из матрон Республики. О ней нельзя сказать ничего лучше, чем то, что она больше всего прославилась отраженной честью, которая выпала на ее долю как матери Гракхов; тем не менее она заслуженно заняла высокое место среди великих и добрых женщин всех времен.

III

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИИ

В наше время и в христианских странах мы привыкли к тому, что религиозные вопросы занимают более заметное место в жизни женщин, чем в жизни мужчин. Это объясняется тем, что наша форма религии в большей степени связана с эмоциями и теми темами, которые вызывают к чувствам, чем с практическими делами жизни. Там, где детали или приспособления богослужения тесно связаны с общими занятиями, которыми занят народ, оно сразу же становится менее специфическим уделом женщин. Например, там, где существует союз между церковью и государством, в зависимости от степени этого союза и в связи с тем, что женщины в значительной степени отстранены от управления государственными делами, церковь в большей степени привлекает внимание мужской части населения. Кроме того, там, где, как в Азии, считается, что затея может закончиться неудачей, если она не будет заключена в соответствии с преобладающими религиозными обрядами, мужчины менее склонны к небрежности в выражении почтения богам. Когда, как в средневековой Европе, все сферы человеческой деятельности находились под надзором

церкви, искусства находили в ней значительную часть своей тематики, а все сделки нуждались в ее санкциях, влияние женщины в религии было гораздо менее преобладающим, чем сейчас. Все это свидетельствует о том, что в женском поклонении меньше материального самопожертвования, чем в мужском.

Никогда еще интимная связь между материальным и духовным не была так сильно подчеркнута, как в Древнем Риме. Действия богов и богинь были частью жизни людей. Ничто не существовало и не происходило в государстве, обществе или частной жизни без того, чтобы его причина не приписывалась сверхъестественному. Следствием этого стало то, что каждый римский гражданин рассматривал поклонение своим божествам как практическую обязанность, пренебрежение которой влекло за собой практические последствия. В то же время женщине отводилось важное место в религии не только в силу ее природы, но и в силу того, что почитание сверхъестественного было связано с каждым этапом жизни. Поклонение было не только частным, но и общественным делом. Оно входило во все. Следовательно, религиозные обязанности и привилегии женщины в точности соответствовали ее жизненной активности. Согласно римской теологии, мир сверхъестественного был точным аналогом мира естественного. Все имело свое особое божество. Были могущественные боги и богини, стоявшие во главе национальных интересов, войны и мира, процветания и наказания, совета и справедливости; были божества, от которых зависели природные явления, времена года, погода, всходы и урожай; были и второстепенные духи, от благоволения которых зависел успех каждого человеческого действия.

Согласно римской концепции, ничто не происходило без помощи какого-то особого божества, в чью компетенцию входило содействие данной конкретной форме деятельности. Говорят, что Варро, в конце эпохи Республики, смог перечислить тридцать тысяч этих богов и богинь. Римская жизнь, общественная и частная, ни на минуту не отрывалась от религии. Сенат заседал в храме Юпитера; важной частью долга полководца на поле боя было обращение к богу войны; наказание виновных было жертвоприношением оскорбленному божеству; все общественные развлечения проводились в честь богов; Все упорядоченные события в жизни человека были религиозными церемониями; ведь даже семейная трапеза не должна была проходить без того, чтобы часть ее не была отведена домашним богам; и всегда при входе в дом сначала оказывалось почтение Ларам. Отсюда следовало, что роль женщины в религии была соизмерима с ее ролью в жизни римлян. Вряд ли можно сказать, что ее положение в этом отношении было подчиненным. Если Марс, бог битвы, был центральным объектом римского поклонения, то Веста в равной степени почиталась у общего очага, который символизировал существование и благополучие города; и поскольку призывать воинственное божество было уделом мужчин, то из числа женщин, хранительниц домашнего очага, выбирались почетные хранительницы священного огня. Важно отметить еще один факт. Хотя для проведения церемоний общественного поклонения назначались жрецы, они ни в коем случае не были посредниками. Каждый проситель обращался непосредственно к божеству. Он мог счесть за благо посоветоваться с профессиональными людьми, которые знали, как наиболее убедительно обратиться к богам; но акт заступничества был личным делом каждого человека и не нуждался во вмешательстве доверенного лица. Поэтому женщины были так же свободны в обращении к богам, как и мужчины; и, по сути, во многих вопросах, которые особенно касались их пола, и в других вещах, в которых это казалось уместным, только они могли делать это должным образом.

Завоевать благосклонность определенного божества означало оказать ему более или менее пристальное внимание; в целом это был очень простой процесс. Сохранилась картина, найденная в Риме, на которой изображены две женщины, возносящие благоволения Марсу,

причем их мужья, вероятно, отсутствовали в армии. Каждая из них принесла переносной алтарь, и в разгорающееся пламя, перед маленькой фигуркой божества, они опускают ароматное благовоние. Возможно, это жертвоприношение происходило под открытым небом, скорее всего, на Форуме. Таким образом, женщинам было легко приносить свои жертвы и просить защиты для тех, в чьем благополучии они были заинтересованы. Практичные римляне рассматривали свои отношения с божествами как нечто похожее на торговлю; за определенное внимание они были вправе ожидать соответствующей защиты. Они даже практиковали то, что можно назвать благочестивым мошенничеством по отношению к силам, которым они поклонялись. В некоторых случаях им казалось, что, если боги не могут использовать реальность, ее вполне может заменить недорогая замена. Например, приятно осознавать, что в ежегодном жертвоприношении мужчин, которое весталки приносили отцу Тибра на Сублицанском мосту, не было ничего более человеческого, чем изображения людей, сделанные из осины; но когда мы читаем о головках мака и даже лука, которые преподносили Юпитеру, чтобы он мог практиковать свои молнии на них, а не на головах граждан, инстинкт самосохранения становится более очевидным, чем способность к рассуждению, которую они приписывали богу. В своей религии римляне учились экономии. Их мясные жертвоприношения составляли семейную трапезу, а свинья казалась им более подходящим объектом для жертвоприношения богам, поскольку ее мясо было любимым блюдом их самих.

Во многих случаях римляне доверяли, как они считали, судьбу государства религиозному рвению женщин. Существовало несколько божественных покровительниц, поклонение которым было исключительной обязанностью представительниц слабого пола. Самой важной из всех была Веста; позволить ее священному пламени угаснуть было одним из величайших общественных бедствий. Тот факт, что эти должности, занимаемые женщинами, рассматривались римлянами как чрезвычайно важные, не мог не отражать достоинства женственности и не усиливать уважение, с которым относились к этому полу. На самом деле, хотя женщины не занимали признанного места в гражданских и государственных делах, в религии они были гораздо ближе к равным правам с мужчинами. Если мужчина был жрецом, то его жена была жрицей. Женщины так прочно утверждали свою власть, полученную в результате обладания религиозными должностями, что в правление Тиберия было сочтено необходимым принять закон, согласно которому в священных делах жрица Юпитера должна подчиняться своему мужу.

Одной из самых интересных особенностей римской религии было поклонение Весте и учреждение ордена девственниц, посвятивших себя ее служению. Ничто так ярко не иллюстрирует тот факт, что римская религия была обусловлена расовыми обычаями. Изучение ранней истории арийской расы показывает, что во время миграций племен на молодых девушек, естественно, возлагалась обязанность разжигать костер в лагере, когда их люди останавливались на отдых; а поскольку примитивный способ добывания огня путем трения сухих палок не позволял сделать это легко, важно было сохранить пламя, когда оно уже было получено. Кроме того, костер в лагере означал многое: он означал комфорт, пропитание, здоровье, семью и социальную общность; он был либо источником, либо отображением лучшего в первобытной жизни. Яркое пламя было для соплеменников благодетельным божеством, разумеется, богиней; ведь с его помощью особенно поощрялась женская деятельность - богиня, любящая целомудрие, ведь что может быть чище огня? Отсюда идея, что девственницы, как те, кто разжигает полезное пламя, должны посещать общий очаг, освященный в честь божества и символизирующий жизнь племени.

Нума Помпилий, второй из легендарных царей Рима, как уже говорилось, учредил коллегию весталок и сформулировал правила жизни, к которой они были привязаны. Однако представляется вероятным, что этот орден был более древним, чем сам город; он восходит, как уже говорилось, к доисторическим временам, когда предки латинских племен переселились из общего арийского дома. Сначала римских весталок было четыре, по две на каждое из исконно римских племен, рамнов и титов; после добавления луцеров их число увеличилось до шести. Девы становились весталками в возрасте от шести до десяти лет. Когда возникала вакансия, главный понтифик выбирал двадцать девушек из патрицианского ордена, заботясь о том, чтобы выбрать только тех, кто был в полном здравии, без малейших физических изъянов и подавал надежды на будущую красоту. Затем прибегли к жребию, чтобы сама богиня имела возможность указать, кто из них должен быть выбран в качестве ее жрицы. Дева, которой выпала эта удача, протянула свою правую руку понтифику, который сказал: "Я беру тебя; ты станешь жрицей Весты и будешь совершать священные обряды ради безопасности римского народа". Затем девушку проводили в дом священных дев, которые обрезали ей волосы и облачили в белые одежды ордена. Эта церемония во многом соответствовала тому, как современная монахиня принимает постриг. Срок посвящения составлял тридцать лет, таким образом, десять лет давалось на изучение обязанностей, десять - на их практическое исполнение в качестве служительниц, и десять - на управление орденом и получение высших почестей в дар. По истечении тридцати лет весталки имели право вернуться в свои семьи или выйти замуж, если они того пожелают; но этим разрешением редко пользовались, предпочитая служить богине, которой они поклялись в своей девственности.

Главной обязанностью весталок было сохранение огня, который день и ночь горел на алтаре их божества. Если по редкой случайности он угасал, священное пламя можно было разжечь, только растерев кусочки дерева, к чему прибегали с великой торжественностью. Позже, однако, был принят метод концентрации солнечных лучей в вазе из обожженного металла. У весталок были и другие важные функции, главными из которых были принесение определенных жертв и охрана записей и важных документов, а также чтимых реликвий города. Они хранились в самой тайной части храма, и среди них были фетиши, которые, как говорили, были привезены в Трою Дарданом, а из Трои в Италию Энеем. Римляне считали их залогом существования империи. Никому, кроме главной весталки, не разрешалось входить во внутреннее святилище, где они хранились. Неудивительно, что, поскольку функции, возложенные на них, были сопряжены с таким огромным значением для государства, к этим жрицам относились с таким же, если не большим, уважением, на какое мог бы претендовать любой римский чиновник. Их тщательно оберегали от оскорблений и обид: любой, кто их нанесет, карался смертью. Всякий раз, когда весталка появлялась на публике, ее сопровождал ликтор, перед которым уступали дорогу все, даже высшие должностные лица государства. В ее присутствии всегда опускали фасции. Она была свободна от опеки родственников-мужчин, которой подвергались все остальные римские женщины. Следовательно, весталка не только могла получать наследство, но и пользовалась неограниченным правом распоряжаться своим имуществом. В суде она могла давать показания без необходимости приносить присягу. На всех общественных играх и религиозных банкетах она занимала почетное место. Если преступник, даже направлявшийся на казнь, случайно встречал ее на улице, его тут же отпускали на свободу.

С другой стороны, если их привилегии были велики, то дисциплина была суровой. Если они нарушали незначительные правила ордена, наказание назначала главная весталка. Если нарушительницей оказывалась она сама или если проступок был настолько серьезным, что позволял погасить священный огонь, провинившуюся деву раздевал, а затем бичевал

главный понтифик во мраке затемненной комнаты. Если весталка нарушала обет целомудрия, ее ждала ужасная смерть. В месте, называемом *campus sceleratus* - проклятое поле, - была подготовлена подземная камера. В этой камере были тщательно оборудованы кровать, лампа, небольшое количество масла, хлеб, вода и молоко. Жертву укладывали на одр и с похоронной пышностью несли к месту гибели. Там, в присутствии толпы, после произнесения священником определенных молитв, весталка спускалась в свою живую гробницу. Свод быстро засыпали, а затем покрыли крышей из кирпича, засыпали землей и тщательно разровняли, таким образом, все следы камеры смерти были уничтожены, и несчастная жертва была оставлена на произвол судьбы. Свидетели казни отвернулись от места, полагая, что смерть преступника предотвратит страшные беды для них и их семей.

Хотя, возможно, эти случаи недостаточно хорошо засвидетельствованы, чтобы исключить сомнения в том, что иногда в жертву приносились невинные, интересно отметить, что в истории есть случаи, когда Веста приходила на помощь своим слугам. Дионисий рассказывает, что, когда Эмилию собирались наказать за то, что она доверила священный огонь послушнице, которая позволила ему погаснуть, весталка, предварительно помолившись богине, оторвала полоску от своего одеяния и бросила ее на пепел, после чего огонь немедленно разгорелся. Тучция, обвиненная в нарушении обета целомудрия, обратилась к богине и сказала: "О Веста, если я когда-либо обращалась к тебе с чистыми руками, даруй мне знак, доказывающий мою невинность". Тогда, словно по вдохновению, она взяла сито и, отправившись к Тибру, вернула его полным воды, показав тем самым, что чудеса никогда не бывают лишними в любой религии, если ее приверженцы в последующие века имеют достаточно веры, чтобы в них поверить. Это событие стало темой гравюры на печати ордена, образец которой сохранился до наших дней. В четвертом веке до Рождества Христова Постумия была обвинена в подобном преступлении. Ей удалось доказать свою невинность без привлечения богов в качестве свидетелей, но главный понтифик, "по наставлению коллегии, велел ей воздерживаться от нескромных развлечений и одеваться с большим вниманием к святости, чем к элегантности".

Храм Весты стоял в восточном конце Форума, и это место хорошо подтверждается сохранившимися руинами. По преданию, первый храм был построен Нумой; он был разрушен в 390 году до н. э., когда город сожгли галлы. После этого его перестраивали не менее четырех раз, всегда на том же месте, сохраняя ту же форму и размеры. Он был небольшим и круглым по форме, куполообразная крыша опиралась на колонны, которые окружали внутреннюю стену. Внутри находился низкий круглый алтарь, где постоянно горел священный огонь, уходу за которым были посвящены девственницы-жрицы. Дом, в котором жили весталки, стоял позади храма, в сторону Палатинского холма. Несколько лет назад у подножия холма были проведены раскопки, в результате которых был обнаружен этот дом, сохранившийся в прекрасном состоянии. В нем есть большой атриум, характерный для древнеримских домов, в который со всех сторон выходят комнаты. Сохранилась лестница, и многие комнаты на верхнем этаже до сих пор целы. О том, что весталки жили роскошно, свидетельствует богатство декора, а также остатки ванных комнат и дымоходов. Последние использовались для отопления римских зданий из печи, во многом аналогично привычному нам способу. Однако больше всего в этом доме нас интересует тот факт, что в нем было найдено большое количество статуй, изображающих самих весталок. Каждая статуя первоначально стояла на постаменте с именем и посвятельной надписью.

Предположительно, лица и фигуры не льстят священным девам, поскольку они не отличаются ни красотой, ни грацией; но они дают нам их имена, и, что, возможно, представляет еще больший интерес, они изображают одежду весталок. Оно состояло из длинного платья со шнуром вокруг талии, завязанным спереди узлом. Поверх него накинута

большая мантия, устроенная так, что ее можно накинуть на голову как капюшон; она ниспадает большими складками, с тяжелыми кистями по углам. Вокруг головы - характерная шерстяная лента, похожая на диадему, которая всегда отличала весталок и была для них тем же, чем для монахинь является вуаль. На ногах - сапоги из какого-то мягкого материала. Надписи на постаментах датированы, самая поздняя - 364 г. н.э. Этот постамент особенно интересен тем, что на нем выбито имя весталки, но не в результате бесцельного вандализма. Очевидно, это было сделано с намерением стереть имя; ведь инициал "С" был оставлен, чтобы, хотя от нее и отреклись, личность оскорбленной девы не была забыта. Это была Клавдия, обратившаяся в христианскую веру.

Прославление девственности в ордене весталок должно было способствовать поддержанию высокого морального тона, царившего среди женщин раннего Рима. Они постоянно видели в самом центре гражданской жизни группу дев, занимавших почетное положение в награду за абсолютную чистоту характера. Хотя безбрачие не почиталось само по себе, ни в одном случае, кроме тех, что были у поклонниц Весты и Цереры, в них оно не могло не быть примером добродетели. А если к святости, необходимой для этой должности, добавлялась личная репутация тех девственниц, чья слава о святости была приумножена многолетней преданностью, влияние должно было быть в пользу добрых нравов. Какая необходимость, уместно спросить, была у римлянок поклоняться святыне богини целомудрия, когда у них была Оккия, которая, как сообщает Тацит, руководила весталками в течение пятидесяти семи лет с величайшей святостью? То, что такой пример не был более действенным, чем на самом деле, следует объяснить тем, что служанки и матроны Рима считали, как это свойственно людям во все времена, что сверхчеловеческая добродетель весталок искупает любые недостатки их собственной. Возможно, именно это приписывание им заместительного характера отчасти объясняет высокую оценку девственности весталок. И хотя наступило время, когда от незапятнанной репутации стали охотно отказываться в других местах, в доме Весты к ней по-прежнему предъявлялись жесткие требования.

Однако, несмотря на всю эту заботу, орден не был полностью защищен от противодействующего влияния времени. По мере того как римские нравы расслаблялись, по городу все реже стали распространяться скандалы, унижающие репутацию весталок. Ближе к концу Республики интрига с одной из этих девиц стала казаться молодым аристократам тем более привлекательной, что она была сопряжена с трудностями и опасностями, и есть основания полагать, что попытки не всегда оказывались неудачными. Когда Рим заразился пороком, ознаменовавшим его упадок, колледж Весты не избежал этого. Однако вплоть до последних языческих времен бывали случаи, когда жрица жестоко доводила до сознания требований их должности, как, например, когда Домициан сурово наказал их за проступки, которые, как ни странно, не заметили Веспасиан и Тит.

Еще одним культом, тесно связанным с женской частью римского общества, было поклонение Церере, одному из двенадцати великих божеств Капитолия. Она была богиней кукурузы и урожая, мифической дочерью Сатурна и Весты, и, как и ее божественная мать, требовала девственной жрицы, а женщины, посвятившие себя ее служению, пользовались привилегиями, почти равными привилегиям весталок. Римляне воздавали ей великое поклонение, и ее праздник, длившийся восемь дней, отмечался матронами каждый год в апреле. Они несли зажженные факелы в память о мифе, в котором описывается, как богиня зажгла факелы в пламени горы Этна, чтобы отправиться на поиски Прозерпины, своей дочери, унесенной Плутоном. От всех матрон, участвовавших в ее мистериях, требовалось пройти посвящение; посещение праздника без предварительного посвящения каралось смертью.

Как римские женщины поклонялись Весте и Церере, так они почитали и Бона Деа, добрую богиню, которая благословляла брачные союзы плодородием. В ее характере, как это было задумано в самые ранние времена, был пример того целомудрия, которое сначала оценивалось так высоко, а затем было оставлено так легкомысленно. Миф о ней гласит, что после замужества ее не видел никто, кроме мужа. В связи с этим ее праздник римские матроны отмечали по ночам в домах высших чиновников государства. В таких случаях мужчина дома покидал свою обитель вечером, и вместе с ним отправлялось все мужское существо. Все статуи мужчин, которые находились в доме, тщательно завуалировали, и на эту ночь женщины были в единоличном владении. Что касается характера церемоний, то мы не располагаем вполне определенными сведениями, поскольку, хотя они не всегда были защищены от вторжения мужчин, матроны, по крайней мере, кажется, преуспели в сохранении тайны своих мистерий; но, поскольку римский способ воздания почестей богам всегда включал развлечения для поклоняющихся, мы можем считать само собой разумеющимся, что праздник Бона Деа состоял в основном из банкетов, музыки и игр. Однако утверждается, что в более поздние времена эти развлечения превратились в гораздо менее невинные.

Ювенал говорит: "Секреты Бона Деа хорошо известны. Когда музыка возбуждает их и они разгорячены ею и вином, эти менады Приапа бешено носятся вокруг, крутят свои локоны и воют". Далее он обвиняет участников этих празднеств в самых развратных излишествах. Но сатира Ювенала отличается не столько остротой острия, сколько силой, с которой она пускается в ход; и совершенно очевидно, что для того, чтобы его инвективы прозвучали, он никогда не стеснялся прибегать к преувеличениям. Хотя все авторитеты сходятся во мнении, что обряды, используемые в поклонении Бона Деа, в более поздние времена сопровождались нелегальным поведением со стороны матрон, история не дает убедительных доказательств правдивости этого обвинения. Есть случай вторжения Хлодия в дом Юлия Сезара по такому случаю; но приведение этого факта в качестве доказательства не подкрепляет обвинения, поскольку единственной женщиной, которая, казалось, была готова согласиться на его присутствие, была Помпея, и у нее не было возможности встретиться с ним, поскольку остальные очень быстро выгнали его из дома.

Непрерывное вырождение римских нравов заставит нас в дальнейшем изображать общественную жизнь, в которой мало что может разбавить монотонность проступков; поэтому мы лишь дадим римской женщине полное преимущество во всем, что можно сказать в ее пользу, если вспомним случай, произошедший в те времена, когда добродетельные матроны были еще правилом, а не исключением. В 295 году до н. э. сенат, чтобы предотвратить зло, предсказанное предзнаменованиями, постановил, что два дня должны быть посвящены религиозным обрядам. Ливий рассказывает, что в это время возникли разногласия между матронами, поклонявшимися в храме патрицианского целомудрия. Это наглядно показывает, что женщинам - хотя, возможно, критика не должна ограничиваться только их полом - трудно быть безупречными в главном, не будучи при этом цензурными в безразличных вопросах. Мы позволим римскому историку рассказать эту историю в его собственной манере. "Виргиния, дочь Аула, патриция, но вышедшая замуж за консула Волумния, плебея, была отстранена другими матронами от участия в священных обрядах, поскольку вышла замуж не за патриция. Возникла короткая перепалка, которая впоследствии, из-за несдержанности страстей, свойственных этому полу, переросла в пламя раздора. Вирджиния искренне хвасталась, что имеет право войти в храм патрицианского целомудрия, поскольку она патрицианка по происхождению, целомудренная по характеру, к тому же жена одного мужа, с которым обручена девственницей, и, кроме того, у нее нет причин быть недовольной ни мужем, ни его подвигами, ни его почестями. К своим

высокопарным словам она добавила важности необычным поступком. Она отгородила перегородкой часть своего дома, достаточную для небольшого святилища, и воздвигла там алтарь. Затем, созвав плебейских матрон и пожаловавшись на пагубное поведение патрицианских дам, она сказала: "Этот алтарь я посвящаю плебейскому целомудрию и призываю вас, чтобы та же степень подражания, которая преобладает среди мужчин государства в отношении доблести, сохранялась и среди женщин в отношении добродетели; и чтобы вы прилагали все усилия, чтобы этот алтарь имел честь быть посещаемым более святыми и лучшими женщинами, чем другие, если это возможно". Торжественные обряды на этом алтаре совершались почти по тем же правилам, что и на более древнем, и никому не разрешалось принимать участие в жертвоприношениях, если только это не была женщина, отличавшаяся целомудрием и состоявшая в браке с одним мужем".

Далее Ливий рассказывает, что плебейское святилище не поддерживало высоких стандартов, установленных его основателем; впоследствии в него стали принимать женщин, которые далеко не соответствовали первоначально установленным правилам. В конце концов, он прекратил свое существование; но то, что патрицианский храм целомудрия служил упреком свободе последующих поколений, показывает Ювенал, когда говорит: "С каким презрением Туллия вдыхает воздух, когда проходит мимо древнего алтаря целомудрия".

Благочестие римских женщин добавило множество храмов, возведенных для поклонения богам, и священные сооружения, посвященные богиням, были многочисленны. Иногда храмы строились государством специально для женщин. После того как гнев Кориолана был усмирен с помощью женщин, им в награду был подарен храм Женской удачи. Другой храм был посвящен *Fortuna virilis*. Вначале функция этой богини заключалась в сохранении для жен привязанности их мужей, но с течением времени божество утратило свой прежний добрый характер и превратилось в покровительницу самых беспринципных кокеток. Этот храм - одно из древних сооружений, которые удалось сохранить и использовать в современных целях; уже более тысячи лет он служит христианской церковью под именем Святой Марии Египетской. Он принадлежит армянам римско-католической веры, проживающим в Риме, и напрашивается мысль, что не совсем неуместна та превратность, которая привела к тому, что храм, где древние куртизанки искали помощи у богини случая, теперь посвящен Марии, знаменитой кающейся Египта.

В императорском Риме было принято возводить храмы в честь императоров, но память только одной женщины была прославлена таким образом, и в этом случае говорят о преданности мужа, а не о достоинствах его жены. Это был храм Фаустины, построенный после ее смерти благородным Антонином Пием. Если верить историкам того времени, в Фаустине не было никаких качеств, кроме красоты, которые ее императорский супруг мог бы по праву отметить. Но Антонин считал иначе; и в истории императоров, безусловно, нет ничего столь трогательного, как святость, с которой он хранил память о ней до самой своей смерти. Какими бы недостатками ни обладала Фаустина, она, несомненно, была достойна обожествления, как и большинство императоров, удостоившихся этой чести. Так, несомненно, считал и ее муж, который был слишком большим философом, чтобы всерьез верить в какие-либо римские божества, человеческие или сверхъестественные. Он просто принял народный метод, желая воздать жене как можно больше почестей. Этот храм, часть которого сохранилась до наших дней, в средние века использовался также в качестве церкви, но главный интерес в наши дни представляют многочисленные древние надписи, которые были обнаружены на его колоннах и основаниях.

В первые годы существования Республики религия оказывала чрезвычайно благотворное влияние на нравы народа. Мужчины не смели обращаться к Юве за помощью в несправедливых делах, женщины могли надеяться на благосклонность Весты, Цереры или Бона Деа, лишь пообещав, что их поведение будет безупречным. Но поскольку люди постоянно жили в страхе перед богами, их религия была скорее эффективна как полицейский институт, чем как источник утешения. Как это неизбежно происходит со всеми религиями, дух требовал новых форм, прежде чем люди осознали, что старые отжили свой век; и пришло время, когда римское поклонение стало не более чем утомительными, неинтересными церемониями, которые проводились с невероятной рабской тщательностью в отношении ритуальных тонкостей. Это перестало привлекать сердце и не могло больше убедительно донести до разума. Поэтому, когда в триумфальных шествиях победоносных полководцев в Рим пришли чужеземные божества и новые формы поклонения, народ был готов принять их с той надеждой, которая всегда приветствует неиспытанные возможности.

Новое божество, вошедшее в их хорошо наполненный пантеон, всегда казалось римлянам ценным приобретением. Бог в Риме - это бог для Рима, и оказывать радушное гостеприимство всем известным божествам было частью национальной политики. По мере того как завоевательные армии разносили славу Рима по миру, у женщин дома все шире становился круг божеств, у алтарей которых они могли возносить мольбы об успехе воинов. Наконец, город стал столь же космополитичным в своем пантеоне, как и в своем населении. Если матроны уставали или разочаровывались в проверенных временем Весте и Церере, они могли обратиться к возбуждающим страсть обрядам сирийской Астарты, к странным церемониям фригийской Кибелы или к более интеллектуальным мистериям египетской Исиды. Когда Вейи были захвачены, самым ценным трофеем стала статуя Матуты; а поскольку удача оставила город, богиня, похоже, решила покинуть его вместе с ней. Так, по крайней мере, считали римляне; они утверждали, что когда богиню спросили, согласна ли она поселиться в Риме, она согласилась, едва заметно кивнув головой. Это считалось удачей, почти равной приобретению города. Поклонение Матуте было в большей степени свойственно женщинам, поэтому тот факт, что они превзошли мужчин в своем ликовании, объясняется историей, которая сообщает нам, что они толпились в храмах, чтобы воздать благодарность еще до того, как народ получил приказ сената сделать это. В храм Матуты допускались только замужние женщины, а из них - только свободные, за исключением тех случаев, когда они несли туда своих детей для благословения богини.

Но первое заметное ухудшение древнеримского культа под влиянием чужеземных обрядов произошло с приходом Идейской матери. В 203 году до н. э. римляне по велению сивиллиных оракулов отправились в Малую Азию за знаменитым фригийским божеством Кибелой, мифической матерью богов. Сенат должен был назначить самого добродетельного человека в республике для получения изображения богини. Этой чести удостоился Публий Сципион, но для того, чтобы это происшествие принесло ему более прочную славу и большую выгоду в настоящее время, была назначена одна из матрон. Женщины Рима отправились в Остию, чтобы сопроводить божество в город. Легенда гласит, что судно с изображением натолкнулось на отмель в устье Тибра, и все попытки снять его оказались безрезультатными. Одной из самых благородных присутствующих матрон была Клавдия Квинта. Справедливо или нет, но эта дама попала под подозрение в связи со своим поведением. Увидев в затруднительном положении богини великолепную возможность, она устремила свою репутацию на дерзкий шанс оправдаться. Подойдя к борту судна, которое находилось недалеко от берега, она обратилась к божественной матери с мольбой засвидетельствовать ее добродетель, следуя уговорам ее целомудренных рук. Затем она закрепила свой пояс на носу лодки, и, к всеобщему удивлению и к вящей радости ее

клеветников, судно легко поддавалось ее легкому усилию. В качестве доказательства истинности этого утверждения последующие поколения могли указать на статую Клодии, которую люди того времени воздвигли у дверей храма Кибелы.

Виктор Дюруи, комментируя изменения, произведенные этими новыми божествами, говорит: "Они придали новый оттенок религиозным убеждениям людей, которым так долго хватало грубой формы поклонения. Рожденные на палящем Востоке, эти божества требовали диких обрядов и благочестивых оргий. Драматические зрелища, одурманивающие церемонии жестоко воздействовали на тупой римский ум и возбуждали религиозное безумие; впервые римлянин ощутил на себе действие тех средств, которые, в зависимости от характера учения и состояния ума, вызывают диаметрально противоположные эффекты - абсолютную чистоту жизни или избыток разврата, освященного религиозной верой". Лукреций свидетельствует об этом в яркой картине экстравагантности, которой отличался праздник Кибелы. Он описывает ее сопровождающих в их представлениях по улицам, танцующих с веревками, прыгающих под звуки ужасной музыки, в то время как кровь струится из их самонанесенных ран. О том, как это действовало на женщин, можно судить по Ювеналу, который изображает, как этот неистовый хор входит в дом, а жрец угрожает матроне грядущими бедствиями, которые она охотно пытается предотвратить дорогостоящими подношениями. В другом месте он упоминает храм "привозной матери богов" как посещаемый брошенными женщинами, которые принимали участие в оргиях, устраиваемых в ее честь. На то, что женщины были более склонны к поклонению чужеземным божествам, чем мужчины, наводит, пожалуй, один отрывок из "Тибуллы". Поэт находится вдали от Рима и болен. Он жалуется: "Здесь нет Делии, которая, собираясь отпустить меня из города, сначала советовалась со всеми богами..... Все предсказывали мое возвращение, но ничто не мешало ей плакать и присматривать за мной, когда я уходил..... Что мне теперь твоя Изида, Делия? Что мне эти ее медные сестры, которые так часто тряслись от твоей руки? Теперь, богиня, помоги мне, ибо то, что человек может быть исцелен тобою, доказано многими изображениями в твоих храмах. Пусть моя Делия, облаченная в льняные одежды, сидит перед твоими священными дверями, совершая бдения, обетные для меня; и дважды в день, с распущенными волосами, пусть она произносит положенные хвалы тебе. Мне же дано праздновать мои родные пенаты и ежемесячно возносить благовония моему древнему Лару".

Но самым вредным из всех иноземных суеверий был вакхический культ, который был привнесен в Рим во втором веке до Рождества Христова низкородившим греком из Этрурии. Он провозгласил себя священником, ответственным за тайные ночные обряды. Обращаясь к самым худшим склонностям, на которые способна человеческая природа, он вскоре собрал вокруг себя большое количество мужчин и женщин, среди которых были представители самых знатных семей. Они участвовали в некоторых религиозных обрядах, но главным развлечением было безудержное потакание вину, пиршествам и страстям. Естественно, эта организация стала и рассадником всевозможных преступлений, включая убийства и заговоры. Благодаря обещанию хранить тайну, взятому с посвященных, эта зараза успела распространиться в огромных масштабах, прежде чем о ней стало известно Сенату. В том, как она была обнаружена, кроется интересная драма, которая не только проливает свет на само дело, но и в некоторой степени раскрывает положение определенного класса римских женщин, о которых история почти ничего не знает.

Публий Эбутий был молодым человеком рыцарского звания, отец которого умер, а мать, Дурония, снова вышла замуж. Его отчим, злоупотребляя имуществом Эбутия и не желая давать отчет, сговорился с противоестественной матерью так, чтобы ее сын не мог

потребовать отчета. Они договорились, что вакхические обряды - единственный способ погубить молодого человека. Поэтому мать сообщила ему, что во время его болезни она поклялась, что если по милости богов он выздоровеет, то она посвятит его в вакхические обряды. В течение десяти дней она инструктировала его, как подготовиться, и пообещала, что на десятый проведет его к месту встречи. Юноша очень невинно согласился на это, думая, что это лишь заслуга богов, по милости которых он наслаждался восстановленным здоровьем. Все прошло бы так, как хотела его мать, если бы не тот факт, что он сильно привязался к куртизанке по имени Хиспала Фекения. Эта молодая вольноотпущенница обладала характером, намного превосходящим тот образ жизни, к которому ее принуждали, пока она была рабыней. Хиспала знала о мире больше, чем Эбутий, и когда он сообщил ей, что собирается пройти обряд посвящения в вакханки, она заявила, что для него и для нее было бы лучше лишиться жизни, чем сделать это. Она рассказала ему, что, когда она была рабыней, ее водила на эти обряды ее госпожа, хотя после освобождения она старалась избегать этого места. По ее словам, она знала, что это прибежище разврата. Перед тем как расстаться, молодой человек дал ей торжественное обещание, что будет держаться подальше от этих обрядов. В результате этого мать и отчим выгнали его из дома, а сам он, посоветовавшись с теткой Эбутией, был вынужден рассказать обо всем консулу Постумию.

После некоторых расспросов Хиспала была приведена в присутствие консула, которому она подробно рассказала о происхождении мистерий. Она рассказала, что поначалу обряды совершали только женщины. Мужчины не допускались. В то время у них было три установленных дня в году, в которые проходили посвящения, но только днем. Матроны тогда назначались жрицами по очереди. Пакулла Миния, жительница Кампании, став жрицей, перестроила всю систему, утверждая, что сделала это по указанию богов. Она ввела мужчин, первыми из которых были ее собственные сыновья; изменила время празднования с дневного на ночное; вместо трех дней в году назначила пять дней в каждом месяце для посвящения. С тех пор как обряды стали общими, а к ним добавилась развратная свобода ночи, не было ничего порочного, ничего вопиющего, что не практиковалось бы среди них. Не думать ни о чем противозаконном было главной максимой их религии.

После того как Хиспала сделала это заявление, Постумий представил все дело на рассмотрение сената. Последовало активное преследование вакханалий, и выяснилось, что более семи тысяч мужчин и женщин принесли клятву ассоциации, доказав тем самым, что быстрый рост религии не дает гарантии истинности ее доктрин или чистоты принципов. Тех, кто был признан наиболее глубоко запятнавшим себя дурными практиками, предали смерти; многие покончили с собой, чтобы избежать наказания со стороны властей; остальные были заключены в тюрьму. Осужденные женщины передавались родственникам или тем, под чьей опекой они находились, для наказания наедине; если же не находилось подходящего человека для исполнения приговора, наказание все же приводилось в исполнение, но наедине и человеком, назначенным судом.

По предложению консула Постумия сенат также постановил, чтобы городские квесторы выдали Эбуцию и Гиспалу по хорошей сумме денег из государственной казны в качестве вознаграждения за открытие незаконных вакхических церемоний. Эбутий был освобожден от обязательной службы в армии, а Хиспала получила уникальную привилегию распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению; она должна была иметь право выйти замуж за человека почтенного происхождения, и чтобы тот, кто женится на ней, не был опозорен; консулы, занимавшие в то время должность, и их преемники должны были заботиться о том, чтобы ей никогда не было нанесено никакого ущерба.

Несмотря на то, что римские власти решительно боролись с вакхическими злоупотреблениями, этот и другие подобные паразитические наросты, закрепившиеся на религиозных инстинктах народа, так и не были изжиты. Среди множества пагубных явлений, которые переползли и в конце концов вытеснили жизнь из крепкого античного организма, мы находим все порочные заменители религии, известные дохристианскому миру. Во времена упадка Рима древняя национальная религия распалась и была почти полностью вытеснена. Многие императрицы покровительствовали иностранным оргиастическим культам, и, если рассматривать многогранное развитие римской религии в целом, то получается странное зрелище, когда замечательное улучшение философии сопровождается большим ухудшением нравов. С одной стороны, были те, кто боролся с концепцией трансцендентной природы божества и единства природы; с другой - те, кто делал во имя богов все, что считалось недостойным человечества. И во всем этом злобном размножении низменных представлений о религии, как и в познании высшей философии, женщина принимала самое активное участие. Ни одна римлянка не была нерелигиозной, как бы ни была велика косность ее морального облика, хотя иногда ее благочестие принимало настолько причудливые формы, что сам факт превосходил воображение. Например, Агриппина Младшая стала жрицей обожествленного Клавдия, которого она уговорила жениться на ней, несмотря на то, что он был ее дядей.

Не следует, однако, думать, что, поскольку римская религия развила эти излишества благодаря вливанию восточных суеверий, она оказалась лишенной тех возвышающих влияний, которые являются уделом веры в божественное. Не было недостатка в тех, кто, любя доброе, прекрасное и истинное, подкреплял свои стремления верой в провидение божества; а к доктрине будущей жизни, хотя философы и придерживались ее с большими колебаниями, постоянно прибегали для утешения люди. Насколько широко были распространены эти идеи и насколько схожи с нашими были мысли тех древних римлян, упускают из виду люди, которым не нужно больше причин для того, чтобы исключить какую-либо религию из рассмотрения, кроме того факта, что она языческая. Плутарх, отстаивавший догмат о единстве Бога, Его провидении и бессмертии души, писал своей жене: "Ты знаешь, что есть те, кто убеждает народ, что душа, освободившись от тела, не терпит ни неудобств, ни зла". О более позитивной, хотя и менее философской вере людей свидетельствуют слова, которые мать вырезала на гробе своего ребенка: "Мы страдаем от жестокой раны; но ты, обновленный в своем существовании, живешь на Елисейских полях. Боги повелевают, чтобы тот, кто заслужил дневной свет, вернулся в другом облике; это награда, которую принесла тебе твоя доброта. Теперь, в цветущем меду, блаженные, отмеченные священной печатью, принимают тебя в стадо Вакха, где наяды, несущие священные корзины, утверждают тебя в качестве своего спутника, возглавляющего торжественные процессии при свете факелов". За исключением некоторых образов и языческих имен, вера этой женщины может быть легко принята как христианская.

УХОД СТАРОЙ РИМСКОЙ ПРОСТОТЫ

Вместе с распространением иноземных завоеваний Рим был покорен стремительной революцией в мыслях и привычках. С середины второго века до Рождества Христова мы тщетно ищем старую республику. Религия, нравы, мораль, занятия, развлечения - все изменилось. Старинный римский характер уходит, как прилив, по сужающемуся руслу все уменьшающегося числа тех, кто держится за древние идеалы. Нравственность достигла того уровня, который во времена Калигулы и Нерона был самой низкой отметкой, до которой когда-либо опускался цивилизованный народ. Римляне не смогли противостоять соблазнам, сопутствующим завоеваниям. Физически непобедимые, они не были вооружены против натиска чужеземных пороков. Государство непомерно разбогатело за счет грабежей и поборов; одна кампания принесла добычу на сумму в девять миллионов шестьсот тысяч долларов. Сципион плакал, когда брал Карфаген; ведь он прекрасно понимал, что его народ ни в коем случае не готов взять на себя столь обширное владычество, разве что ценой национального характера. Полибий говорит, что после завоевания Македонии люди считали себя способными в полной безопасности наслаждаться завоеванием мира и его трофеями.

Но богатство было не единственной составляющей урожая, собранного римскими мечами. После трансмаринских войн новые идеи и греческая образованность стали привычными для народа, который не был приспособлен, как греки, к простому теоретизированию, а претворял свои мысли, во благо или во вред, в жизнь в полную меру своих сил. Следствием этого стало то, что Рим со смертельной серьезностью погрузился во вновь приобретенные пороки; а новые учения эллинизма, вместо того чтобы возвысить умы людей, лишь породили безразличие к древним божествам. "Вы спрашиваете, - говорит Ювенал, - откуда наши расстройства? В иные времена скромная жизнь сохраняла невинность латинских женщин. Долгие бдения, руки, закаленные трудом, Ганнибал у ворот Рима и римские граждане в оружии на его стенах - все это охраняло от порока скромные жилища наших отцов. Теперь мы терпим бедствия долгого мира; на нас обрушилась роскошь, более грозная, чем меч, и покоренный мир отомстил нам дарами своих пороков. С тех пор как Рим утратил свою благородную бедность, в наши стены вошли Сибарис и Родос, Милет и Тарентум, увенчанные розами и благоухающие благовониями". Все древние писатели сходятся в одном мнении. Старый аскетизм жизни был скорее результатом бедности, чем совести; простые привычки первых веков Республики сохранялись лишь до тех пор, пока не было средств сделать их более роскошными. Если бы богатство пришло в Рим благодаря промышленности, то медленный процесс, который только и развивает способность к оценке, позволил бы людям правильно использовать свое лучшее состояние.

Но богатство застало их врасплох, и мы видим, как показное развращение быстро заняло место чистой, хотя и скудной жизни. Вновь процитируем Полибия, который сам был перевезен из Македонии в Рим в качестве военнопленного: "Большинство римлян живет в странном распутстве. Молодые позволяют себе самые постыдные излишества. Они предаются зрелищам, пирам, роскоши и беспорядку всякого рода, чему, как видно, они научились у греков во время войны с Персеем". Катон обращает внимание на новые нравы с тем горьким презрением, которое было так сильно в старом римляnine. "Посмотрите на этого римлянина, - говорит он, - он сходит с колесницы, делает пируэты, рассказывает буффонады, шутки и гнусные истории, затем поет или декламирует греческие стихи, а потом снова делает пируэты". Подражание грекам ревностно использовалось в воспитании молодежи. Сципион Эмилиан рассказывает: "Когда я вошел в одну из школ, куда вельможи посылают своих сыновей, великие боги! я нашел там более пятисот молодых девушек и

юношей, которые получали среди актеров и позорных личностей уроки игры на лире, пения, позирования; и я видел ребенка двенадцати лет, сына кандидата на должность, исполнявшего танец, достойный самого развратного раба". Школу, о которой здесь идет речь, не следует понимать как обычное учреждение для передачи знаний римским детям; целью описанной школы, по-видимому, было культивирование того, что римляне считали благородными достижениями. Существовали и другие школы для обучения чтению, письму и обычным отраслям знаний. Эти школы также были свободны для девочек, как и для мальчиков, и всегда управлялись частными предприятиями, а не государством.

Замечательная революция в мыслях и нравах, которую эллинизм произвел в Риме, не могла не отразиться на существовании женщины. О том, что она не отставала от мужчины в "буйстве", убедительно свидетельствуют историки и другие писатели того времени. В городе, некогда отличавшемся чистотой нравов, стало много домов с дурной репутацией. В основном в них жили женщины, которые были рабынями, но обрели свободу, пожертвовав своей честью. Дома такого рода являются местом действия почти всех комедий Плавта и Теренция, которые нашли весь свой материал в Риме, хотя публичные дома, о которых они пишут, располагались в Афинах, а их персонажи носили греческие имена. Проституция, однако, не ограничивалась вольноотпущенницами; в водоворот вырождения неизбежно втягивались женщины всех сословий. Несмотря на то, что в 141 году до н. э. сенат предпринял серьезную попытку противостоять растущей распущенности нравов, дойдя до строительства храма Венеры Вертикордии, Венеры, которая должна была обратить женские сердца к добродетели, характер того времени слишком ревностно посвящал весь пол Афродите, чтобы обращение к ее более благородной тезке могло привести к чему-то достойному внимания.

Однако не стоит думать, что все новые импульсы, возникшие в результате победоносного контакта с чужими странами, оказали на жизнь женщин Рима не что иное, как пагубное влияние. Происходящие перемены открывали дверь к свободе, хотя для очень многих это означало не что иное, как выход к необузданной вольности. В любом случае, горизонт кругозора римской женщины значительно расширился, ее ум стал занят все большим количеством тем, и круг ее деятельности существенно расширился. Поскольку у ее мужа теперь были и другие интересы, кроме интересов воина, гражданина и земледельца, в последнем из которых ей одной было позволено играть признанную роль, теперь ей было предоставлено более широкое поле, на котором она могла быть его спутницей; отныне она становилась не столько придатком, сколько равной. Но не потому, что в ее пользу были приняты новые законы; скорее, законы были разработаны с целью преодолеть результаты тех обстоятельств, которые привели к ее эмансипации. Но невозможно преодолеть развитие, которое является естественным результатом условий, приветствуемых народом; поэтому в новом обществе, которым в Италии был заменен старый порядок, женщины вскоре узнали, как с помощью юридических фикций они могут добиваться целей, которые все еще оставались незаконными. В последнее столетие Республики мы видим совершенно новую женщину, занявшую место старой матроны. Она разъезжает по городу в экипаже, соответствующем ее богатству и положению; она принимает в своем роскошном доме ученых людей, с которыми изучает греческих авторов; она оказывает такое влияние на сенат, что законы принимаются в ее пользу; она часто интригует в политических вопросах; ей не чужды разводы и повторные браки; и, занимаясь этим, она оставляет прядение шерсти, занятие, с незапамятных времен считавшееся почетным для матрон, исключительно своим домохозяевам и рабам.

Эти значительные изменения в статусе женщины не прошли даром. Они стали поводом для серьезных споров в сенате и горьких упреков со стороны любителей старомодных устоев. В бедах обвиняли эллинизм, по одному случаю из города были изгнаны все греческие философы; но это было все равно что удалить старое семя после того, как хорошо вызревшее растение стало опираться на собственные корни. По отношению к новому порядку вещей жители Рима делились на три класса. Среди них были молодые мужчины и женщины из знати, которые приветствовали перемены, но были опьянены новыми удовольствиями, к которым давало доступ богатство и в которые они бросались с полным пренебрежением к приличиям. Среди них, однако, было несколько вдумчивых душ - класс с лучшим характером, - которые, хотя и с большим удовольствием принимали то, чему эллинизм мог научить их в отношении более широкого образа жизни, знали, как отсеять мякину от зерна и напитать свой разум последним. Лучшими представителями этого рода была семья Сципионов, все они были ревностными покровителями греческой образованности. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, Корнелия, дочь Сципиона Африканского, содержала свой дом в Мизенуме самым щедрым образом, сделав его центром эрудиции и собрав вокруг себя многих ученых людей своего времени. В оппозиции к обоим этим классам находились люди, чей тип можно найти во всех эпохах, бескомпромиссные в своем консерватизме и не видящие ничего, кроме предвестия национальной катастрофы, в любом изменении старых методов жизни. Их полное представление о том, какой должна быть и что должна делать женщина, выражалось в формуле: "Она добродетельна; она сидит дома; она прядет шерсть". Эту партию умело возглавлял Катон Цензор, который был совершенно неспособен понять, почему женщины его времени должны желать чего-то иного, кроме того, что удовлетворяло их женских предшественниц в нищенские времена ранней Республики.

Ультраконсервативный идеал, конечно, не мог быть реализован, хотя в умах людей еще оставался большой запас чувств, которые можно было использовать в его пользу; но когда времена готовы измениться, самые мощные призывы оказываются тщетными. Более мудрый курс выбрали Сципионы и Гракхи, которые попытались направить новое движение по пути улучшений и реформ. В случае успеха это позволило бы сохранить древние принципы, приспособив их к новым условиям, и Рим сохранил бы свое моральное величие, повысив при этом свой материальный престиж; но импульс, приданный поспешностью народа к приобретению того, чем он еще не умел наслаждаться, увлек римское общество мимо всех поворотов в нужном направлении. В результате мать Гракхов стала почитаться как образец женского совершенства, а не как пример того, какими могли бы стать римские матроны в условиях новой свободы. Затем началось ослабление моральных ограничений, в результате чего Рим скатился к состоянию дикости, которое становилось еще более ужасным из-за присутствия материальных сопутствующих цивилизации факторов.

Однако следует помнить, что простые люди любой эпохи или страны меняют свои обычаи медленнее, чем представители более привилегированных классов. К сожалению, историки никогда не считали жизнь простых людей достойной упоминания, поэтому мы знаем имена и поступки только женщин римской знати. Если бы это было не так, то, вероятно, мы обнаружили бы, что среди матрон среднего класса в Италии в каждом поколении было много тех, кто в своей спокойной жизни сохранял добродетель древних идеалов, пока не пришло время, когда их жизненный принцип был подкреплен новым учением, не из Греции, а из Галилеи. Несомненно, таких людей больше побуждали к упорству суровые консерваторы, поддерживавшие прошлое - образец, который они, по крайней мере, могли понять, - чем высокодуховные прогрессисты, которые вели по еще неисследованным путям. По этой причине нам будет полезно заглянуть в дом Катона, который стойко противостоял новому движению и был бескомпромиссным противником всех попыток изменить моду на женскую

жизнь. Он был олицетворением древнеримской простоты. О том, что простые люди сочувствовали ему, говорит тот факт, что они воздвигли его статую в Храме здоровья и, вместо того чтобы рассказывать о его боевых подвигах, просто поместили на постаменте надпись о том, что он - Катон-цензор, бдительно следящий за нравственным здоровьем государства.

Если рассматривать дом Катона как пример древнего образа жизни, то возникает подозрение, что молодые римлянки того времени должны были быть благодарны за то, что в доме великого государственного деятеля они увидели последний отголосок старого режима. Это был небольшой дом, расположенный на землях цензора в Сабинской области, где не было такой роскоши, как в городе. Здесь жила его жена, руководившая сельским хозяйством и домашними делами, пока ее муж отсутствовал в Риме или на войне. Мы можем быть уверены, что жена Катона оставалась дома; об этом достаточно свидетельствует антипатия ее мужа к расходам. Человек, продавший своего коня, на котором он проехал всю тяжелую кампанию, потому что не хотел взыскивать с государства расходы на его доставку из Испании, несомненно, из-за лишних трат отказался бы от приглашения жены присоединиться к нему в его официальной резиденции в метрополии. К тому же, презирав растущую распущенность времени, он не хотел приобщать ее к той роскоши, которую, будучи цензором, так старался искоренить. В качестве развлечений она была вынуждена довольствоваться деревенскими праздниками, которые скорее веселили, чем возбуждали, и ничего не знала об ужасных сценах в цирке и амфитеатре, которые городские модницы привыкли наблюдать с невозмутимостью, неподобающей их полу. Ее религиозные обряды совершались перед домашними богами и в простых деревенских святилищах, если не с таким большим удовольствием, то уж точно с таким же эффектом, как и в великолепных храмах Рима. В ведении домашнего хозяйства соблюдались строжайшие правила бережливости. Не было никаких трат; все, что семья не могла использовать, продавалось, хотя бы за фартинг.

Единственными идеалами в этом доме были честность, справедливость и бережливость. Если жена Катона и обладала чем-то художественным в своем темпераменте, у нее было мало возможностей для его потворства. Ее муж был очень далек от мнения, что богов и богинь легче умиловить, воздавая им почести перед прекрасными греческими статуями, чем перед плохой формы изображениями римского творения. В неубранном атриуме стояли Пенаты и Ларесы - маленькие и домашние фигурки, но наделенные всей накопленной славой семьи; им приписывался весь успех прошлого, и, если их верно почитали, как и должно было быть в такой семье, они были залогом процветания будущего. Религия, должно быть, имела особое значение в семье Катона, поскольку ее служения были единственной формой чувств, которой была предоставлена свобода выражения; все остальное находилось под запретом самого сухого практицизма. Здесь не было старых слуг, которые за долгие годы преданной службы заняли прочное место в привязанности тех, от кого они ждали; а если госпожа и была склонна лелеять такое естественное уважение, оно безжалостно игнорировалось: муж взял за правило продавать своих рабов за все, что они могут принести, как только они становятся старыми и немощными. Даже кабальные женщины, у груди которых он кормил детей, имели для него не более чем денежную ценность. Признаки привязанности, по его мнению, были признаками слабости. Каким же беспардонным пуританином он должен был быть, чтобы изгнать из сената почтенного гражданина только за то, что тот поцеловал собственную жену в присутствии их дочери! И что это за муж, который может похвастаться, что никогда не ласкал свою жену - видимо, он имел в виду

обстоятельства, при которых другие могли бы стать свидетелями такого вопиющего поведения, - за исключением случаев сильной грозы, когда он был вынужден прибегнуть к этому средству ее успокоения! Однако это было, очевидно, притворство; Катон признался, что ему доставляло удовольствие, когда гремел Юпитер. Очевидно, что его представление о старой доброй римской манере обращения с женой не признавало необходимости в поблках; вряд ли тот, кто сам гордился тем, что носит самую недорогую одежду, и был, как мы увидим, ярким врагом дороговизны и переменчивой моды в женских нарядах, когда-либо радовал свою жену подарком из города - если только она, как и он сам, не могла оценить ценность вещи по дешевизне сделки. Однако известно, что он был прекрасным мужем и очень ценил свою жену, на которой женился за ее благородный характер, несмотря на то что она принесла ему небольшое приданое и не принадлежала к высокопоставленной семье. Несомненно, его хорошие качества ценила и жена, особенно если она была достаточно кроткой, чтобы охотно подчиняться непрерывному надзору и вмешательству в мельчайшие домашние дела, вплоть, как сообщает нам Плутарх, до купания и одевания младенцев.

Такой была семья Катона. Она была создана по образцу лучших, по его мнению, традиций римского общества до того, как оно было испорчено пагубным иностранным влиянием. Он управлял своими домохозяевами, руководствуясь теми же суровыми принципами, которые он стремился навязать римскому народу своего времени с помощью наставлений, примеров и авторитета. Но его дом был последним выжившим образцом прежней простоты. Наступила эпоха, когда римские матроны должны были стать более активными участницами общественной жизни и больше не довольствоваться пребыванием в тени домашней рутины. В своей вновь обретенной свободе они доходили до самых крайних пределов неразумия, но идеи Катона были слишком нелиберальны для природы.

В начале второго века до Рождества Христова на Форуме разыгралась такая сцена, какой в Риме никогда не видели и не мечтали. Толпы матрон собрались там, чтобы умолять и добиваться отмены закона, который урезал их расходы на одежду. Это был закон Оппиана, принятый несколькими годами ранее, во время Второй Пунической войны, когда требовались деньги на государственную службу, и народ, не исключая и женщин, откликнулся на него с безграничным энтузиазмом. Закон, о котором идет речь, гласил: "Ни одна женщина не должна иметь более половины унции золота, носить одежду разных цветов или ездить в повозке, запряженной лошадьми, в городе или любом другом месте, расположенном ближе одной мили, кроме как по случаю какого-либо общественного религиозного торжества". Все авторы полагают, что полунции золота, которыми были ограничены женщины, накладывали ограничения на украшение их одежды; это основано на вполне естественном предположении, что все драгоценные металлы, которыми они обладали, непременно должны были быть выставлены на их лицах. Немного сомнительно, что постановление о транспортных средствах было включено в закон для того, чтобы лошади могли быть предоставлены в распоряжение армии, или же это была хитрая интерполяция с целью ограничить растущую показную пышность дам. Как бы то ни было, закон был принят без каких-либо возражений, насколько известно, со стороны женщин. Но терпеливая, беспрекословная покорность римлянок своим мужчинам-опекунам, будь то коллективным или индивидуальным, теперь уходила в прошлое. Они не могли ни принимать, ни отменять законы, но больше не боялись оказывать свое влияние на тех, от кого зависела эта власть. В лице двух плебейских трибунов они нашли защитников своего дела, и те выступили в сенате за отмену Оппиева закона. После этого началась такая суматоха, как если бы Ганнибал снова угрожал воротам Рима, за исключением того, что не было единодушия в том, что следует делать. Однако это характеризует лишь позицию мужчин; женщины были едины и, более того, полны решимости. Они применили метод, ставший общепринятым в наше время: не

передачу законодателям многочисленных подписей под петицией, которая всегда является более сильным протестом, чем эффективным влиянием, а более мощный метод настойчивого "лоббирования". Толпы женщин, к которым присоединились многие приезжие из провинциальных городов и деревень, заполнили улицы, ведущие к Форуму, и зазывали мужчин, которым предстояло решить вопрос, в котором они были заинтересованы. Но у них нашелся неумолимый противник в лице неустрашимого Катона. Ливий передает нам, что, по его мнению, сказал по этому случаю этот сильный оратор:

"НОВАЯ" ЖЕНЩИНА В РИМЕ

По картине Ж. Р. К. Буланже

В новом обществе, которое пришло на смену старому порядку в Италии, женщины вскоре узнали, как с помощью юридических фикций они могут добиваться целей, которые все еще оставались незаконными. В последнем веке Республики мы видим совершенно новую женщину, занявшую место старой матроны. Она ездит по Аппиевой дороге и по городу в снаряжении, соответствующем ее богатству и положению; ее голые африканские рабы носят серебряные ошейники и отбиваются от нищих мальчишек, если она останавливается, чтобы купить цветы; она принимает в своем роскошном доме ученых людей, с которыми изучает греческих авторов; Она оказывает такое влияние на сенат, что законы принимаются в ее пользу; она часто интригует в политических вопросах; ей не чужды разводы и повторные браки; и, занятая таким образом, она оставляет прядение шерсти, занятие, с незапамятных времен считавшееся почетным для матрон, исключительно своим домохозяевам и рабам.

"Если бы, римляне, каждый человек среди нас взял за правило поддерживать прерогативу и власть мужа по отношению к собственной жене, у нас было бы меньше проблем со всем полом. Но теперь наши привилегии, одолеваемые дома женской распущенностью, даже

здесь, на Форуме, отвергаются и попираются ногами; и поскольку мы не в состоянии противостоять каждому в отдельности, мы теперь боимся их коллективного тела..... Не без мучительного чувства стыда я пробирался сейчас на Форум сквозь толпу женщин. Если бы меня не сдерживало уважение к скромности и достоинству некоторых из них, а не всех, и если бы я не хотел, чтобы они видели, как их упрекает консул, я бы сказал им: "Что это за обычай - выбегать на публику, бегать по улицам и обращаться к мужьям других женщин? Разве каждая из них не могла бы обратиться с той же просьбой к своему мужу дома? Неужели ваши привороты на людях более соблазнительны, чем наедине, и с чужими мужьями, чем со своими собственными? Хотя, если скромность матрон ограничивала их рамками их собственных прав, вам не пристало, даже дома, беспокоиться о том, какие законы могут быть приняты или отменены здесь". Наши предки считали неприличным, чтобы женщины занимались любым, даже частным, делом без руководителя, но чтобы они всегда находились под контролем родителей, братьев или мужей. Теперь же мы, похоже, позволяем им вмешиваться в управление государственными делами, вводить себя в форум, в общие собрания и в собрания выборщиков. Что они делают сейчас на ваших улицах и переулках? Что, кроме споров: одни поддерживают предложение плебейских трибунов, другие выступают за отмену закона? Неужели вы дадите волю их несговорчивому характеру и неуправляемым страстям, а потом будете ждать, что они сами установят границы своему беззаконию, когда вы этого не сделаете? Это самое незначительное из предписаний, наложенных на них обычаями или законами, и все они переносятся женщинами с нетерпением. Они жаждут свободы, вернее, говоря по правде, безграничной свободы во всем. Чего же они не попытаются добиться, если сейчас одержат победу?

"Вспомните все институты, касающиеся пола, которыми наши предки сдерживали их излишнюю свободу и подчиняли их мужьям; и все же, даже с помощью всех этих ограничений, вы едва ли сможете удержать их в рамках. Если же вы позволите им отбросить их одно за другим, разорвать их все и, наконец, поставить себя на равную ногу с вами, можете ли вы представить, что они будут более терпимы для вас? Как только они достигнут равенства с вами, они станут вашими начальниками. Но, по правде говоря, они возражают только против того, чтобы против них был принят новый закон; они хотят сказать не о справедливости, а о строгости. Более того, они хотят, чтобы закон, который вы признали, установили своими избирательными правами и подтвердили практикой и опытом стольких лет, был полезен, теперь был отменен; то есть, отменив один закон, вы должны ослабить все остальные. Ни один закон не подходит идеально для удобства каждого члена общества; единственное соображение заключается в том, будет ли он в целом выгоден для большей части населения. Я хотел бы, однако, знать, что это за важное дело, которое побудило матрон выбежать на публику в таком возбужденном виде, едва сдерживаясь от того, чтобы не протолкнуться на Форум и в народное собрание..... Какой мотив, о котором даже приличия позволят упомянуть, выдвигается для этого женского восстания? Почему, говорят они, чтобы мы могли блистать в золоте и пурпуре; чтобы в праздничные и обычные дни мы могли ездить по городу на наших колесницах, торжествуя над побежденным и отмененным законом, после того как мы захватили и вырвали у вас ваши избирательные права; и чтобы не было границ нашим расходам и нашей роскоши.

"Вы часто слышали, как я жаловался на обильные расходы женщин, часто на расходы мужчин, и не только мужчин, занимающих частные должности, но и магистратов, и что государству угрожают два противоположных порока - роскошь и скупость, эти вредители, ставшие гибелью всех великих империй. Их я опасюсь тем больше, чем более процветающими и счастливыми становятся обстоятельства государства. По мере увеличения империи, когда мы перешли в Грецию и Азию, места, изобилующие

всевозможными соблазнами, способными разжечь страсти, я все больше опасаясь, что эти вещи скорее приведут нас в плен, чем мы их. Поверьте мне, эти статуи из Сиракуз были привезены в этот город с пагубными последствиями. Я уже слышу, как многие хвалят и восхищаются украшениями Афин и Коринфа и высмеивают глиняные изображения наших римских богов, которые стоят на фасадах их храмов. Со своей стороны, я предпочитаю этих богов - благосклонных, какими они являются и, надеюсь, будут оставаться, если мы позволим им оставаться в их собственных особняках..... Когда все одеты одинаково, почему кто-то из вас должен бояться, чтобы не стать объектом внимания? Из всех видов стыда самый страшный, конечно, стыдиться бережливости или бедности; но этот закон освобождает вас и от того, и от другого; ведь то, чего вы не имеете, вам запрещено иметь. Это уравнивание, говорит богатая матрона, - то самое, чего я не могу вынести. Почему бы мне не сделать фигуру, отличающуюся золотом и пурпуром? Почему бедность других скрывается под этим покровом закона, чтобы можно было подумать, что, если бы закон позволял, у них были бы такие вещи, которые они сейчас не в состоянии приобрести? Римляне, неужели вы хотите возбудить в своих женах подражание такого рода, чтобы богатые желали иметь то, чего не может иметь никто другой, а бедные, чтобы их не презирали как таковых, превышали свои расходы? Будьте уверены, что если женщина однажды начнет стыдиться того, чего ей не следует стыдиться, она не будет стыдиться того, что ей следует. Кто может, купит из собственного кошелька; кто не может - попросит мужа. Несчастен муж, как тот, кто исполняет просьбу, так и тот, кто не исполняет; ибо то, что он не даст сам, он увидит, как даст другой..... Как только закон перестанет ограничивать расходы вашей жены, вы сами никогда не сможете этого сделать. Не думайте, что в будущем дело будет находиться в том же состоянии, в котором оно было до принятия закона по этому вопросу. Безопаснее, чтобы злой человек никогда не был обвинен, чем чтобы он был оправдан; и роскошь, если бы в нее никогда не вмешивались, была бы более терпимой, чем когда ее, подобно дикому зверю, раздраженному тем, что его держат на цепи, выпускают на свободу. Я считаю, что Оппианский закон ни в коем случае не должен быть отменен".

Однако женщины не остались без своего защитника. В дебатах по какому-нибудь обычному государственному делу Луций Валерий Трибун был бы незначительным противником Катона; но в данном случае то, чего ему не хватало в ораторском престиже, было компенсировано тем, что он занимал более разумную сторону в споре. Тот факт, что римские историки имели обыкновение сочинять, а не излагать речи своих ораторов, делает сравнение этих двух сенаторских речей о правах женщины совершенно неинтересным. Валерия заставляют произнести: "Неужели только наши жены должны пожинать плоды общественного мира и спокойствия? Разве мы, мужчины, должны пользоваться пурпуром? Пусть наши дети носят платья того же цвета, а мы запретим использовать его только женщинам? Пусть даже ваша лошадь будет более роскошно убрана, чем одета ваша жена?" Взывая к сочувствию избирателей, матроны Рима представляют, как они "видят те украшения, разрешенные женам латинских конфедератов, которых они сами были лишены. Они увидят, как те едут по городу в каретах, украшенных золотом и пурпуром, в то время как они вынуждены следовать за ними пешком..... Это задело бы чувства даже мужчин, а как вы думаете, как это отразится на слабых женщинах, которых даже мелочи могут взволновать? Ни государственные должности, ни священство, ни триумфы, ни знаки отличия, ни военные подарки, ни трофеи не могут выпасть на их долю. Изящество внешности, украшения и наряды - вот знаки отличия женщин; в них они преуспевают и славятся; их наши предки называли женским миром".

Оппиев закон был отменен, и Катон, словно желая скрыться от глаз предвиденных им бедствий, взял под командование флот военных кораблей и отплыл в Испанию. Как новая

свобода отразилась на его собственной жене, остается только догадываться; что несложно, учитывая начальные фразы его обращения.

Пока мы говорим о необыкновенной борьбе женщин за отмену этого закона о роскоши, не будет лишним взглянуть на женскую одежду того времени. Существует множество свидетельств того, что женщины Древнего Рима были так же подвержены изменениям моды, как и дамы наших дней; но в течение нескольких столетий различные части их нарядов оставались практически неизменными, меняющийся стиль затрагивал главным образом материал и качество. Костюм римской дамы состоял из трех основных предметов одежды: нижней туники, *стола* и *паллы*.

Нижняя туника представляла собой просто сорочку без рукавов, которую носили рядом с телом. Столы, конечно, были совершенно неизвестны древним, о чем свидетельствуют их статуи, которые в наше время дают нам единственную возможность узнать, как выглядит естественно развитая женская фигура. Поверх туники часто надевали нагрудную ленту, или, как ее еще называли, строфию, из кожи.

Стола представляла собой белую одежду с рукавами, закрывавшую только верхнюю часть руки; она застегивалась над плечом с помощью застёжки. *Стола* свисала большими складками, доходящими до ног и закрывающими их; по низу был пришит широкий волан, называемый *instita*. Поверх *instita* шла пурпурная лента, которая была единственным цветом, кроме белого, когда-либо использовавшимся для *stola*, за исключением цветной полосы или иногда золотой вокруг шеи. Среди римлян *stola* имела серьезное значение, помимо использования в качестве предмета одежды. Носить ее разрешалось только матронам с незапятнанной репутацией. Женщины с испорченным характером обязаны были носить *тогу* темного цвета, несколько похожую на мужскую; Гораций говорит о *тогате* - в отличие от матрон, а Тибулл пишет о проститутке с ее *могой*.

Палла, одежда для выхода на улицу, была для женщин тем же, чем *тога* была для мужчин. Это была большая, белая и, вероятно, квадратная мантия, - позже в моду вошли цвета, - и сложный способ ее ношения лучше всего понять, изучив римские статуи. Ноги защищали сандалии в доме и обувь для улицы или публичного ношения; они были сильно украшены. Обувь была разных цветов, обычно белая, но часто зеленая или желтая, и скреплялась красными шнурками.

Римские дамы, как и современные, с особой тщательностью подходили к укладке волос, и нельзя отрицать, что они часто пытались искусственными средствами исправить ошибки, допущенные, по их мнению, природой в выборе цвета. Во времена Ювенала, похоже, предпочтение отдавалось блондинкам. Обычный стиль заключался в том, чтобы заплести волосы в гладкие косы на затылке и там завязать их в узел, как это обычно изображено на статуях. В Древнем Риме щипцы для завивки волос были не менее близким и незаменимым другом модницы, чем в наши дни; с помощью этого и других средств, слишком замысловатых для объяснения непосвященным, создавались чудесные творения. Сатирик говорит: "В столько-то ярусов она укладывает свои локоны, в столько-то этажей возводит свою голову; спереди вы увидите Андромашу, сзади - карлицу, вы представите ее другим человеком". История не знает ни одной эпохи, в которой внимание к украшениям не было бы настолько интимной чертой женской натуры, что женщины, не наделенные выдающейся красотой, могли воздерживаться от неразумного стремления привлечь к себе внимание, обезображивая себя.

Римские женщины носили украшения в большом изобилии. В основном это были ожерелья, браслеты, кольца на пальцах и ушные кольца. Как правило, они были из золота, украшенные

драгоценными камнями, а их исполнение часто отличалось изысканностью. В Помпеях было найдено ожерелье из плетеной золотой ленты; на каждой половине застежки - хорошо выполненная лягушка, а по краям, где застежка соединялась, - рубины, один из которых до сих пор сохранился в оправе; к ожерелью подвешена семьдесят одна маленькая подвеска искусной формы. До наших дней дошло очень много образцов украшений, которые носили женщины Древнего Рима, и они свидетельствуют о тонком художественном вкусе их обладательниц, а также о большом мастерстве дизайнеров и изготовителей.

На туалетном столике модной римлянки было множество косметических средств и дорогих эссенций в шкатулках и сосудах из слоновой кости и драгоценных металлов, а также множество других приспособлений для туалета, так что ее достоинства в этом отношении, вероятно, ничуть не уступали достоинствам ее преемниц в наши дни. Приближалась эпоха, которая, помимо многих других примеров чудовищной роскоши, породила попытки повысить женскую привлекательность - попытки, которые, несомненно, были столь же тщетны, сколь и глупы.

Однако уже наступило время, когда, несмотря на то, что их манеры находились под пристальным вниманием такого цензора, как Катон, римские женщины полностью и навсегда отказались от прежней простоты жизни. В *"Эпидике"* Плавта, написанной примерно во время волнений по поводу Оппиева закона, матроны представлены на сцене как наряженные в ценные поместья; стоимость плаща равнялась цене фермы.

Новая женщина начала появляться в Риме. Это пресловутое явление, о котором так много говорят в наше время, отнюдь не является современным открытием. Она - главное и неизбежное сопровождение прогресса во всех эпохах и расах. Она является либо естественной эволюцией, либо чудовищем, в зависимости от социальных условий своего времени. Когда прогресс нормален, а национальное развитие здоровое, постоянно появляется более просвещенный и более разумно независимый тип женщины; но так естественно и спокойно она занимает более высокое положение, к которому ей удалось подготовиться, что ее приход остается незамеченным. С другой стороны, там, где общество находится в упадке, где ненормальному росту способствует жар необузданных страстей, где вулканические революции в нации могут возвысить характеры, принадлежащие к тени низменности, до высоких постов, на земле появляются женские чудеса; и сердца мужчин сжимаются от страха, поскольку они с ужасом ожидают того, что вскоре должно произойти. Рим в последние годы республиканского периода находился в состоянии, благоприятном для создания всего диковинного и феноменального. Новое богатство, новая образованность, новая праздность и новые пороки были подходящей почвой для создания новой женщины, которая навсегда поразила бы мир своей способностью к любым проявлениям морального безумия.

Мы, однако, не хотим утверждать, что с расширением привилегий и свободы, вошедших в жизнь женщины, старые добродетели и проверенные временем качества полностью исчезли. Как Корнелия украшала своей образованностью и достоинством Рим времен Катона, так и Цецилия своим милосердием и добротой Рим Цицерона. Этот оратор, несомненно, был предубежден в ее пользу из-за большой доброты, которую она проявила к Росцию, его клиенту; но он не смог бы так восхвалять эту матрону, если бы общественное мнение не согласилось с ним в том, что она является образцом для всех других женщин. "Несравненная женщина", ее выдающиеся родственницы удостоились не меньшей чести от ее характера, чем она от их достоинств. Таким образом, через самые мрачные дни упадочной морали Рима можно проследить непрерывную цепь благородных матрон. Тем не менее, хотя добродетель не переставала служить примером для немногих или восхваляться писателями,

растущая испорченность времени постоянно облегчала беспринципным и дерзким женщинам возможность принять свое поведение как обычное правило жизни.

Одной из главных причин - возможно, правильнее было бы назвать ее сопутствующей - разрушения древних идеалов является растущая тенденция к отрицанию нерушимости брачных уз. Разводы стали обычным и легким делом, так что изучающему римскую биографию становится все труднее проследить за своими героями через многочисленные инволюции их различных брачных союзов. Помпей женился пять раз. О его первых двух женах Плутарх говорит следующее: "Силла, восхищаясь доблестью и поведением Помпея, ... искал средства, чтобы привязать его к себе каким-нибудь личным союзом, и его жена Метелла, присоединившись к его желаниям, уговорила Помпея отдать Антистию и жениться на Эмилии, падчерице Силлы, которая в то время была женой другого мужчины, жила с ним и имела от него ребенка. Это были самые настоящие тирании брака, гораздо более соответствующие временам правления Силлы, чем характеру и привычкам Помпея, чтобы Эмилия, имеющая ребенка, была, так сказать, изгнана из объятий другого ради него, и что Антистия должна была развестись с бесчестьем и несчастьем с тем, из-за кого она незадолго до этого лишилась отца - ведь Антистия убили в сенате, потому что его подозревали в том, что он благоволил Силле ради Помпея. Мать Антистия, увидев все эти унижения, тоже сошла с ума - новое несчастье, добавившееся к трагическим последствиям этого брака; а чтобы их не завершить, сама Эмилия умерла почти сразу после того, как вошла в дом Помпея, в утробе матери".

В анналах Рима разводы не встречаются до самого позднего времени, но то, с какой беспечностью относились к разрушению брачного узла, хорошо видно на примере жизни Катона Младшего. Аттилия, его первая жена, была отстранена за плохое поведение. Затем он женился на Марции, чья репутация никогда не подвергалась опасности. Среди самых близких друзей ее мужа был Гортензий, известный как человек с хорошим положением и прекрасным характером. Как видно из дальнейшего, он со всей серьезностью пытался убедить Катона отдать ему дочь Порцию, которая была замужем за человеком, родившим ей двоих детей. Его доводы сводились к тому, что она, как справедливый участок земли, должна приносить плоды, но что это неправильно, когда одному человеку дают большую семью, чем он может содержать, а у другого нет ни одного ребенка. Катон ответил, что очень любит Гортензия и одобряет объединение их домов, но не может одобрить насильственного отнятия дочери у мужа. Тогда Гортензий дерзко попросил Катона, у которого, по его мнению, было достаточно детей, отдать ему собственную жену. Катон, видя, что тот настроен серьезно, согласился на это, предварительно посоветовавшись с отцом своей жены. Возражений не последовало, и брак между Марцией и Гортенziem был заключен, причем Катон помогал в церемонии. При этом нигде не упоминается, что Марция дала согласие или даже спросила его. Через несколько лет после этого Катон, желая, чтобы кто-то содержал его дом и заботился о его дочерях, снова взял Марцию, Гортензий уже умер и оставил ей все свое имущество. На это Сезар упрекнул Катона в любостыжании: "Ибо, - сказал он, - если ему нужна была жена, почему он расстался с ней? А если нет, то зачем он взял ее снова? Разве что он дал ее только как приманку Гортензию и одолжил ее, когда она была молода, чтобы получить ее снова, когда она станет богатой". Историк отвечает на это цитатой из стихотворения Еврипида:

"Говорить о тайнах - главная из них

Конечно, в Геракле была трусость".

"Ведь, - говорит он, - упрекнуть Геракла в трусости и обвинить Катона в корыстолюбии - это одно и то же". Объяснение этого необычного поступка, если принять во внимание холодный характер, который Катон унаследовал от своего деда Цензора, по-видимому, заключается в том, что римское представление о необходимой опеке над женщинами исключало любое справедливое представление об их правах в распоряжении собственной персоной. Выдавать и брать женщину замуж было полностью делом ее отца и жениха; от нее не требовалось ничего, кроме благодарного повиновения. Катон был совершенно свободен отдать свою жену, если бы захотел; это право было гарантировано ему тем простым фактом, что она была его собственностью.

По той же причине, в то время как целомудрие жены считалось абсолютной необходимостью, эта же добродетель ни в коем случае не рассматривалась как необходимая для хорошего характера мужчины. Требование чистоты жены в значительной степени основывалось на идее прав собственности, которые муж имел на ее личность; поэтому мужчина мог развестись с женщиной за неверность, но обратное не допускалось. Плавт выводит на сцену двух матрон, одна из которых жалуется на мужа, а другая утешает и увещевает ее следующим образом: "Послушай меня. Не ссорься с мужем; пусть он любит кого хочет и делает что хочет, раз у тебя дома есть все, что ты хочешь; помни о страшном предложении: "Уйди, женщина!"

Новая эра, наступившая в Риме, принесла женщинам определенную свободу обстоятельств и деятельности; но она не дала им в брачном договоре больше свободы, чем они имели раньше. Единственными женщинами, которым было позволено распоряжаться своей персоной, были куртизанки. Существует множество свидетельств того, что к ним не относились с тем пренебрежением, с которым к их сословию относятся в наши дни. Например, Флора, прославившаяся в последние дни Республики, благодаря своей изысканной красоте удостоилась высокой чести быть посвященной статуе в храме Кастора и Поллукса; это можно рассматривать как своего рода прецедент для художников, которые в Италии гораздо более позднего времени использовали своих любовниц в качестве моделей для своих Мадонн. О том, что женщины этого класса не стеснялись придавать себе большое значение, свидетельствует пример Терции, которой Веррес подарил сицилийский город. Лукреций говорит о цене их благосклонности, давая нам также интересную картину шикарно одетых распутниц:

"Хоть и богат.

Богатство его убывает, долги с быстротой растут,

Долг никогда не наполняет его больше,

И умирает вся его больная репутация.

Тем временем богатые приправы от его любовницы смеются,

Смеются с ее ног туфли Сиционы превосходной;

Зеленый изумруд над ней, золотом усыпанный,

Сверкает крупно и многочисленно; и сине-голубой шелк;

Глубоко изношенный, облегает ее.

То, что собрали его предки

Теперь красуется в лентах, в тиарах пламенных

По всему ее фронту, и теперь в одежды превращается

Из чианской кожи или алидонского племени;

В то время как пиры и фестивали с безграничной пышностью,

И самые дорогие яства, гирлянды, запахи, вина,

И рассыпанные розы непрерывно возобновляются".

Воконийский закон, принятый еще при Катоне и направленный на предотвращение накопления большого количества имущества в женских руках, не препятствовал женщинам разбогатеть вышеописанным способом. Мужчина мог отдать все свое имущество при жизни; закон налагал запрет лишь на чрезмерные наследства. Согласно его положениям, ни одна женщина не могла получить по наследству имущество, превышающее по стоимости сто тысяч сестерций. "Поскольку с ростом могущества империи богатства частных лиц увеличивались, возникло опасение, как бы умы женщин, от природы склонных к роскоши и стремлению к более изящному образу жизни и получающих от беспредельного богатства стимулы для желаний, не впали в неумеренные расходы и роскошь, а впоследствии не отступили бы от древней святости нравов, так что произошла бы перемена нравов не менее, чем образа жизни". Таковы были причины принятия этой меры. Это был закон, который был дорог сердцу цензора, и он с большим удовольствием поддержал его принятие. Народ немного сомневался в его справедливости, но Катон положил конец всем колебаниям, с присущей ему резкостью выступив против тирании женщин и их невыносимой наглости, когда они богаты. Он жаловался, что часто, принеся мужу богатое приданое, они утаивают значительную часть денег, а затем дают их в долг своим мужьям, как будто те были простыми должниками. Историк говорит, что это утверждение, произнесенное громким голосом и с хорошими легкими, привело народ в негодование, и он проголосовал за принятие закона. Для настроений древних римлян было очень характерно, что Катон убеждал их в том, что он решительно возражает против того в женщинах, что он решительно отстаивал как правило для мужчин.

Есть два женских имени, которые, хотя и принадлежат женщинам-современницам, хорошо отражают различные аспекты перехода от старого Рима некультурной простоты к новому Риму безнравственной утонченности. Одна из них - Корнелия, которая была пятой женой Помпея Великого; другая - Клодия, сестра Хлодия Бурного. Одна соединяла новую образованность с древней чистотой жизни, другая - роскошную жизнь с заброшенной карьерой; одна была достойной преемницей своей достойной тезки из прошлого поколения, другая - предтечей удивительных женских образов самых развратных дней империи.

Корнелия, как и мать Гракхов, принадлежала к знаменитому роду Сципионов. Выйдя замуж за Помпея, она была еще совсем молодой женщиной, но уже успела стать женой того сына Красса, который был убит в Парфии. О том, что ее первый брак был счастливым, можно судить по тому, что когда Помпея постигло несчастье, а она, по каким-то сентиментальным причинам, вообразила себя причастной к несчастьям, которые по праву принадлежали ее собственной судьбе, она упрекала себя за то, что не последовала за мужем своей юности в его смерти, как она задумывала.

Плутарх сообщает нам, что молодая женщина обладала и другими достоинствами, помимо молодости и красоты. Она была высокообразованной, как и следовало ожидать от дочери Метелла Сципиона; она прекрасно играла на лютне, разбиралась в геометрии и привыкла с

пользой и признательностью слушать лекции по философии. Историк с большим удовлетворением сообщает нам, что при всем этом она избежала той претенциозности и неискренности, которые слишком часто портят эффект образованности у женщин с необычными способностями.

Из-за ужасных гражданских распрей, охвативших Рим в последние дни Республики, и ведущей роли Помпея в них, дом Корнелии часто становился военным лагерем ее мужа. Римская империя превратилась в целую цивилизацию, и образованность Корнелии в ходе ее путешествий получила широкую возможность подкрепиться той либеральностью ума, которая является результатом широкого кругозора. Похоже, что она завоевала высокое уважение армии своего мужа; однажды, после борьбы с Сезаром, в которой Помпей на время одержал победу, некоторые из солдат по собственной воле отплыли на Лесбос, чтобы сообщить ей радостную весть об окончании войны. Ее радость от этой новости была недолгой, так как вскоре ей выпал несчастливый жребий сопровождать мужа в Египет в его бегстве от всепобеждающего Сезара. Там она стала свидетельницей его убийства, совершенного вероломными руками, от которых он искал защиты.

К сожалению, история умалчивает о последующей карьере Корнелии, но даже это умолчание в какой-то мере говорит в ее пользу, поскольку, хотя природное благородство ее характера не могло пострадать от угасания сильного света, который сиял вокруг Помпея, есть некоторые основания для уверенности, что сам факт того, что ее поступки не стали предметом комментариев, говорит о том, что ее жизнь продолжала оставаться благородной.

Клодия была женщиной совершенно иного склада характера. Она принадлежала к великому роду Клавдиев, и ни один представитель этой могущественной семьи никогда не жил так тихо, чтобы не стать предметом обсуждения в Риме. Быть одним из Клавдиев означало быть импульсивным и властным, как в добре, так и во зле. Именно весталка из этой семьи, когда ее отцу римский народ отказал в триумфе, села в его колесницу, чтобы не мешать ему проезжать по городу. Клодия, изученная с точки зрения наследственности, могла быть как хорошей, так и плохой; но она противоречила бы всем прецедентам в своей семье, если бы не была крайней в одном или другом. Как бы то ни было, она стала подходящей сестрой для того Клодия, который ворвался в Рим во времена Цицерона и держал город на ушах, как из-за своих амбиций, так и из-за своих непродуманных подвигов.

Клодия была замужем за Квинтом Метеллом, которому Цицерон воздает самые почетные почести, но факт ее замужества не сдерживал разнузданности ее поведения. Ее роскошный дом на берегу Тибра был местом встреч не ученых людей, а всех праздных, модных и беспутных молодых людей города. Ее репутация была навеки опорочена красноречивым адвокатом, защищавшим Марка Коэлиуса. Этого молодого человека обвинили в том, что он пытался отравить Клодию, чтобы избавиться от необходимости возвращать ей золото, которое он, как утверждалось, взял у нее в долг. На самом деле обвинение было выдвинуто в основном Клодией, которая считала себя обделенной Коэлием, который был ее любовником, но пыл которого угас. О характере и образе жизни этой неумной молодой римлянки можно судить по следующему обличению ее в оратории Цицерона. "Если я буду действовать по старинке, то должен призвать из Тени ниже одного из этих бородатых стариков - не мужчин с этими маленькими кусочками императоров, которые ей так нравятся, а мужчину с длинной косматой бородой, которую мы видим на древних статуях и изображениях, - чтобы он обличил эту женщину и говорил вместо меня, чтобы она ни в коем случае не рассердилась на меня. Тогда пусть встанет кто-нибудь из ее семьи, и прежде всего великий слепой Клавдий прежних времен. Ведь он будет чувствовать наименьшее горе, так как не увидит ее. И, по правде говоря, если ему удастся восстать из мертвых, он поступит с ней так; он скажет:

"Женщина, что ты имеешь общего с Коэлием? Почему ты была с ним так близка, что одалживала ему золото, или так враждебна, что боялась его яда? Был ли он тебе родственником? Родственником? Он был другом вашего мужа? Ничего подобного. Что же тогда было причиной, кроме глупости? Даже если образы нас, мужчин вашей семьи, не имели на вас никакого влияния, разве даже моя собственная дочь, эта прославленная Клаудия Квинта, не советовала вам перенимать похвалу, принадлежащую нашему дому, от славы его женщин? Разве не вспомнилась тебе та весталка Клавдия, которая обнимала своего отца, празднуя его триумф, и не позволила враждебному народному трибуну стащить его с колесницы? Почему пороки твоего брата имели для тебя больший вес, чем добродетели твоего отца, твоего деда и других людей, ведущих свой род от моего собственного времени, - добродетели, образцом которых служили не только мужчины, но и женщины? Не для того ли я разорвал договор, заключенный с Пирром, чтобы вы каждый день заключали новые договоры о самой позорной любви? Для того ли я проложил Аппиев путь, чтобы ты шла по нему в сопровождении других мужчин, помимо своего мужа?"

Этой реинкарнации сурового древнего предка должно было хватить, чтобы вселить ужас и раскаяние в сердце любой женщины. Но Цицерон был больше озабочен оправданием Коэлия, чем исправлением Клодии, и, несомненно, он больше надеялся уличить ее в том, что она была приверженкой неправомερных курсов, чем обратить ее в свою веру. Поэтому он продолжает: "Но если ты хочешь, чтобы я вел себя с тобой более учтиво, я уберу этого грубого и почти хамского старика; а из присутствующих здесь ваших родственников я возьму кого-нибудь одного, и прежде всего я выберу вашего младшего брата, одного из самых воспитанных людей своего сословия, который очень любит вас и который, как я полагаю, из-за какой-то детской робости и беспочвенных опасений, что может случиться ночью, всегда, когда он был совсем маленьким, спал с вами, своей старшей сестрой. Предположим, он заговорит с вами так: "Что ты так расшумелась, сестра моя? Почему ты так злишься? Вы увидели молодого человека, ставшего вашим соседом; его светлый цвет лица, рост, лик и глаза произвели на вас впечатление; вам захотелось видеть его чаще; вас иногда видели с ним в одном саду, вы - женщина высокого положения; вы не в состоянии со всем своим богатством задержать его, сына бережливого и скупого отца. Он отвергает вас, он не считает, что ваши подарки стоят столько, сколько вы от него требуете. Попробуйте кого-нибудь другого. У вас есть сады на Тибре, и вы заботливо разбили их в том самом месте, куда приходит купаться вся городская молодежь. С этого места вы можете каждый день выбирать себе людей по вкусу. Почему же ты раздражаешь этого человека, который тебя презирает?"

Если оратор прав во всем, что он говорит против нее, то Клодия, богатая, модная и, несомненно, красивая дочь большого патрицианского рода, вполне могла стать верховной жрицей Афродиты для города Рима.

РИМСКИЙ БРАК

Положение женщины в Древнем Риме всегда было почетным и уважаемым. Римская матрона имела гораздо больше социальных привилегий и обладала гораздо большей независимостью, чем греческая жена. В Афинах к женщинам относились как к детям, и чем более уважаемым был их характер, тем больше они были отстранены от общественной жизни и публичных развлечений мужчин. В Риме, напротив, хотя жена подчинялась мужу и, как правило, не выделялась в общественных делах, она ни в коем случае не была уединенной, и везде к ней относились с глубочайшим уважением. В доме она была хозяйкой всего домашнего хозяйства, следила за обучением детей и управляла домашними рабами. Она стояла бок о бок со своим мужем, разделяя все его достоинства, и во всех вопросах, касающихся семьи, пользовалась авторитетом, не уступающим ему. Где-то между цивилизациями Греции и Рима проходила пограничная линия, начиная с которой статус женщины деградировал до восточного или развивался до окцидентального типа. В одном случае - под ревнивым покровом, соглядатайством рабов-евнухов, унижительными, отнимающими душу услугами гарема; в другом - живя в открытую, единственная супруга одного мужчины и, подчиняясь только своему мужу, облеченная всей полнотой власти в своем доме. В то время как Греция смотрела на Восток и подчиняла своих женщин некоторым из тех обычаев, которые характерны для вавилонских гаремов, Рим был по сути западным, и его женщины пользовались немалой долей достоинства и почета. И греки, и римляне принадлежали к одной ветви великой арийской расы, и есть основания полагать, что в самые ранние времена их женщины пользовались равной свободой; но Греция в определенной степени попала под влияние семитских идей, которые видели в жене сладострастную собственность, которую нужно ревностно оберегать. Римскую женщину, напротив, учили ценить и защищать свою собственную добродетель.

Сравнительно свободное и уважаемое положение матрон республиканского Рима в немалой степени объясняет славу и величие государства. Там, где к женщине относятся как к рабыне, нет подлинной любви к свободе. Великие люди могут родиться только от благородных матерей, а благородство, как женское, так и мужское, может процветать только в условиях свободы. Ветурия и Корнелия были хозяйками в своих домах; они не знали ограничений в своих передвижениях, кроме требований чести; их уважали мужья и почитали все мужчины; поэтому, естественным для таких матерей образом, они смогли подготовить своих сыновей к поступкам, достойным мужчин.

В римском доме не было уединенных женских покоев, как у восточных народов; римлянки гуляли за городом, посещали общественные театры и занимали места на праздничных банкетах вместе с мужчинами; Конелий Непос, пишущий по этому поводу, говорит: "Какой римлянин стыдится привести свою жену на пир; и разве она не занимает лучшую комнату в доме и не живет среди компании? Но в Греции дело обстоит далеко не так; жена не допускается на пир, кроме как в кругу родственников, и не сидит нигде, кроме как в самой внутренней комнате дома, которая называется гинеконитис и в которую не входит никто, кто не связан с ней близким родством". Самым важным помещением в римском доме был атриум. Здесь, посреди своих рабов, хозяйка занималась домашними делами; здесь располагалось *lectus genialis* или *adversus*, в древние времена реальное, а затем символическое, брачное ложе, ее собственное почетное место.

Несмотря на такое независимое положение женщин, римский брак, если судить по строгой букве его законов и обычаев, не был очень снисходителен к слабому полу. Но, как мы уже

отмечали в предыдущих главах, власть отца семейства была гораздо больше в теории, чем в реальности. Римский брак был двух видов: *matrimonium justum* и *non justum*; то есть брак в надлежащей форме и брак без совершенных церемоний. Первый требовал права каждой из сторон на совершение законного брака в соответствии с древними обрядами. В самые ранние времена требовалось равенство условий, патрициям и плебеям разрешалось вступать в брак только в своем сословии. После 445 года до н. э. это ограничение было снято, но по-прежнему было необходимо, чтобы обе стороны договора были гражданами. Но даже в тех случаях, когда древние обряды не были разрешены, брак, если он имел место, считался не менее законным и обязательным. Среди римлян не разрешалось вступать в брак двоюродным братьям и сестрам, хотя во времена императоров ограничения, связанные с кровным родством, не соблюдались строго; Агриппина была выдана замуж за Клавдия, который приходился ей дядей.

Законный брак заключался тремя различными способами, которые назывались, соответственно, *usus*, *confarreatio* и *coemptio*. *Usus*, или обычай, - это когда женщина с согласия своих родителей или опекунов жила с мужчиной целый год без приданого, которое он не мог никому отдать. А Гораций говорит, что "королева Денег, давая супругу с богатым приданым, как бы дарит в то же время красоту, знатность, друзей и супружескую верность". Ювенал предполагает, что кто-то возразит, что Кесенния, женщина его времени, по мнению ее мужа, лучшая из жен. Но он отвечает: "Она принесла ему тысячу сестерциев; такова цена, по которой он называет ее целомудренной. Не от колчана Венеры он худеет, не от ее факела он сгорает. От нее питается его огонь; из ее приданого посылаются стрелы. Она купила свою свободу; поэтому даже в присутствии мужа она может обмениваться сигналами и отвечать на свои *billets-doux*. Богатая жена, имеющая любопытного мужа, обладает всеми привилегиями вдовы".

В первые дни Республики приданое было очень маленьким. Дочери величайших людей, по словам Валерия Максима, часто не приносили в жены ничего, кроме славы своих отцов или своих семей. Сципион, командуя в Испании, обратился к сенату с просьбой разрешить ему вернуться, чтобы он мог устроить брак своей дочери. Сенаторы, чтобы не лишать государство услуг столь способного полководца, отказали ему в просьбе, но взяли на себя обязанность выдать девушку замуж. Они выбрали ей мужа и выделили из государственной казны супружескую долю в размере одиннадцати тысяч асов. В то время это, несомненно, считалось достаточным, хотя Сенека в более поздние времена роскоши заявлял, что этого не хватит, чтобы купить зеркало для дочери вольноотпущенника. В те же ранние времена, когда богатство исчислялось малыми цифрами, женщина по имени Мегулла носила фамилию Дотата, или "Большая удача", потому что у нее было пятьдесят тысяч асов, меньше восьмисот долларов наших денег. Но по мере роста богатства брачные доли женщин становились соответственно большими, пока во времена Марциала не стало редкостью приданое, эквивалентное трем четвертям миллиона долларов. Приданое жены, разумеется, находилось в распоряжении мужа, но его право на него прекращалось в случае расторжения брака, за исключением случаев, когда жена требовала развода без уважительной причины; в этом случае мужу разрешалось оставить шестую часть приданого на каждого из их детей, в размере трех шестых. Если же жена умирала раньше мужа и не оставляла детей, ее приданое возвращалось к отцу, чтобы он не испытывал двойного горя - потери денег и дочери. Иногда жена оставляла себе часть супружеской доли, чтобы было на что потратить деньги, за которые она не должна была отчитываться перед мужем; иногда с невестой отправлялся раб, который, по условию, не должен был подчиняться мужу или командовать им. Жена Апулея, которая вышла за него замуж, будучи вдовой и обладая четырьмя миллионами сестерций, передала по брачному договору только триста тысяч. Это право жены владеть личной

собственностью, не подлежащей отчуждению, давало римлянину возможность, которой сегодня часто пользуются люди, оказавшиеся на грани банкротства, обеспечить свое имущество, передав его жене.

Конечно, часто случалось, что девичья семья, хотя и почтенная, не находилась в таких условиях, чтобы она могла строить свои надежды на замужество на соблазнительной приманке богатого приданого. Тогда единственной опорой для нее становились личные качества. В поздние времена Республики римские родители, похоже, в полной мере осознавали желательность либерального образования для своих дочерей. Даже в самых богатых семьях до тех дней, когда римское общество пришло в упадок, девочек ревностно обучали домашним обязанностям, которые должны были подготовить их к тому, чтобы стать хорошими хозяйками. Кроме того, их тщательно обучали греческой и латинской литературе, уделяя особое внимание поэтам. Их занятия также включали музыку, пение и танцы, которые, по словам Стация, помогали заполучить мужа. Но мы можем быть уверены, что в те времена, как и в наши дни, естественное беспокойство многих матерей заставляло их прибегать к другим искусствам, кроме музыки, чтобы найти хорошую пару для своей не слишком желанной дочери. Если верить комедиям, то то, чего не могло достичь богатство отца, можно было надеяться получить с помощью материнских хитростей. "Посмотрите на матерей, - говорит один из персонажей Теренция, - они старательно опускают плечи своих дочерей, втягивают талии, чтобы те выглядели стройными. Есть ли среди них хоть одна, склонная к полноте? Мать тут же восклицает: "Она спортсменка!" - и уменьшает порции, пока, несмотря на конституционные склонности, не сделает свою дочь тонкой, как веретено".

Девушка, благодаря своим реальным или искусственным качествам, завоевала расположение какого-то молодого римлянина; давайте посмотрим, насколько они известны древним авторам, церемонии ее обручения и бракосочетания. Сначала необходимо получить согласие родителей обеих сторон. Если к жениху относятся благосклонно, отец девицы говорит: "Я отдаю тебе свою дорогую дочь, и пусть это будет счастливо для меня, для тебя и для нее". Затем происходит помолвка или обручение. Это семейный праздник, все, кто связан с домом, делают его праздником. Родственников приглашают разделить ликование, а также засвидетельствовать договор о помолвке. Римская девушка не выходила замуж в той манере, которая, по словам Рёскина, характерна для нашего времени, - при свете луны, звезды, газа, свечи или при любом другом свете, кроме дневного. Ее помолвка была торжественной и проходила под взглядами всех ее родственников и стольких друзей, скольких ее отец пожелал и мог позволить себе пригласить. Неизбежно присутствуют и предсказатели, чтобы, изучив внутренности какой-нибудь птицы, выяснить, будет ли судьба благосклонна. Их вердикт во многом зависит от того, как к ним отнесутся собеседники; Катон заявил, что никогда не мог понять, как два представителя этой профессии могут смотреть друг другу в лицо и не смеяться. Интересно, пользовалась ли хоть одна римская девушка наукой этих джентльменов, чтобы избежать нежелательного жениха; ведь в сознании большинства людей суеверие было настолько прочно укоренившимся, что если бы агуру удалось внушить, что в предзнаменованиях кроется несчастье, этого было бы достаточно, чтобы предотвратить помолвку. Но мы предположим, что знаки объявлены благоприятными. Между сторонами перебивается *stipula*, или соломинка, означающая, что договор заключен. Соглашение также излагается в письменном виде, чтобы в дальнейшем его можно было использовать. Мужчина дарит деве простое железное кольцо, которое он надевает на палец левой руки рядом с самым маленьким, так как существует поверье, что от этого пальца нерв идет прямо к сердцу. Он также дарит подарки тем, кто оказал помощь в помолвке, и получает подарок от девушки. Договор о помолвке не был безотзывным, но отказ одной из сторон от

него с гораздо большей вероятностью приводил к судебному разбирательству, чем в наше время; и римлянин имел преимущество перед брошенным мужчиной в наше время, поскольку не считалось, что возмещение ущерба за нарушение обещания причитается только женщине. У римлян брачные узы часто были длительными; иногда обручались даже младенцы. Минимальный возраст, когда брак мог состояться на законных основаниях, составлял двенадцать лет для девочки и четырнадцать для мужчины.

Выбор дня свадьбы был делом, в котором учитывались не только склонности и удобство заинтересованных сторон; важно было выбрать удачный день. Овидий говорит: "Есть дни, когда ни вдова, ни дева не могут зажечь факел Гименея; та, кто выйдет замуж в этот день, непременно умрет". Календы, иды и ноны особенно избегали. Весь месяц май считался особенно неблагоприятным, потому что он был посвящен умиловлению лемуров, или злых духов. Поговаривали, что ни одна хорошая женщина не выйдет замуж в мае. Февраля также избегали. Июнь, напротив, из всех месяцев в году считался самым благоприятным для заключения брака, но только после ид, или тринадцатого дня. Овидий утверждает, ссылаясь на жену *пламенного диалиса*, что для удачного брака нужно было дожидаться, пока мусор из храма Весты не унесет Тибр в море, а это должно было произойти не раньше тринадцатого июня.

Друзья нашей пары выбрали день, который, по общему мнению, не имеет склонности к несчастьям. Все необходимое для проведения брачных церемоний уже подготовлено. Эти церемонии носят характер древних обычаев, а не юридических требований. Они имеют ярко выраженный символический характер и призваны внушить жениху и невесте живое чувство обязанностей, связанных с новыми отношениями, в которые они вступают.

Римская невеста избавлена от одного серьезного беспокойства, которое обычно сопровождает предвкушение радости от приближающейся современной свадьбы. Ей не нужно задумываться о цвете и фасоне свадебного платья. У римлян оно всегда было одинаковым; и даже если то, что надето на девице, чей брак сейчас описывается, окажется реликвией, доставшейся ей от прабабушки, ей не нужно бояться, что оно вышло из моды. Он состоит из длинного белого халата, сотканного особым образом. Если обстоятельства ее семьи улучшились, она может пришить фиолетовую бахрому по краю, но это абсолютно единственное изменение, которое допускается. Халат завязывается на талии шерстяным поясом - белая шерсть всегда была символом целомудрия. Он будет завязан геркулесовым узлом, развязать который по окончании церемонии будет привилегией мужа. Волосы, которые должны рассыпаться по плечам, на свадебном утреннике разделяют наконечником копья. Плутарх и другие авторы говорят, что этот обычай берет свое начало в изнасиловании сабинянок и свидетельствует о том, что первые римские браки заключались путем захвата, а также о том, что жена должна быть в подчинении у своего мужа. На голову невесты надевают фату желтого или огненного цвета - этот оттенок, как считается, имеет хорошее значение. Ее чело также венчает венок из вербены, собранной и сплетенной ее собственными руками, поскольку эта трава означает плодородие. Ее туфли также желтого цвета, и сделаны они таким образом, что кажутся выше ее настоящего роста.

Нарядившись, новобрачные отправляются в храм, чтобы принести жертву, как говорит Вергилий, "прежде всего Юноне, чьим уделом является брачный союз". Наиболее подходящей жертвой считается боров; при этом необходимо позаботиться о том, чтобы выбросить желчь животного как можно дальше, в надежде, что таким образом вся горечь будет удалена от этого супружеского союза. Затем, если используется церемония *confarreatio*, пара, вернувшись в дом невесты, садится рядом, накрыв оба кресла овечьей шкурой; это означает, что, хотя мужчина и женщина занимают две разные части дома, они,

тем не менее, объединены общими узами. Теперь главный жрец преподносит супругам священный пирог, который они съедают вместе в знак того, что отныне им предстоит делить друг с другом все необходимое для жизни. Хотя современный свадебный торт превратился в нечто гораздо более сложное, чем простая римская облатка из муки, воды и соли, вполне вероятно, что первый берет свое начало от второго.

Появление на небе звезды Венеры - сигнал к отъезду невесты в новый дом. Официально отец передает ее семье мужа, ведь только он может разорвать узы, связывающие ее с его опекой. Отныне ее муж имеет право по закону осуществлять над ней ту власть, которой обладал ее отец. В память о насильственном похищении сабинянок делается вид, что ее вырвали силой из рук матери или сестер. Затем новобрачные идут процессией к дому мужа. Впереди них, освещая путь, идут четыре замужние женщины с факелами. Невесту непосредственно сопровождают три мальчика, при выборе которых следует помнить о том, что брать нужно только тех, у кого живы оба родителя, иначе это будет очень плохим предзнаменованием. Двое из них поддерживают ее за руки, а другой несет перед ней пламя из белой сосны, чтобы рассеять все таящиеся чары и развеять все злые заклинания. Затем следуют служанки с мотыгой, веретеном и шерстью, намекая на то, что ей предстоит трудиться над прядением, как это делали римские матроны в старину. После них идет мальчик, которого по этому случаю зовут Камиллус; в его обязанности входит нести в открытой корзине другие инструменты для женской работы, и особенно не забыли включить в нее игрушки для будущих детей невесты. Все родственники и друзья присоединяются к этой праздничной процессии. Вместо риса, которым в наши дни сопровождается приветствие новобрачных, римская невеста становилась мишенью для всех шуток и насмешек, которые только могло придумать остроумие зрителей. Когда она достигает своего нового дома, жених, стоя в дверях, украшенных гирляндами цветов, спрашивает, кто она. Она отвечает: "Где ты, Кай, там и я, Кайя"; таким образом, прекрасно намекая на товарищество во всем, которое является идеалом брака. Затем, после того как невеста помазала свиным жиром дверные косяки, чтобы отвести от них все чары, ее поднимают над порогом, который, будучи освященным Вестой, был бы плохим предзнаменованием для невесты, если бы она коснулась его ногой. Теперь муж вручает ей ключи, поскольку отныне ей доверено управление его домом. Оба прикасаются к огню и воде в знак того, что они вместе разделяют эти необходимые для жизни и благополучия вещи. На их шеи надевают ярмо, символизирующее то, что они взяли на себя в браке; отсюда происходит слово *conjugium*. Первый совместный акт жениха и невесты - объединение в поклонении домашним богам; муж таким образом знакомит свою жену с духами-хранителями дома - самыми священными вещами семьи. Отныне она связана с ним в его домашнем культе и стала участницей наследства славы, оставленного его предками, которые почитаются в поклонении своим Манам. По окончании этих торжественных мероприятий следует банкет. Во время него невеста располагается на одном диване с мужем во главе стола, так как она уже хозяйка там, где он хозяин. Теперь наступила возможность для бурного веселья. Торжественные мероприятия завершены, и оставшееся время полностью отдано веселью, которое всегда считается подходящим аккомпанементом к первому приключению пары среди перемен и шансов брачного состояния. Все гости поют "Талассию" - песнопение, в котором каждого жениха поздравляют с тем, что ему повезло, как и тому традиционному квириту, который получил самый яркий цветок сабинской девы.

После окончания банкета невесту ведут матроны в брачную комнату, которая всегда является атриумом, или центральной комнатой дома. Здесь ставится *lectus genialis*, богато украшенный и усыпанный цветами. Жених бросает орехи среди своих бывших товарищей в знак того, что теперь он оставляет жизнь своего отрочества ради обязанностей мужского сословия. После его ухода молодые люди развлекают новоиспеченную супружескую пару,

распевая за дверью фесценниновые куплеты, в которых присутствует свобода выражения, к которой современный слух не привык.

Обычно песни, исполняемые на праздновании римских браков, не имели никаких литературных достоинств и отличались главным образом своей грубостью; но иногда эти случаи вдохновляли гений лучших поэтов, что привело к появлению некоторых из самых прекрасных латинских стихов. У Катулла есть три таких произведения. В его "*Брачной песне*" юноши и девы изображены соревнующимися друг с другом в импровизированном стихосложении. Гесперус, вечерняя звезда, упрекается девами и восхваляется юношами как сигнал к тому, чтобы невеста покинула объятия матери и перешла в руки мужа. В последнем хоре обе партии объединяются в призыве к молодой жене проявлять покладистость по отношению к мужу и не "бороться с двумя родителями, которые вместе с приданным твоим даровали зятю свои права". *Женитьба Пелея и Фетиды*", самая длинная из поэм Катулла, возможно, не предназначалась для исполнения на свадьбе, хотя в этом вопросе ученые-классики расходятся во мнениях. Однако в ней очень интересно и оригинально рассматривается тема брака, и она может пролить свет на римские обычаи, несмотря на то, что представленные в ней персонажи являются потомками богов. "Особняк, во всех частях его роскошного интерьера, сверкает золотом и серебром; белые сиденья из слоновой кости; кубки сверкают на столах; все жилище радуется великолепию царского богатства. Посреди особняка стоит приветливое ложе богини, инкрустированное полированным индийским зубом и покрытое пурпуром, окрашенным розовым соком раковины. Это покрывало, разнообразно украшенное фигурами людей былых времен, изображает добродетели героев с дивным искусством". Далее следует основная часть поэмы, представляющая собой описание картин, нанесенных на гобелен кровати. Их тема - история Ариадны. Мы должны представить себе поэта, стоящего у ложа и указывающего на изображенные события с их причинами и последствиями. После этого на брачный пир приглашаются боги и особенно Парки, которые, прядя нить, "произносят прорицательные песни".

Катулл дал нам настоящий пример римской свадебной песни в своей эпифаламее, посвященной браку Манлия и Юлии. Об этой Юлии мы не знаем ничего, кроме того, что она была из рода Котта; Манлий же принадлежал к прославленному роду Торкватов. Если бы только существовали исторические основания полагать, что эта пара была столь же очаровательна в своих личностях, как они описаны в этой поэме, и что все добрые пожелания, выраженные в ней, действительно осуществились, брак Манлия и Юлии мог бы навсегда остаться в истории как *summit bonum* супружеского счастья. Несколько строф из перевода Лэмба проиллюстрируют характер эпифаламии, а также справедливо укажут на место и природу чувств в римском представлении о брачных отношениях.

"Когда Венера взяла золотой приз,

И благословила взор фригийского пастуха;

Нет ярче прелести, чем та, что украшает эту смертную.

Чем те, что украшают эту смертную деву;

И каждый вздох и предзнаменование справедливое

Бракосочетание приветствует, и приветствует пару.

"Умилостиви здесь девицьи обеты,
И веди ее с нежностью к супругу;
И крепко, как плющ, держится
Дерево, как плющ, обхватывает в ленивых складках,
Пусть добродетельная любовь так же крепко свяжет
Нежные страсти ее ума.

"Вы, девы, которых день такой
Ждет, чтобы встретить с равным блаженством,
О, присоединяйтесь к песне, ваши голоса возвышаются
Чтобы приветствовать бога, которого мы любим восхвалять.
О Гименей! Бог верных пар;
О Гимен! Услышь наши искренние молитвы.

"К нему взывают с тревожным страхом сыновья,
Чтоб дни их детей блаженством радовали;
Девы, которые для тебя одного
Развязать целомудренный, девственный круг;
Женихи пылкие, чей восторг
Замирает, пока ты не благословишь обряд.

"Поднимите, мальчики, факелы высоко!
Она идет, но скрыта от всех глаз;
Глубокие краски скрывают ее румяна;
С песнями, с песнями приветствуйте невесту!
Славься, Гимен! Бог верных пар,
Приветствуем тебя, Гименей, услышавший наши молитвы.

"Богатство, и власть, и звание, и государство,
С любовью Манлия ждут дни твои;
Все это юность твою горделиво ободрит,
И вскормят твой последний год.
Славься, Гименей! Бог верных пар!
Славься, Гименей, услышавший наши молитвы.

"О, безграничен твой любви избыток,
И скоро наши надежды пусть благословят дети;
Пусть не будет древнее имя в почете.
Не нужны наследники, чтобы охранять его будущую славу;
И никакие годы не назначат
Предел славной линии.

"Пусть взгляд юного Торквата отразит
Все черты Манлия в его челе;
Чтоб те, кто не знает его, могли проследить
Знать о его благородном роде;
И по его родовому челом объявить.
Его прекрасную мать, целомудренную и справедливую.

"Теперь закройте двери, девы-подруги;
Наш спорт, наш обряд, наша служба окончены.
С вами пусть добродетель пребывает,
Жених храбрый и невеста нежная,
И юность в пылкие часы
В постоянной любви и пылкой радости".

Грубо практичный нрав римлян проявляется даже в их отношении к той фазе человеческой жизни, которая давала простор для романтики. В их высказываниях о браке его физическая основа признается с излишней откровенностью. Среди них нет ни малейшего намека на

веру в то возвышенное единение, о котором, хотя оно, вероятно, не более чем воображаемая утонченность, обычно говорят как о платонической любви. Здесь нет идеализации любовных чувств, к которой мы привыкли в романах, не являющихся "реалистическими", что дает возможность игнорировать низший аспект.

После замужества женщина сохраняла свое прежнее имя, но оно присоединялось к имени мужа, как, например, Юлия Помпея, Теренция Цицеронида. Ее также называли *domina* - госпожа. На следующий день после свадьбы римская невеста с помощью жертвоприношения, которое она приносила Ларесу, официально вступала во владение своим положением хозяйки дома. Затем она брала на себя управление слугами и рабами, ставя перед ними задачи и беря на себя руководство всеми делами в доме. По неписаному закону от римской матроны не требовалось никакой подневольной работы, если только она не была настолько бедна, чтобы не иметь раба. Она могла прясть, и, в сущности, это было ее заслугой, если она так старательно занималась собой, ибо это было занятие, которое самые заветные традиции не позволяли презирать самым благородным. Занятия проходили в атриуме, где матрона сидела в окружении родовых образов мужа и где принимала своих друзей. Когда она выезжала за границу, ее считали матроной из-за ее *stola*; внутреннюю сторону прогулки ей уступал каждый римский гражданин, которого она могла случайно встретить; если в ее присутствии говорили или делали что-то непристойное, это было преступлением, которое могло быть наказано по закону.

В самые ранние времена расторжение брачных уз происходило крайне редко, по той достойной похвалы причине, что нравы людей были таковы, что редко возникал повод для развода. Однако в те первые века законы, касающиеся этого вопроса, отличались чрезмерной суровостью и несправедливостью по отношению к женщине. Ни в коем случае ей не разрешалось разводиться с мужем, хотя он мог выгнать ее не только за супружескую неверность и такие преступления, как употребление лекарств для предотвращения возможности деторождения или обман его путем рождения фиктивных детей, но даже если она подделывала его ключи или тайно пила его вино, а в самые ранние времена - если она вообще пила вино. Говорят, что Карвилий был первым римлянином, который бросил свою жену; но трудно поверить, что, несмотря на то, что законы, предусматривающие такую процедуру, существовали со времен царства, развод действительно не состоялся до 231 г. до н.э. Вероятно, некоторые обстоятельства, связанные с этим разводом, придали ему такую известность, что он первым обратил на себя внимание историков. Говорят, что Карвилий, хотя и любил свою жену, развелся с ней по причине бесплодия, поскольку вместе со многими другими гражданами дал обет жениться ради потомства.

В более поздние времена женщины получили право добиваться развода, а когда нравы стали проявлять признаки упадка, ничто так не свидетельствовало об ужасной распущенности, как пустяковые причины, по которым мужьям и женам разрешалось расставаться. Несовместимость темпераментов была распространенной жалобой. В древние и более благородные времена существовал небольшой храм, посвященный Вириплаке, супружеской миротворице; когда между мужем и женой возникали разногласия, они встречались и вступали в объяснения перед богиней, обычно с результатом восстановления гармонии; но постепенно Вириплака была забыта, и в супружеских отношениях наступил хаос.

Когда эта распущенность стала преобладающим правилом, жена, богатая и к тому же склонная к любым неприятностям, держала мужа в своей власти. Если он разводился с ней без какой-либо существенной вины с ее стороны или если они расставались по взаимному согласию, она забирала свое приданое и оставляла его с детьми. Если же, что было весьма

вероятно, он женился на ней ради ее имущества, он был обязан быть покорным. Плавт говорит: "Жена без доли подчиняется воле мужа; жены с приданым - как палачи для своих мужей". Марциал, осуждая скупую женщину, которая не подарит мужу новый плащ на Новый год, говорит: "Почему, Прокулея, ты бросаешь мужа в январе? В твоём случае это не развод, а удачный ход". В худшие времена закон ограничивал число разводов, которые мог получить один человек, восемью. Если верить Ювеналу, существовали женщины, которые были достаточно предприимчивы, чтобы достичь этого предела за пять лет. Сатирик описывает их как оставляющих двери только недавно украшенными, гобелен, использованный для брачного праздника, все еще висящим на доме, а ветви все еще зелеными на пороге. Сенека говорит, что в его время дошло до того, что женщины считали годы не по именам консулов, а по мужьям, с которыми они развелись.

И все же, несмотря на эту чрезмерную готовность женщин заключать брачные контракты, во времена Первой империи пришлось ввести суровые наказания за безбрачие, а тем, в чьих семьях рождались дети, назначались премии. Еще в 121 году до н. э. Метелл Цензор, жалуюсь в сенате на растущую тенденцию уклоняться от супружеских обязанностей, сказал: "Если бы мы могли существовать вообще без жен, то, несомненно, избавились бы от чумы, которой они для нас являются; однако, поскольку природа распорядилась так, что мы не можем обойтись без этого наказания, лучше переносить его мужественно и скорее заботиться о постоянном сохранении государства, чем о своем собственном преходящем комфорте".

В обществе, где самые выдающиеся женщины не имели никаких достойных идеалов в отношении обязанностей жены, а мужчины были вольны и имели множество возможностей удовлетворять свои низменные склонности, не опасаясь никаких упреков, кроме того, что они станут предметом юмористических насмешек, не стоит удивляться тому, что последние были склонны избегать забот и превратностей брака. Ювенал утверждал, что хорошая жена встречается реже, чем белая ворона, а Плиний считал, что только безбрачие открывает беспрепятственный путь к власти и богатству. Ужасная шестая сатира первого была написана как предостережение против брака. "И все же в наши дни вы готовите брачный договор, и поселение, и обручение; и уже находитесь под руками мастера-цирюльника, и, возможно, уже дали залог за ее палец. А ведь раньше ты был в здравом уме! Ты, Постум, собираешься жениться! Скажи, какие Тисифоны, какие змеи сводят тебя с ума? Разве ты можешь стать рабом какой-нибудь женщины, пока есть столько недоуздок? Пока доступны высокие и головокружительные окна и так близок Эмилианский мост?" Женщин обвиняют во всех беззакониях, известных в том Риме, где порок достиг таких масштабов, к которым не приближалась ни одна цивилизация за всю историю мира. Но это противоречит задаче сатирика - представить истинную картину целого. Пишущий о пороке, он не видит ничего, кроме беззакония; о добре ему нечего сказать, ибо это не в его компетенции. О том, что и в те времена были хорошие женщины, мы прекрасно знаем. Юлия, тетя Цезаря; Октавия, верная своим брачным обетам, несмотря на плохие отзывы Марка Антония; Агриппина, любимая и верная жена благородного Германика; Ливия, жена Августа, чья супружеская верность - каков бы ни был ее характер в других отношениях - никогда не подвергалась никаким подозрениям. Если эти женщины, занимая высокие посты, могли служить примером всех лучших традиций матрон старого времени, мы можем быть уверены, что в простонародье было бесчисленное множество хороших жен.

На Аппиевой дороге стоит один из самых странных памятников, когда-либо придуманных гротескной фантазией. Это гробница Марка Вергилия Эврисция, который был булочником *при аппаратах*. Памятник состоит из ряда больших цилиндров, представляющих собой

меры для зерна. На них, в три яруса, расположены огромные корыта для замешивания, поставленные горлышками наружу. Выше находится фриз, изображающий различные происшествия, связанные с ремеслом пекаря. Есть свидетельства того, что первоначально рядом с этим памятником стоял похожий, так как была найдена надпись, гласящая: *Антистия была моей женой; она была лучшей из всех живых женщин, чье тело осталось в этой корзине для хлеба*. Вот человек из народа, который ценил свою жену. Несомненно, Антистия была хорошей женщиной и счастливо жила с пекарем, как и мириады других верных пар, чьи имена не запечатлены на памятниках и не имеют места в истории.

И все же даже самые высокие римские стандарты морали не были такими, как те, что сформировались за многие века привития христианских принципов. Среди лучших римлян-язычников наложничество считалось вполне оправданным институтом. Законы о гражданстве закрывали для многих женщин возможность вступать в брак со свободными римлянами, как, например, для дочерей иностранцев, которые не были натурализованы. Они могли стать только любовницами или вступать в левосторонние браки. Если неженатый гражданин желал жить с такой женщиной, то, разумеется, никаких церемоний не требовалось; союз ни к чему не обязывал, и в то же время он не считался чем-то непристойным. Не на одной гробнице можно найти надпись "любимой наложнице". Акте поддерживала такие отношения с императором Нероном, и к ее чести следует признать, что она была единственным человеком рядом с ним, против которого он не злоумышлял, и который, казалось, имел на него хоть какое-то влияние во благо. Антонин Пий, один из лучших римских императоров, после смерти своей возлюбленной Фаустины взял наложницу. Он не стал жениться снова, потому что не хотел, чтобы его четверо детей находились под неопределенной опекой мачехи. И, имея перед глазами домашнюю историю не одной императорской семьи, в которой проявились нежные милости такой мачехи, какой была Ливия, жена Августа, Антонин вполне может быть оправдан за свою предосторожность. Как звали женщину, которую он взял, мы не знаем, как не знаем и ее характера; только Марк Аврелий говорит: "Я благодарен богам, что меня не воспитывала наложница моего отца".

VI

ЖЕНЩИНА ПРИ ЮЛИИ СЕЗАРЕ

Рим теперь раздирали и раздирают катаклизмы гражданского противостояния. Основы республики сотрясались от взрыва новых социальных сил, рост которых естественно сопровождался распространением завоеваний и которые уже не могли быть ограничены узкими рамками старой конституции. Марий, Силла, Помпей, Сезар - вот имена, вокруг которых собирается история мук и предсмертных стонов угасающей Республики. Багровый цвет был цветом каждой политической партии, а кровь противников - средством для его демонстрации. Рим стал слишком велик для своей древней гражданской конституции: он с нетерпением ждал появления человека, который смог бы возвыситься над всеми оппозиционерами и в своем лице объединить правительство. Империализм или анархия неизбежно должны были последовать за такой республикой, какой стал Рим в конце века дохристианской эры.

Во время этих жестоких политических волнений и кровавых революций как обстояли дела у женщины? Она отнюдь не была защищена в том тихом, спокойном круге супружеских обязанностей и домашней жизни, который так долго принадлежал ей по праву. В условиях кровопролитных гражданских войн и убийственных проскрипций, ставших следствием

амбиций вождей, жизнь римского народа была крайне неопределенной. Легко догадаться, что пережили женщины многих итальянских городов, когда целые народы были преданы мечу безжалостным Силлой. Смерть, бесчинства и рабство стали настолько обыденными, что в римских женщинах развилось то равнодушие к человеческим страданиям, которое кажется нам не иначе как чудовищным. При Силле жены привыкли к тому, что их одновременно лишают мужей и средств к существованию; как в случае с тем мирным гражданином, который, обнаружив свое имя в списках проскрибированных, воскликнул: "Моя ферма Альбан донесла на меня", и тут же был убит.

Политические перемены того времени не привели к заметным изменениям в положении женщин; то есть не было принято никаких законов, которые каким-либо особым образом затрагивали бы их положение и привилегии. Определенные изменения произошли в образе жизни римских женщин, но это были естественные результаты характера времени. Ослабление моральных принципов, которое мы заметили в предыдущей главе, продолжалось с ускоренной быстротой. Границы, установленные традиционной честью, преодолевались со все большей безрассудностью, а привычки многих представительниц высшего класса еще больше выводили пол за рамки старомодной морали.

В этот период мы также видим, как женщины начинают прикладывать свои руки к той особой политической работе, к которой они приспособлены. Во времена Гракхов для яркой и интеллектуальной дамы стало возможным собрать вокруг себя ученых людей, грамматиков и философов; теперь мы увидим, как такие женщины, у которых есть другие амбиции, собирают в своих атриумах политиков, а иногда и заговорщиков. Например, Семпрония, происходившая из рода Гракхов и жена Децима Брута. В ее доме Катилина имел обыкновение встречаться со своими приверженцами для составления заговора. О ее характере и достижениях Саллюст дает нам такое интересное описание: "Женщина, совершившая множество преступлений, с духом мужчины. Рождением и красотой, мужем и детьми она была чрезвычайно удачлива; она разбиралась в греческой и римской литературе; умела петь, играть и танцевать с большим изяществом, чем подобает добродетельной женщине, и обладала многими другими достоинствами, способными возбудить страсти. Но ничто не ценилось ею меньше, чем честь и целомудрие. Была ли она более расточительна в отношении своих денег или репутации, решить трудно. До этого времени она часто нарушала свое слово, отказывалась от долгов, была причастна к убийствам и доходила до крайних крайностей из-за своей расточительности и бедности. Но ее способности отнюдь не были презренными: она умела сочинять стихи, шутить, вступать в беседу - скромную, нежную или развратную. Одним словом, она отличалась большим утонченным остроумием и изяществом выражения". Похоже, она была равна Корнелии по способностям и противоположна ей по характеру, что, возможно, иллюстрирует вырождение времени в той же мере, что и особую порочность этой конкретной женщины.

Римляне учились использовать салон в политических целях. Женщины начали понимать, что для тех, кто имеет доступ к могущественным лидерам мужского пола, многое может быть достигнуто с помощью красивого лица, подкрепленного активным умом, даже если избирательный бюллетень будет отклонен. Готовился путь для Ливии и Агриппины. Женщины были вынуждены проявлять больший интерес к политике по той простой причине, что она стала очень опасным делом. В один день их мужья могли ехать с триумфом, а на следующий - обнаружить свое имя в списках запрещенных; поэтому часто случалось так, что только участвуя в политических интригах, жены могли обеспечить свою безопасность и безопасность тех, с кем их связывала любовь. Времена изменились. В прежние времена женщины с патриотическим пылом подбадривали своих родственников-мужчин,

отправлявшихся в поход против врага, и храбро посвящали своих сыновей на благо государства; но в те времена, о которых мы сейчас говорим, лучше всего служили те, кто обладал смекалкой, чтобы раскрыть заговор. Именно куртизанке по имени Фульвия Цицерон был обязан раскрытием заговора Катилины.

Однако, по общему мнению мужчин, главная политическая польза, которую могли принести женщины, заключалась в укреплении браком напряженных отношений между соперничающими политиками. Соответственно, дочь могущественного лидера могла выходить замуж и разводиться, переходить от одного мужчины к другому почти с такой же легкостью, с какой отряд легкой кавалерии может появиться сначала в одной, а затем в другой части поля боя. Эти принудительные браки в политических целях так воспитали женщин, что в последующих поколениях они могли с еще большим легкомыслием разрывать брачные узы в своих капризных целях. О том, с какой беспечной свободой женщины выходили на опасную арену общественной жизни, свидетельствует история Валерии. Это была энергичная молодая женщина, которая развелась со своим мужем. Однажды в театре, проходя за спиной Силлы по пути к своему месту, она на мгновение остановилась и вырвала клочок шерсти из плаща диктатора. Это заставило его повернуться и посмотреть на нее с некоторым удивлением. Тогда она сказала: "Конечно, сударь, вы не станете возражать, если, отщипнув нитку от вашего одеяния, я захочу разделить с вами небольшую часть вашей удачи". Она отправилась на свое место, но вскоре стало ясно, что Силла не разочарован. Во время представления дама интересовала его больше, чем гладиаторское зрелище, и вскоре была достигнута договоренность о браке.

Силла женился уже в пятый раз. Незадолго до романтического знакомства с Валерией он потерял из-за смерти Цецилию Метеллу, о которой уже упоминалось выше и которая была одной из лучших женщин своего времени. Добрая и сострадательная по натуре, она часто успешно ходатайствовала за жизнь мужчин, которых обрекал на гибель ее неумолимый муж. После ее смерти, хотя есть все признаки того, что он относился к ней с большим уважением, его поступок был своеобразным и чрезвычайно характерным для этого человека. Поскольку жрец Венеры Виктрикс, богине которой он был особенно предан, запретил ему допускать, чтобы его дом был осквернен трауром, пока Метелла находилась на смертном одре, он послал ей заявление о разводе и удалил ее в дом одного из ее родственников. Однако после ее смерти он пошел на то, чтобы преступить свой собственный закон, запрещающий тратить деньги на похороны, и устроил в ее честь самые изысканные похороны.

Силла совершенно бессовестно использовал брак и развод в политических целях. Дочь Метеллы от первого мужа была замужем за Глабрионом Цензором. Диктатор видел более полезного союзника в молодом Кнесее Помпее, который уже был женат на Антистии; поэтому он приказал Глабриону и Помпею развестись со своими женами, а последнему - взять в жены падчерицу Эмилию. Пизон, также по его предложению, развелся со своей женой Аннией. Но когда Силла попытался применить ту же тактику в отношении Сезара, он обнаружил, что столкнулся с человеком совершенно другого металла. Последний женился на Корнелии, дочери Цинны. У них был один ребенок, маленькая дочь по имени Юлия, которая впоследствии стала женой Помпея. Когда всемогущий диктатор приказал Сезару развестись с Корнелией, тот категорически отказался, предпочтя смерть подчинению такой тирании. Есть все основания полагать, что Корнелия была достойна преданности своего мужа, которой она пользовалась до самой смерти.

Сезар стал поворотным пунктом в ходе римской истории, кризисом в истории мира. Его деятельность затронула целую эпоху, а трагедия его кончины - это память, от которой человеческий разум никогда не сможет отказаться. Однако, поскольку величие человека

всегда в значительной степени зависит от характера времени, в котором он живет, те же условия, которые он использует для того, чтобы возвыситься, также окружают его другими людьми, которые приближаются к нему в мудрости, силе и доблести, которые развиваются под воздействием общей среды. Сначала Цезарь оказался в обществе героических душ. Помпей, Марк Антоний, Брут, Катон, Кассий - все они в своем характере и силах проявляют большую или меньшую причастность к тем качествам, которые сделали Цезаря величественным. В не меньшей степени это относится и к женщинам того времени; время породило в них величие души в той же степени, что и в мужчинах. Опасность, честолюбие и высокая предприимчивость далеко продвинули женщин этого периода в развитии тех качеств, которые проявляются благодаря таким средствам. Порция, Кальпурния, Фульвия, Юлия и Корнелия были достойными спутницами своих прославленных мужей.

Поэтому, независимо от того, как мало или много женских участниц этой великой мировой драмы появляется на сцене, мы можем быть уверены, что при их появлении перед нами предстают одни из самых замечательных женщин в истории, если не по той причине, что они связаны с сюжетом этой драмы.

Естественно, в первую очередь внимание привлекают те женщины, которые были наиболее тесно связаны с Юлием Цезарем. Аурелии, дочери Аврелия Котты, была уготована честь произвести на свет человека, которому предстояло носить одно из трех самых известных имен в военной истории. Она потеряла своего мужа, Кая Юлия, когда их сын был еще мальчиком; но из того, что известно о ее характере, очевидно, что она была равнодушна к тому, чтобы в одиночку руководить завершением образования юного Цезаря. Несомненно, именно ее влиянию он был обязан развитием тех черт, которые наиболее приятны в его величии. Тацит является достаточным авторитетом для этого, уподобляя Аурелию матери Гракхов. Она была одной из немногих оставшихся в живых представительниц того достоинства и добродетели, которые украшали аскетизм ранних дней Республики. Ее дом, небольшой и экономный, располагался под холмами Эсквилин и Виминал, в той низкой части Рима, которая называлась Subura. Это был не фешенебельный квартал; по сути, это была улица лавок и таверн. Отсюда доносился шум транспорта, а также шум таких потасовок и пирушек, которые обычно происходят в окрестностях питейных заведений. В верхней части улицы находилось пониженное открытое пространство, называемое Озером Орфея из-за стоявшей там статуи Орфея. На это место, которое, должно быть, служило прекрасной игровой площадкой, Аурелия имела обыкновение посылать раба, чтобы тот искал юного Цезаря, когда на неосвещенные улицы опускались тени ночи. Вероятно, она так же часто и с гораздо большим удовольствием разыскивала его на Вилла Сандалиариус, улице, идущей параллельно ее собственной, где находились лавки книготорговцев.

В своей непритязательной резиденции с плебейской обстановкой Аурелия содержала дом для сына. Когда он привез домой Корнелию, дочь консула Цинны, в качестве невесты, мать украсила порог и подготовила скромный атриум к брачным церемониям. Здесь родилась маленькая Юлия, единственный ребенок, который когда-либо благословлял дом Цезаря.

Когда от Силлы пришел приказ, что, если он хочет сохранить свою жизнь и служить своим интересам, Цезарь должен избавиться от жены, чтобы иметь возможность заключить брачный союз с партией диктатора, нет сомнений, что добродетельный совет Аурелии поддержал мужество ее сына, отказавшегося подчиниться столь тираническому приказу. В результате Цезарь был вынужден покинуть город, едва избежав руки убийцы, а две женщины в течение двух лет утешали друг друга, как могли, в отсутствие мужа и сына. О том, что они обеднели из-за жадности Силлы, который, не имея возможности тронуть врага, довольствовался захватом его имущества, мы знаем. Им повезло, если их жизнь не была еще

больше омрачена знанием о гнусных клеветах, пришедших из Вифинии, для опровержения которых не требовалось никаких доказательств, кроме характера того, чье имя было так злобно опорочено.

После двух лет одиночества эти преданные женщины были счастливы, приняв изгнанника дома. С тех пор материнская гордость Аурелии была удовлетворена тем, что звезда судьбы ее сына, хоть и омрачаемая временами соперничеством, всегда восходила и сияла. Он поднимался от одной должности к другой, пока не настал день, когда она увидела, как его избрали главным понтификом, опередив двух кандидатов, превосходивших его по возрасту, званию и богатству. На эти выборы он поставил все. Если бы он потерпел неудачу, долги захлестнули бы его с головой. Утром, покидая маленький домик в Субуре и целуя на прощание мать, он сказал: "Мама, я вернусь домой понтификом или не вернусь вовсе". С какой тревогой она ожидала результата! Весь день она слышала, как его имя с одобрением выкрикивали люди на улице; а вечером он вернулся и сообщил ей, что она должна переехать с ним во дворец понтификата на Виа Сакра.

Корнелии больше не было рядом, чтобы разделить гордость Аурелии и удачу Сезара. В 68 году до н. э. Цезарь произнес два погребальных панегирика. Один из них был посвящен его тетке Юлии, жене того самого неухоженного, но несгибаемого солдата Мариуса. Об этой даме мало что известно, но в Ле-Бо, в Провансе, есть памятник, на котором изображены Марий и Юлия, а между ними - что, возможно, свидетельствует о личных испытаниях, выпавших на долю последней, - Марта, сирийская пророчица, которая сопровождала и советовала Мариусу во всех его авантюрных начинаниях. Вторая погребальная речь, произнесенная Сезаром, была посвящена его верной жене Корнелии. Такие молодые матери, как она, не часто удостоивались панегириков на своих похоронах; и это свидетельствует не только о достоинствах ее характера, но и о преданности ее мужа, что в данном случае он нарушил обычай, получив одобрение народа.

Однако прошло совсем немного времени, и Аурелия была призвана приветствовать новую невесту своего сына, на этот раз в великолепии понтификальной обители. Лучшие римляне считали брак долгом гражданина, и для мужчины сократить сожаления о своей вдове не считалось порицаемым поведением, хотя, с другой стороны, постоянство овдовевших матрон было в высшей степени почетным. Римляне, несмотря на свою склонность к юриспруденции, мало заботились о последовательности в распределении привилегий между мужчинами и женщинами.

Второй женой Сезара стала Помпея, внучка Силлы, чей род Аврелия не слишком любила. Каково было отношение матери к новой невесте, мы не знаем. Из рассказа о продолжении этого брака можно сделать два вывода: Аурелия продолжала оставаться *госпожой* в доме своего сына, поскольку именно она руководила церемониями *Vona Dea*, которые Хлодий прервал своим вторжением; и все выводы говорят против невинности Помпеи, поскольку, если бы она была верна, Хлодий не осмелился бы войти в дом в такое время. С ней развелся Сезар, но он не принимал активного участия в судебном процессе против Хлодия. Когда его вызвали для дачи показаний, он ограничился заявлением, что ничего не знает об этом деле, что в некотором смысле было правдой, поскольку он не присутствовал при этом. Дело можно было бы замять, если бы не матроны, которые не могли допустить, чтобы в их священные тайны вторглись таким образом. Особенно настойчива была Теренция, жена Цицерона. Она вмешивалась в политические дела до такой степени, что, когда ее муж был консулом, о ней с сарказмом говорили как о его коллеге. Имея личную неприязнь к Хлодию, она так подстрекала Цицерона, что могущественный защитник полностью опроверг убедительные доводы обвиняемого об алиби.

Показания Цезаря о том, что ему ничего не известно о том, что произошло в его доме, не удовлетворили обвинителя, и он проницательно спросил: "Почему же тогда ты развелся с Помпеей?". Ответ был таков: "Жена Цезаря должна быть вне подозрений!" - ответ был достаточно надменным, чтобы быть характерным для этого человека, и считался достаточной проверкой для всех дальнейших перекрестных допросов. Но, рассматривая всю ситуацию с нашей точки зрения, невозможно удержаться от замечания, что, если бы Цезарь обладал хоть чем-то, напоминающим современную совесть, ему вряд ли хватило бы наглости произнести подобное высказывание. Каким бы справедливым и великодушным он ни был, он не мог допустить мысли о том, что для женщины и мужчины должен существовать один моральный кодекс. Если бы жена Цезаря сказала: "Муж Помпеи должен быть вне подозрений", - это показалось бы ее современникам столь же нелепым, сколь и неосуществимым.

Мы, как и сам Цезарь, можем не придавать значения клеветническому клейму на его имени, которое позорит страницы историков и стихи Катулла. Однако, если отбросить это, как недостойное доверия, свидетельства, кажется, в изобилии доказывают его склонность к тем галантным поступкам, которые считались среди людей его времени наименее предосудительными безнравственными. Имена многих женщин были связаны с именем великого солдата таким образом, что это нанесло ущерб репутации всех заинтересованных сторон. Если только при изучении древних историков не будет принята высшая критика самого радикального и пристрастного толка, мы должны верить им на слово, что дамы самого высокого качества поддавались влечениям Цезаря. Говорят, что Помпей имел обыкновение называть главного понтифика Егистом, а когда говорил о нем, то со вздохом, который был вызван не столько успехами Цезаря в государственных делах, сколько его соперничеством в привязанностях Муции, которая, как и Клитемнестра, была завоевана понтификом, пока ее муж отсутствовал на войне. Постумия, жена Сервия Сульпиция, Лоллия, жена Аула Габиния, и Тертулла, жена Марка Красса, подпадают под то же обвинение. Названные мужья были близкими друзьями человека, который разделял с ними супружеские права, а также поднимался на их плечи в политическом восхождении; и они хорошо послужили ему в реализации его последних проектов. Высказывалось мнение, что если бы поведение Цезаря действительно было столь предосудительным, как утверждает, он не смог бы сохранить дружбу этих людей; но этот аргумент ничего не доказывает. Что, если бы он был достаточно искусен в политике - что не так уж неизвестно в истории человеческого опыта - и мог бы повелевать руками и головами мужей через сердца их жен?

Была одна женщина, которая питала к Цезарю страстную привязанность, а он отвечал ей пылкой и продолжительной любовью, в которой политические амбиции не играли никакой роли. Это была Сервилия, сводная сестра Катона и мать Марка Брута. К несчастью, отношение этой дамы к своему могущественному любовнику не сопровождалось доверием и дружбой ее брата и сына. Современные авторы, в частности Фрауд и Баринг Гулд, стремятся исключить все недостойное из взаимной привязанности, которая, как известно, существовала между Сервилией и Цезарем; но их аргументы лишены исторических доказательств. Как бы мы ни были склонны искоренять из характера великого римлянина все неприятное, не стоит игнорировать или объяснять каждую крупницу доказательств, переданных древними авторитетами по этому вопросу. Может быть, сплетни и были беспочвенным предположением, что именно письмо от сестры заставило Катона во время ожесточенных сенаторских дебатов потребовать от Цезаря, чтобы тот раскрыл содержание только что полученной записки; тем не менее, по свидетельству Плутарха, Цезарь считал Брута своим родным сыном. В этом великий император мог очень легко ошибиться; но что касается того, что у него были основания верить в возможность такого, то, конечно, выводы

современных писателей должны иметь меньший вес, чем простые утверждения древних историков, которые являются единственным источником любых знаний, которые мы можем иметь по этому вопросу. Правда, среди римлян тех времен клеветники были еще более грубыми и менее сдержанными, чем в наше время; и среди них Цицерон был столь же бессовестным, сколь и умным. Поэтому нам нет необходимости всерьез воспринимать его каламбур с именем дочери Сервилии, когда, отмечая низкую цену, по которой Сервилия получила от Цезаря некоторые земли, он говорит: "Между нами вычли Терцию [или треть]", намекая на то, что мать нажилась на бесчестии дочери.

Кальпурния, дочь Л. Кальпурния Пизона, была третьей женой Цезаря. В течение четырнадцати лет она занимала Регию, понтификальную резиденцию, в качестве ее *госпожи*. Таким образом, она была самой высокой дамой в Риме и во всей империи. То, что она стала супругой Цезаря из соображений целесообразности, весьма вероятно; но о том, что она питала к мужу глубокую и прочную привязанность, на которую он отвечал нежностью, свидетельствует их поведение накануне его смерти. За годы союза Кальпурнии с Цезарем, хотя он и наполнил их событиями огромной важности в истории Рима, о его жене ничего не сохранилось. Ее имя дошло до нас незапятнанным никакими скандалами, что, учитывая тот факт, что историки того времени включали подобные истории в свои записи по самым незначительным основаниям, является очень сильным свидетельством чистоты ее жизни, которая была посвящена продвижению интересов Цезаря среди его друзей, заботе о его доме во время его многочисленных и длительных отлучек и служению его комфорту в короткие передышки, которые давали ему его бесчисленные заботы. Все, что мы знаем о ее характере, раскрывается в момент его опасности, и в этот момент все говорит в ее пользу.

В сюжете "*Юлия Цезаря*" Шекспир с исторической точностью вводит всего два женских персонажа: Кальпурния и Порция, последняя - достойная жена благороднейшего из заговорщиков. Были ли они подругами, эти две дамы, какими должны были быть их мужья? Ходили ли они друг к другу в гости и обсуждали ли те темы, которые в то время были актуальны в атриумах и садах Рима? Проводила ли Кальпурния иногда послеобеденное время с Порцией в ее доме на Авентине; и хотя ее несколько охлаждала строгая и философская манера поведения потомка Цензора, она все же радушно приглашала ее в более великолепный дворец Цезаря? Этого мы не знаем. Возможно, надвигавшееся ужасное событие наложило тень на любое общение женщин, тем более что Катон, брат Порции, нашел в браке Кальпурнии повод для осуждения, поскольку ее отец сразу после этого был назначен консулом.

Из этих двух женщин Порция гораздо более известна; и, хотя она, возможно, не превосходила жену Цезаря, ее по праву можно считать лучшим представителем благороднейшего типа римской матроны того периода. В ней мы видим влияние стоического воспитания на характер нормальной женщины. Было много женщин, обладавших большей твердостью духа, большим самообладанием, способных быть свидетелями и участниками страшных подвигов без дрожи в губах или побледнения лица. Это ненормальные женщины, в чей характер природа подмешала излишнее количество мужского начала. Но в Порции нет леди Макбет; она не подстрекала и не могла подстрекать своего мужа к кровавым деяниям. Ее характер сам по себе был мягким и женственным; ее поведение было результатом воспитания. Она сама признавала, что если она и была сильнее своего пола, то это было результатом того, что ее "так воспитали и так обучили". Философия научила ее стремиться к стоической стойкости, но она никогда не находила в себе ничего, кроме женской силы. Это видно из рассказа историка и прекрасно показано Шекспиром в сцене, где он изображает ее почти умирающей в ожидании вестей из Капитолия.

"ПОРЦИЯ... Я прошу тебя, мальчик, беги в дом сената;
Не задерживайся, чтоб ответить мне, но уходи:
Почему ты остаешься?

Люциус: - Чтобы узнать мое поручение, госпожа.

Портий... Я бы хотел, чтобы ты был там и здесь,
Прежде чем я смогу сказать тебе, что ты должен делать там...
О постоянство, будь на моей стороне!
Поставь огромную гору между моим сердцем и языком!
У меня мужской ум, но женская сила.
Как трудно женщинам держать совет!
Ты еще здесь?

Госпожа, что мне делать?
Бежать в Капитолий, и больше ничего?
И вернуться к вам, и больше ничего?

ПОРЦИЯ Да, принеси мне весть, мальчик, если твой господин выглядит хорошо,
ибо он отправился в путь больной; и хорошенько запиши.
Что делает Сезар, какие к нему пристают поклонники.
Слушай, мальчик! Что это за шум?

Луций. - Я не слышу, мадам.

Портий, слушай внимательно;
Я слышала шум, похожий на драку,

И ветер принес его с Капитолия.

Затем, после разговора с прорицательницей:

"Я должен войти"... Эй, как слабо женское сердце!

Женское сердце! О Брут,

пусть небеса ускорят тебя в твоём предприятии!

Конечно, мальчик слышал меня. У Брута есть иск,

Которое Сезар не удовлетворит... О, я теряю сознание...

Беги, Луций, и представь меня моему господину;

Скажи, что я весел: приходи ко мне снова,

И принеси мне весть, что он тебе скажет".

Все эти чувства и острую тревогу она, несомненно, испытывала; но не из сочувствия к мотивам и целям Брута, хотя она верила в них так же полно, как и он, а из простой и искренней любви к мужу. По своей природе она не была стоиком - как не была и не может быть истинной женщиной; но она воспитала в себе умение ценить самообладание и достойную выдержку как моральные качества высшей ценности. В Риме были и другие женщины, которые, подобно Порции, изучили и приняли в качестве жизненного правила принципы Зенона. Мы видим, как они идут среди легкомыслия своего времени с элегантностью слишком осознанного превосходства. Это была роль, которую, если женщины вообще брали на себя, они должны были обязательно переиграть. Принципы их философии могли завести их далеко, даже до смерти "по римской моде"; но был ли стоицизм лишь маской гордыни или настоящим величием характера, всегда находился момент, когда женское сердце проявляло себя. Мужчине, независимо от того, преследует ли он сентиментальные или серьезные цели, не нужно было испытывать особого трепета перед этими стоическими римскими дамами.

Как бы она ни хранила достойное бесстрашие, все мысли Порции, как и все порывы ее сердца, выдавали ее философию. Ее нежная забота не позволяла ни одному вздоху, вырвавшемуся из груди ее господина, ни одной рассеянности, омрачавшей его чело и предвещавшей заботу, ускользнуть от ее внимания. Ей было ясно, что Брута одолевает какая-то большая беда. Она жаждала узнать об этом, но не ради удовлетворения любопытства, а потому, что не могла допустить, чтобы муж считал ее не более чем верным товарищем. Но достойна ли она быть хранительницей секретов мужа? Несомненно, она была уверена, что они касаются государственных дел. У римлян не было принято подвергать свободных женщин пыткам, но Порция, прежде чем узнать мысли мужа, должна была проверить свою способность переносить боль. Пусть Плутарх представит картину по-своему:

"Брут, чувствуя, что от него зависят самые благородные духи Рима - по добродетели, рождению или мужеству, - и изучая все обстоятельства опасностей, которым они должны были подвергнуться, старался, правда, как можно больше, когда находился за границей, держать свое душевное беспокойство при себе, чтобы собраться с мыслями; Но дома, и особенно по ночам, он был уже не тот, иногда против воли рабочая забота заставляла его подниматься с кручи, а иногда он погружался в размышления и обдумывал свои затруднения, так что жена, лежавшая с ним, не могла не заметить, что он полон необычных хлопот, и его мучает какой-то опасный и недоуменный вопрос. Порция, как уже говорилось,

была дочерью Катона, а Брут, ее двоюродный брат-германец, женился на ней совсем юным, хотя и не в девичестве, а после смерти прежнего мужа. Эта Порция, увлекавшаяся философией, очень любившая своего мужа и полная понимающей смелости, решила не выведывать тайны Брута, пока не испытает себя. Она выгнала всех своих слуг из покоев и, взяв маленький нож, каким режут ногти, нанесла себе глубокую рану на бедре, после чего из нее хлынула кровь, а вскоре начались сильные боли и лихорадка, вызванные этой раной. Когда Брут очень переживал и страдал за нее, она, в самый разгар своей боли, сказала ему следующее: Я, Брут, дочь Катона, была отдана тебе в жены не как наложница, чтобы участвовать только в общем общении в постели и на ложе, но чтобы принимать участие во всех твоих добрых и всех твоих злых судьбах; и с твоей стороны, что касается твоей заботы обо мне, я не нахожу причин жаловаться; но от меня, какое доказательство моей любви, какое удовлетворение ты можешь получить, если я не могу разделить с тобой твои скрытые горести или быть допущенной к любым твоим советам, которые требуют тайны и доверия? Я хорошо знаю, что женщины слишком слабы, чтобы доверять им тайны; но, конечно, Брут, добродетельное рождение и воспитание, общество добрых и благородных людей имеют определенную силу в формировании манер; и я могу похвастаться тем, что я дочь Катона и жена Брута, а эти два титула, хотя раньше я не слишком доверяла, теперь испытала себя и нашла, что могу бросить вызов боли". Сказав эти слова, она показала ему свою рану и рассказала об испытании, которому подвергла свое постоянство; пораженный, он воздел руки к небу и попросил богов помочь ему в его предприятии, чтобы он мог показать себя мужем, достойным такой жены, как Порция".

С тех пор она разделяла тайну Брута в его страшном замысле; кроме того, ее сердце и разум были угнетены дополнительным бременем тревоги за него.

Когда-то другая женщина в Риме с нетерпением ждала, пока ее муж свергнет правителя с трона; и хотя заговор означал смерть ее собственного отца, Туллия могла поехать в зал заседаний сената, чтобы собственными глазами убедиться в благополучном исходе дела. Но Туллию и Порцию нельзя сравнивать. Ничто не указывает на то, что последняя была хоть в малейшей степени обуреваема честолюбием. Она просто верила в своего мужа до такой степени, что, если бы он задумал убийство, сочла бы его оправданным. И все же она не могла спросить: "Сезер уже отправился в Капитолий?", не рискуя упасть в обморок.

Во дворце императора находилась еще одна женщина, чей разум терзали страшные предчувствия, и она боялась, что то, чего Порция с нетерпением ожидала, уже свершилось. Женское чутье Кальпурнии оказалось быстрее, чем подозрения Сезара и его друзей. Она не была склонна к суеверным страхам, но сейчас даже сам воздух казался предвестником грядущей беды. Ей снился сон, и она кричала во сне: "Они убивают Цезаря".

Так изобразил эту сцену великий драматург, подражать или заменять которого было бы глупо:

"Кальпурния... Что ты имеешь в виду, Цезарь? Думаешь выйти?

Сегодня ты не выйдешь из своего дома.

Сезар. - Сезар выйдет. То, что грозило мне

Не смотрели только на мою спину; когда они увидят

лицо Сезара, они исчезают.

Кальпурния: --- Сезар, я никогда не придерживалась церемоний,
Но теперь они меня пугают. Здесь есть один,
Помимо того, что мы слышали и видели,
Рассказывает о самых ужасных зрелищах, которые видел дозорный.
О Сезар! Эти вещи бесполезны,
И я их боюсь.

Что можно избежать,
Чей конец предначертан могучими богами?
И все же Сезар должен идти вперед, ибо эти предсказания
Для мира в целом и для Сезара.

КАЛЬПУРНИЯ --- Когда умирают нищие, комет не видно;
Небеса сами освещают смерть принцев.

Жена подкрепляет свои слова предупреждениями авгуров, и Цезарь решает позволить Марку Антонию сказать, что он нездоров. Но приходит лживый трус Деций, и для его личного удовлетворения, потому что Сезар любит его, ему говорят, что:

"Здесь Кальпурния, моя жена, оставляющая меня дома:

Ночью ей приснилось, что она видит мою статую,

Которая, как фонтан с сотней струй,

Струилась чистая кровь; и многие похотливые римляне

Приходили, улыбаясь, и омывали в ней руки.

И все это она использует как предупреждения и предзнаменования.

И зла неминуемого; и на коленях

Умоляла, чтоб я сегодня дома оставался".

Деций с легкостью дает видению лучшее толкование; он переубеждает Цезаря, хитроумно подсказывая, как сенат может посмеяться над тем, что заседание отложено до "другого раза",

когда жена Сезара увидит лучшие сны".

И он оставляет ее грустно размышлять о том, что его "смерть, необходимый конец,

Придет, когда придет".

О Кальпурнии мы больше ничего не узнаем, кроме того, что благодаря своей мудрости она поспешила передать бумаги мужа в руки Марка Антония, который так удачно взял на себя задачу отомстить за смерть своего друга.

Порция бежала из Италии вместе с мужем, и хорошо, что она так поступила, потому что при Триумвирате начался террор, заставивший римский народ вспомнить о кровавых проскрипциях Силлы, в котором жена убийцы Сезара вряд ли была бы в безопасности. Ненависть, жадность и все злые страсти были выпущены на свободу. Наследникам стало легко поспешить с получением наследства, внося имена владельцев в списки проскрибированных. Тогу давали детям, чтобы их имущество, считавшееся к тому времени совершеннолетним, перешло в их собственность; затем их приговаривали к смерти.

Во время этого террора граждане Рима были принуждены солдатами к молчанию и бездействию; но, к их чести, есть сведения, что женщины не так покорно терпели лишение своего имущества. С четырнадцати сотен самых богатых матрон были взысканы большие взносы. Во главе с Гортензией, дочерью оратора, эти дамы отправились на Форум и предстали перед Триумвиратом. Гортензия произнесла. "Прежде чем предстать перед вами, - сказала она, - мы просили вмешательства Фульвии; ее отказ заставил нас прийти сюда. Вы отняли у нас отцов, детей, братьев, мужей; лишить нас состояния - значит низвести нас до состояния, которое не подобает ни нашему рождению, ни нашим привычкам, ни нашему полу; это значит распространить на нас ваши запреты. Но разве мы поднимали против вас солдат или добивались ваших должностей? Разве мы оспариваем власть, за которую вы боретесь? Со времен Ганнибала римские женщины охотно отдавали в казну свои драгоценности и украшения; пусть придут галлы или парфяне, и в нас найдется не меньше патриотизма. Но не просите нас участвовать в этой братоубийственной войне, которая раздирает Республику; ни Марий, ни Цинна, ни даже Силла во время своей тирании не осмелились сделать этого". Триумвиры были склонны прогнать матрон с Форума; но народ начал волноваться, и они уступили и издали еще один эдикт, сократив до четырехсот число женщин, подлежащих налогообложению.

Во многом эта жестокость была спровоцирована женщиной, о которой упоминает Гортензия. Антоний, чьи любовные похождения были столь же разнообразны, сколь и многочисленны, одно время был вовлечен в интригу с Фульвией, тогдашней женой Хлодия. Впоследствии она стала женой Антония. Это была женщина, полная противоположность Порции; обидчивая, упрямая, мужественная женщина, "в которой, - говорит Веллеус Патеркул, - не было ничего женственного, кроме ее тела". О ней рассказывают, что, когда Цицерона убили, ей принесли его голову, и она пронзила своей шилом язык, который так горько осуждал ее и ее мужа. В другой раз Антонию принесли голову одного из проскрибированных. "Я не знаю ее, - сказал он, - пусть она достанется моей жене". Это была голова гражданина, о котором не известно ничего хуже, чем то, что он отказался продать ферму, которую хотела получить Фульвия. Плутарх рассказывает, что Антоний был вынужден прибегать к разного рода мальчишеским уловкам, чтобы удержать Фульвию в хорошем настроении. Среди других подобных историй, которые, по его словам, ходили в народе, он приводит следующую, касающуюся внезапного возвращения триумвира в Рим: "Замаскировавшись, он пришел к ней ночью, под видом слуги, принесшего письма от Антония. Она с большим нетерпением, еще не получив письма, спрашивает, здоров ли Антоний, и вместо ответа отдает ей письмо, а когда она вскрывает

его, обнимает ее за шею и целует". Историк дает такую характеристику Фульвии: "Женщина, рожденная не для прядения или домоводства, не та, которая могла бы довольствоваться управлением частным мужем, но готовая управлять первым магистратом или отдавать приказы главнокомандующему". Так что Клеопатра была в большом долгу перед ней за то, что она научила Антония быть таким хорошим слугой, он пришел в ее руки прирученным и сломленным, чтобы полностью подчиняться командам госпожи". Очевидно, мы должны рассматривать Марка Антония как великий исторический тип "нерадивого" мужа; однако здесь нет повода для сочувствия: его наказание было не больше, чем он заслужил. Главное несчастье заключалось в том, что Фульвия умерла, и таким образом освободилось место для благородной и многострадальной Октавии, на которой он впоследствии женился.

Вернемся к Порции. Есть прекрасный случай, когда она окончательно рассталась с Брутом на острове Нисида. Она была охвачена горем, но воздерживалась от его проявления, опасаясь, что это может поколебать стойкость ее мужа. Но когда она проходила через зал, случайно увиденная картина выдала ее. На ней был изображен Гектор, расстающийся с Андромахой, когда он отправился на войну с греками. Он отдавал ей на руки своего маленького сына Астианакса, а она в последний раз смотрела на своего мужа полными слез глазами. Порция не могла без слез смотреть на эту картину, так напоминающую ее собственные обстоятельства; и каждый день, пока она оставалась в этом месте, она ходила смотреть на нее. Именно в один из таких случаев Ацилий, друг Брута, повторил из Гомера строки, в которых Андромаха обращается к Гектору:

"Но, Гектор, ты

Мне отец и мать,

Брат мой и муж любящий верный".

Брут, грустно улыбнувшись, ответил: "Но я не должен отвечать Порции, как Гектор Андромахе":

"Занимайся своим станком, а служанкам своим дай закон".

Ибо хотя природная слабость ее тела мешает ей делать то, что под силу только мужчинам, но ум у нее столь же доблестный и столь же деятельный на благо своей страны, как и у лучших из нас".

Что касается времени и способа смерти Порции, то античные авторы не вполне согласны? Но лучше всего достоверно известно то, что представлено Шекспиром:

"БРУТ... О Кассий! Я болен многими скорбями.

КАССИЙ. - От твоей философии нет пользы, если ты отдаешься случайным бедам.

БРУТ.--Ни один человек не переносит горе лучше; Порция умерла.

Кассиус. - Ха! Порция?

БРУТ.- Она мертва.

Кассиус: - Как же я убивался, когда так тебя огорчил? О невыносимая и трогательная потеря! Из-за какой болезни?

БРУТ.-- Нетерпеливый к моему отсутствию, И горе, что юный Октавий с Марком Антонием Так окрепли, ибо со смертью ее Пришла эта весть... С ней она упала рассеянно, И, прислуга отсутствуя, огонь проглотила".

В отношениях Порции и Брута мы видим ту близкую и взаимную симпатию, лучше которой нет брака ни в один период мировой истории. Древние историки с большим удовольствием восхваляли ее характер и превозносили ее качества. Они едины во мнении, что по всем параметрам она была достойна стать супругой того, кого Антоний справедливо называл "благороднейшим римлянином из всех".

VII

РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИКЕ

В условиях беспорядка, последовавшего за смертью Цезаря, старая римская конституция утратила ту силу, которую, казалось, сохраняла при предыдущих диктаторах. Государственные должности остались прежними по названию, их по-прежнему должны были занимать люди, свободно избранные народом; но все они находились в руках власти, которой не смел сопротивляться сенат и которой народ, уставший от кровавых разборок олигархии, был готов повиноваться, лишь бы хлеб и игры были обеспечены. Этой силой была армия. Тот, кто контролировал армию, не испытывал трудностей с толкованием своих собственных политических прав. Силы империи находились в руках трех человек: Лепида, командовавшего легионами, которые в нужный момент оказались под Римом; Антония, который был кумиром народа; и молодого Октавия, который стоял на позициях своего родства с великим Цезарем. Эти люди делили между собой мир; но в конце концов Октавий, благодаря твердости своего ума, непоколебимости своей цели и размаху своих исполнительных способностей, завоевал для себя империю. За годы гражданской войны и политических потрясений, сопровождавших эти перемены, многое в римском общественном устройстве, доселе находившееся под спудом, вышло на поверхность. Это была борьба, в которой любая сила, умение или искусство, позволявшие их обладателю превосходить своих

товарищей, означали политическое преимущество. Несмотря на недостаток силы, женщины, обладая определенными навыками, свойственными их полу, и будучи особенно приспособленными к практике тех искусств, с помощью которых политические ситуации управляются из-за кулис, стали гораздо более влиятельными в государственных делах, чем раньше. Их влияние росло по мере того, как правительство сужалось от свободного сената до личности императора. Женщины всегда были влиятельны при монархическом или императорском дворе, но никогда не пользовались какими-либо заметными политическими правами в республике.

Период, который мы сейчас изучаем, богат именами женщин, которые, стоя вокруг трона Сезара, часто находили средства, чтобы способствовать или препятствовать замыслам его обитателя. Среди них мы можем выделить Ливию, но не за достоинства ее характера или умственные способности - хотя она не была лишена ни одного из этих качеств, - а потому, что благодаря своему положению августы и долгой жизни она лучше, чем кто-либо другой, представляет женщин, имевших влияние в римских государственных делах. Хотя, если бы Фульвия была жива, а Антоний был бы осмотрителен, Римом могла бы управлять женщина, и Фульвия вместо Ливии была бы тем типом, который мы должны были бы выбрать. Пока ее муж следовал за Клеопатрой в Египет, находясь в плену ее очарования, Фульвия контролировала консулов и вела войну против Октавия. Если бы эта амбициозная, волевая женщина, которая с мечом наготове руководила войсками, обладала достаточными средствами, Октавий, возможно, никогда бы не завоевал пурпур; но единственные средства, с помощью которых можно было удержать армию, были растрочены ее мужем на чудовищные экстравагантности. Потерпев поражение в своих планах из-за несогласия мужа, Фульвия заболела от досады и стыда и умерла около 39 г. до н. э.

Ливия обладала совершенно иным характером, чем тот, который преобладал у Фульвии; однако, будучи представительницей рода Клавдиев - семьи, которая, как говорит Нибур, "во все века отличалась духом надменного неповиновения, презрением к законам и железной твердостью сердца", - было бы странно, если бы Ливия не оказала своего влияния в доме Сезара, к несчастью тех, кто стоял на ее пути. Когда Ливия впервые встретила Октавия, ей было восемнадцать лет, и она была женой Тиберия Клавдия Нерона, человека, вероятно, намного старше ее. Различные аспекты гражданской войны не позволяли человеку, который превыше всего стремился к собственной безопасности, понять, какое дело следует поддержать. Невезение, казалось, подсказывало Клавдию Нерону его выбор: сначала он встал на сторону Брута и Кассия, хотя был обязан Сезару многими услугами; затем, после их поражения, он присоединился к Антонию против Августа. В результате он провел много времени, пытаясь исправить свои политические ошибки, перебегая от одного полководца к другому. Во всех этих путешествиях и приключениях его сопровождала жена, взяв с собой их маленького ребенка Тиберия, которому суждено было стать императором Рима. Временами она подвергалась большой опасности; например, в Лакедемонне, во время ночного бегства от врагов, лес, через который они проходили, загорелся, и ее волосы и одежда были опалены пламенем. Клавдию Нерону удалось добиться помилования от Октавия, и он с женой вернулся в Рим. Была ли эта милость следствием представлений, сделанных им в свою защиту, или интереса, возбужденного Ливией в уме Октавия, история нам не сообщает; но определенные выводы неизбежны, поскольку Октавий вынудил Клавдия Нерона развестись с женой, чтобы самому жениться на ней.

Для того чтобы этот брак состоялся, необходимо было дважды развестись, ведь Октавий уже был женат на Скрибонии, от которой у него была дочь Юлия, единственный ребенок, который когда-либо рождался у него. Он женился на Скрибонии из соображений политической

целесообразности. На момент брака ему было всего двадцать три года, в то время как его невеста была старше его на много лет и уже потеряла двух мужей из-за смерти. Цель этого брака заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой Либо, брата Скрибония, а через него и его зятя Секста Помпея, который был человеком с большим влиянием. Достигнув этой цели, молодой правитель оказался одновременно и защищенным в своем положении, и уставшим от брачного союза, который он заключил ради этой безопасности. Он обвинил Скрибонию в испорченности характера и несовместимости темпераментов - единственные обвинения, которые он мог предпочесть, - и послал ей письмо о разводе всего через несколько дней после рождения ребенка.

"Этим поступком, - пишет Адольф Штар, которого цитирует С. Скрибония не была бы женщиной, если бы не испытывала смертельной ненависти к этой женщине, в которой она видела грабителя своей чести, разрушителя своего счастья, ниспровергателя своих амбиций, и с помощью которой новая семья проложила себе путь на то место, которое должно было принадлежать ей, и узурпировала ее права и надежды". Как мать Юлии, единственной дочери государя, как прародительница детей и внуков Юлии, она, несмотря на разлуку, оставалась главой рода Юлиев, династии, призванной к власти. Неудивительно, что отныне она враждебно противостояла Ливии Клавдии и двум ее детям. Эта смертельная вражда между двумя семейными ветвями императорского дома отразилась более чем через два поколения в мемуарах правнучки Скрибонии, второй Агриппины, жены императора Клавдия и матери Нерона, из которых Тацит, отравленный лютой ненавистью к Ливии и ее сыну, императору Тиберию, черпал краски, которыми он изобразил и ту, и другую в своих *Анналах*".

Есть все основания полагать, что брак Октавия и Ливии был любовным. Хотя новая невеста происходила из одной из самых аристократических и могущественных семей Рима, ее родственники не занимали в то время особенно видного положения, поэтому, по-видимому, отношение триумвира к ней не было обусловлено расчетами целесообразности. Ливия обладала не только красотой, но и умом, который мог очаровать человека с характером Октавия. Она быстро поняла и оценила его разумные цели и далеко идущие достижения. Между ними существовала та симпатия, которая является неременным условием счастливого брака.

Что касается личных достоинств Ливии, Овидий уверяет нас, что она обладала чертами Венеры и манерами Юноны. Сделав небольшую поправку на лесть, вызванную положением придворного, и некоторую на вольность поэта, мы все же можем поверить, что жена первого императора была очень красивой женщиной. Сохранилось множество ее изображений. Она была первой римлянкой, чье лицо было изображено на монетах королевства; но мы не можем принять эти изображения за портреты, хотя на них и написано ее имя. Однако есть одна римская медаль, на которой Ливия изображена в преклонном возрасте; следовательно, мы можем смело считать ее подлинной. Не сохранилось ни одного изображения юной прелести, пленившей Октавия; но в Лувре есть великолепная статуя, изображающая Ливию в образе богини Цереры. В лице много характерного, а сходство с Тиберием достаточно велико, чтобы поверить, что это действительно изображение его матери. Форма и черты лица принадлежат матроне, которой на исходе тридцати лет. Фигура величественна, возможно, она сделана более величественной, чем в оригинале, по причинам, благоприятным для божества; однако она, кажется, оправдывает рассказ Овидия о манерах Августа, похожих на Юнону. Очарование юношеской красоты еще не покинуло лицо. Глаза, насколько можно судить по холодному, бесцветному мрамору, были блестящими и большими; рот с короткой верхней губой обладал силой и разнообразием выражения и,

несомненно, помогал Ливии добиваться воли Августа не только своим молчаливым красноречием, но и внятным произношением. На небольшую дугу римского носа она, конечно, могла претендовать по национальному праву.

Через три месяца после свадьбы с Октавием Ливия родила второго сына. По этому случаю Цезарь записал в своем дневнике: "Сегодня моя жена родила мне мальчика, которого я велел отправить к его отцу Нерону". Но вскоре после этого Нерон умер и в своем завещании оставил этого ребенка, которого называли Друзом, а также брата последнего Тиберия на попечение Октавия, дети были снова возвращены Ливии и воспитаны как сыновья ее императорского мужа.

Брак Ливии и Октавия, что бы ни говорили об обстоятельствах, при которых он был заключен, был счастливым. Они прожили вместе пятьдесят два года, и этот период закончился только со смертью Октавия; о ее характере как жены никогда не задумывались даже те, чью ненависть она вызывала. Посреди развращенного и роскошного общества она жила в соответствии с теми целомудренными и простыми принципами, которыми руководствовались матроны ранней Республики. Говорят, что ее муж обычно носил одежду, которая была сделана руками его жены и других женщин - членов его семьи. Хотя в доме Октавия все было по-старому, Ливия отнюдь не была таким политическим ничтожеством, как матроны древних времен. Она была послушна своему мужу и во всем подчинялась его желаниям, даже заходила так далеко - если верить Суетонию - что более чем потворствовала его блуждающим склонностям амурного характера. Ливия знала, как управлять первым человеком, который смог захватить и удержать власть в Римской империи. Ее такт и здравый смысл в сочетании с его привязанностью позволяли ей оказывать влияние на императора, которое сказывалось в самых важных государственных делах. Ее советы обычно были в интересах доброты и терпения; не раз, когда он был склонен проявлять суровость в наказании своих врагов, она склоняла его к более мягким методам. Мы знаем, что он часто обращался к ней за советом в важных политических вопросах; и есть сведения, что иногда, когда он хотел посоветоваться с ней по серьезным вопросам, он сначала записывал то, что хотел сказать, чтобы изложить свои мысли как можно яснее и правильнее.

Представление о Ливии, которое дают нам древние историки, носит двойственный и несколько противоречивый характер. Жена Августа была образцом прямоты и чести; императрица, которую Тацит показывает нам как стремящуюся воплотить в жизнь свои собственные замыслы в отношении престолонаследия, была бессердечной и беспринципной. Вот выводы, к которым пришел Меривейл, и они составляют вердикт, с которым, вероятно, согласится большинство студентов, изучающих римскую историю: "В своем втором доме она направила все свои силы на то, чтобы обеспечить себе положение, и стала, возможно, в течение короткого времени таким же искусным развратником и интриганом, как и сам Октавий. В то время как она поддерживала его в попытках обмануть римский народ, она не менее успешно занималась обманом его самого. Ее элегантные манеры, в которых она, по слухам, превосходила узкие рамки, отпущенные модой и мнением римским матронам, оказались для него не менее очаровательными, чем ее красота. Ее интеллект, несомненно, был высокого порядка; и когда ее личное обаяние не смогло околдовать его блуждающие наклонности, она довольствовалась тем влиянием, которое продолжала оказывать на его понимание, и власть, которую она приобрела над ним в первые минуты ухаживания, она сохранила без изменений и перерывов до самой его смерти."

Прежде чем перейти к истории усилий Ливии по обеспечению престолонаследия для своего сына Тиберия, давайте дополним картину, на которой она изображена, поместив в нее некоторых известных женщин, которыми она была окружена. Прежде всего, это Октавия,

сводная сестра Цезаря Августа. Об этой благородной женщине древние писатели отзываются только с самыми восторженными похвалами. Плутарх кратко описывает ее как "чудо женщины". К счастью, мы знаем о ней больше, чем выражено в этой превосходной фразе. Ее мать звали Атия, и она была на несколько лет старше Октавия. Цитированный выше историк утверждает, что она была настолько красива, что не страдала в этом отношении по сравнению со своей великой египетской соперницей, Клеопатрой; но сохранившиеся ее изображения едва ли подтверждают это утверждение. Она также не была умна, как Клеопатра; более того, у нее было мало достоинств, кроме ее отношений с могущественным Октавием, ее безупречной доброты и милой приветливости ее характера. По этой причине ее брак с Антонием оказался столь же неудачным для той цели, для которой он предназначался - отвоевать триумвира у его увлечения, - сколь и несчастливый для нее самой. То, что такая женщина, как Октавия, должна была соединиться с таким мужчиной, как Марк Антоний, не казалось древним такой трагедией, какой она представляется нам; и, вероятно, сестра Октавия с непонятной для нас беспечностью переносила знание о том, что ее муж был любовником многих женщин, причем некоторых даже самого брошенного сорта.

Некоторое время Октавия все же оказывала сдерживающее влияние на своего своенравного мужа; и хотя она не могла, как Фульвия, надеть меч и выступить с речью перед легионами, не раз благодаря своему благоразумию и здравому смыслу она оказывала Антонию материальную помощь в трудную минуту. Также кажется, что, пока жена была рядом, он мог противостоять любому порыву, который возникал в нем, чтобы отправиться в Египет. Плутарх рассказывает, что у Антония возникло недопонимание с Октавием, и они собирались противопоставить свои силы в гражданском противостоянии в Тарентуме. Однако Октавия получила от мужа разрешение посетить лагерь брата; "по дороге она встретила Цезаря с двумя его друзьями Агриппой и Мекеной и, отведя их в сторону, с настоятельными просьбами и причитаниями рассказала им, что из самой удачливой женщины на земле ей грозит стать самой несчастной; Ибо пока все взоры прикованы к ней как к жене и сестре двух великих полководцев, но если опрометчивые советы возобладают и начнется война, "я буду несчастна, - сказала она, - без всякого возмещения; ибо на чью бы сторону ни пала победа, я непременно окажусь проигравшей"." Цезарь был побежден этими уговорами и в мирном настроении отправился в Тарентум, где его принимал Антоний. "И когда, наконец, между ними было заключено соглашение... Октавия получила от своего мужа двадцать легких кораблей для своего брата, а от своего брата тысячу пеших для своего мужа. Так, расставшись добрыми друзьями, Цезарь немедленно отправился воевать с Помпеем, чтобы завоевать Сицилию", а Антоний отправился в Сирию, где вновь встретился с египетской царицей; и от этого увлечения Октавия уже никогда не смогла его завоевать.

Однако эта восхитительная женщина не переставала выполнять свою роль послушной и полезной жены. Когда ее муж вернулся из неудачной экспедиции против парфян, потеряв большую часть своих сил и все припасы, он получил послание от Октавии с вопросом, где она может его встретить. В ответ она получила императивный и бесчувственный приказ не продвигаться дальше Афин, поскольку он собирался отправиться в новую экспедицию. Раздосадованная, но прекрасно понимая, по какой причине ей не рады, она снова написала, прося сообщить, куда ей следует отправить солдат, деньги и подарки, которые она привезла для его использования.

По возвращении в Рим Цезарь, разгневанный таким обращением с сестрой, велел ей покинуть дом Антония и отказаться от дальнейших связей с ним. Она упорно отказывалась это делать. Она продолжала жить в доме мужа, пока не была вынуждена покинуть его по его же приказу. Тогда она взяла к себе детей Фульвии; а после смерти Антония она даже приняла

в свой дом дочь, которую родила ему ее египетская соперница, и римляне не могли понять, что она давала юной Клеопатре меньше материнской заботы, чем своему собственному потомству.

Судя по тому, что мы знаем о ней, ни одна эпоха не породила более прекрасного персонажа, чем Октавия. В ней были воплощены самые прекрасные качества, которые особенно прививаются принципами христианства. Доброта, долготерпение, терпение и мягкость - все это проявилось в ее жизни в такой степени, которую последующие века отказывались считать возможной при язычестве; это показывает, что мысль о том, что самые благородные качества характера не могли созреть до нынешней эпохи, является необоснованным предположением. Оно проистекает из того факта, что в имеющихся у нас рассказах о древнем мире больше говорится о проявлении и последствиях бурных страстей и человеческой испорченности, чем о чистой любви и доброжелательном терпении; но это можно объяснить хорошо проверенной аксиомой, что мирная жизнь не создает истории. Если Октавия, жившая в самом центре всех разнообразных влияний, разгоравшихся вокруг Палатинского холма, смогла сохранить чистый и благородный характер, мы можем быть уверены, что женщин, последовавших ее примеру в более скромных сферах жизни, было не так уж мало, как полагают языческие сатирики и христианские апологеты. Нет никаких сведений о том, что Октавия принимала участие в какой-либо из тех акций, с помощью которых Ливия и другие представительницы женского пола из семейства Цезарей пытались повлиять на ход политических событий. Когда все надежды на то, что Август унаследует правление по мужской линии, были потеряны, шанс на то, что сын Октавии от первого мужа станет следующим императором, стал несомненным. О ее тяжелой утрате в связи с его смертью мы поговорим позже. Поскольку женщины, о которых пойдет речь в этой главе, принадлежали к одной семье и, следовательно, жили под одной крышей, и, кроме того, в это время строительное искусство достигло в Риме своего совершенства, мы сможем лучше представить себе жизнь этих женщин, если увидим их в доме, в их особой сфере.

Примерно в то время, когда Август женился на Ливии, он построил для себя новую резиденцию. Дом Августа был возведен на Палатинском холме, и от того, что это место было выбрано для императорской резиденции, возведенные на нем великолепные строения стали называться дворцами; таким образом, для обозначения жилых домов правителей было придумано слово "дифференциация". Дворец Ливии не был большим зданием, если судить по тому, что считалось необходимым в те времена, когда богатые семьи обслуживали сотни рабов; но Ливия была замужем за человеком, который вполне допускал, чтобы другие, более низкого ранга, превосходили его в экстравагантной жизни, лишь бы он имел право решать, лучше ли для интересов государства, чтобы им вообще было позволено жить; А поскольку Августа имела определенное влияние на эти решения, она могла спокойно посещать жену Мекенаса, которая жила в доме, гораздо более роскошном, чем ее собственный. Поскольку все римские дома лучшего класса строились по одному и тому же общему плану, нетрудно в воображении, на основе имеющихся у нас сведений, воссоздать на его руинах, которые еще существуют, Дом Августа.

Портик, украшавший его снаружи, простирался по всей длине передней части дома, а возможно, и по бокам. Это была колоннада из местного травертина - некоторые из поздних обитателей императорского трона вряд ли довольствовались самым дорогим мрамором. Вестибюль представлял собой большую квартиру, которая всегда была свободно открыта для клиентов и посетителей. Надпись *Salve*, выложенная мозаикой на пороге внешней двери, выражала щедрое гостеприимство, характерное для всех римских жилищ того времени. Из вестибюля другая дверь вела в *атриум*, самую важную комнату в доме. Он был

большим и украшен со всей пышностью, которую могло гарантировать богатство владельца, и с той красотой, которую диктовал его вкус. Он был покрыт крышей, за исключением отверстия в центре, называемого *compluvium*, через которое дождевая вода попадала в цистерну в полу. В ранние времена *atrium* был общей комнатой семьи, и в нем занимались домашними делами под руководством хозяйки дома, но во времена Ливии он стал аудиенц-залом хозяина. Стены этой комнаты были украшены пейзажной живописью или облицованы прекрасным мрамором. Некоторые из картин, покрывавших стены Domus Augustana, сохранились, и в огромных пространствах, через которые они просматривались, их яркие краски, должно быть, были очень эффектны.

Из *atriума* открывался *tablinum*; здесь хранились семейные архивы, статуи, картины и другие реликвии предков. Вокруг этих больших апартаментов располагались комнаты поменьше, которые обычно использовались для размещения гостей, хотя вполне вероятно, что в состав владений Ливии входил дом, отведенный для этой цели. За описанными нами апартаментами, куда можно попасть через *фавны*, или узкие проходы, находилась настоящая внутренняя и частная часть дворца. Сначала находился перистиль. Это был большой продолговатый двор, открытый в середине до неба и окруженный колоннадой из полированных мраморных колонн. Центр площадки был заполнен кустарниками и цветами, растущими в больших ящиках с землей; красоту и уют этой очаровательной "гостиной" дополняли прохладные фонтаны, которыми так щедро был снабжен Рим. Здесь находился форум Ливии. Здесь она демонстрировала свои умственные способности и личные достоинства, которые никогда не теряли своего влияния на мужа и придавали ее титулу Августы реальное политическое значение.

Из перистиля открывался *триклиний*, или обеденный зал. Именно здесь особенно ярко проявлялась экстравагантность римлян. В "Дворце Скавра" Мазуа есть изображение *триклиния*, каждая деталь которого подтверждена античными авторитетами. Он демонстрирует роскошь и пренебрежение к расходам, с которыми наш день не имеет аналогов. Но банкетный зал дома Августа не был оборудован столь дорогостоящим образом; в нем еще сохранялось воспоминание о древней сабинской простоте.

Помимо упомянутых апартаментов, здесь были просторные залы и салоны, которые использовались для таких целей, как картинная галерея или библиотека. Спальни обычно располагались между внешними стенами дома и более важными комнатами; единственными примечательными чертами этих помещений были их малость и неудобство. В доме имелся верхний этаж, который использовался в основном для спальных помещений, и, вероятно, на этом втором этаже не было окон, выходящих на улицу. Задняя часть дома была отдана под кухню, пекарню и мельницу для помола муки. Выше всего, в прямом и одновременно похвальном смысле этого слова, был солярий. Это было восхитительное уединение на крыше, обставленное растениями, цветами и фонтанами.

Именно в такую обитель приехала Ливия и оказала свое влияние на одну из самых ярких эпох мировой истории. После отречения Антония Октавия с детьми также поселилась в Domus Augustana; там же жила и маленькая Юлия, дочь Скрибонии и Октавия.

Насколько рано Ливия начала строить планы по наследованию императорской власти своим сыном, мы не знаем; нет никакой уверенности и в степени ее вины в их осуществлении. Скорее всего, надежда на то, что она сможет родить Августу сына, который будет иметь неоспоримые права на наследство, позволила ей поначалу благодушно смотреть на уже имеющихся предполагаемых, но более отдаленных преемников. Время шло, и ее ожидания не оправдывались. Ее сыновья, Тиберий и Друз, росли, и оба проявляли те качества, которые

показывали, что они достойны взять бразды правления в свои руки. Привычка оказывать влияние на государственные дела благодаря доверию, оказанному ей мужем, делала перспективу отказа от этой власти в случае смерти Августа все более невыносимой; но женщина, которую называли "женщиной-Улиссом", скорее всего, одержит победу.

Юлия, хотя и была единственным ребенком, рожденным в пурпуре, не могла унаследовать императорский скипетр, будучи женщиной. Но у Октавии был сын от первого брака по имени Марцелл, которого Август особенно любил. Когда ему было всего семнадцать лет, за него выдали замуж четырнадцатилетнюю Юлию, и таким образом надеялись, что престолонаследие будет продолжено через союз дочери и племянника императора. Эти надежды были обречены на разочарование, так как Марцелл умер вскоре после свадьбы. Один из историков, Дион Кассий, сообщает, что ходили слухи о том, что Ливия виновна в смерти мужа Юлии, так как ревновала, потому что Сезар оказывал ему милости, в которых было отказано ее собственным сыновьям; однако, рассказывая об этом, историк утверждает, что это было беспочвенное обвинение. Однако мы имеем сведения, подтвержденные таким надежным свидетелем, как Сенека, о том, что Октавия, пережив эту печальную утрату, в кои-то веки оказалась недостойной самой себя. Он говорит, что "она возненавидела всех матерей, и гневная страсть ее печали была направлена главным образом против Ливии, потому что теперь надежды и перспективы, принадлежавшие ее собственному сыну, перешли к сыну Ливии". Такая беспричинная скорбь этой благородной в других отношениях женщины была признаком обычной человеческой слабости; но она не представляет собой столь приятной картины, как та памятная сцена, в которой Вергилий по приказу Августа читает перед Октавией шестую книгу своей "Энеиды", в которой он поминает Марцелла. Убитая горем и удрученная Октавия, вероятно, не обратила особого внимания на начальные строки; но ее интерес пробудился, когда поэт перешел к описанию посещения Энеем подземного мира, где обитали самые дорогие ей люди и куда, как она знала, она сама стремительно стремилась. Когда она слышала строки.

"Эта юность, блаженное виденье дня,

Только покажется на земле, а потом уйдет".

она была поражена описанием собственного сына и, спрятав лицо, разрыдалась; а когда поэт произнес слова "*Tu Marcellus eris*", которые он благоразумно придержал до конца отрывка, она не смогла больше терпеть и упала в обморок от сильного волнения. Информация о том, что она приказала вручить Вергилию десять тысяч сестерций за каждую строчку отрывка, касающегося ее сына, интересна, но не добавляет особой красоты этой сцене. Вскоре после этого произошла ее смерть. Август распорядился, чтобы некоторые общественные здания, которые он в это время возводил, были посвящены его сестре.

Теперь, когда Юлия была замужем, она в некоторой степени освободилась от той суровой дисциплины, в которой Август считал необходимым воспитывать девочек своей семьи. Ее воспитание было очень строгим. Она даже была вынуждена, в то время как другие девушки гораздо более низкого происхождения совершенствовались в более модных достижениях, помогать своей тете и мачехе прясть шерсть для одежды отца. Ей было отказано в свободном общении с молодыми людьми ее возраста. Однажды Август написал одному молодому дворянину: "Вы не проявили должного уважения, нанеся визит моей дочери в Байе". Но природная склонность, которая всегда сильнее дисциплины в определении направления нравственной карьеры, вела Юлию к дурным поступкам. Однако на протяжении многих лет отец не видел в ее поведении ничего менее невинного, чем остроумие и веселость духа,

которые он легко потворствовал. Она хорошо знала, как переломить мягкие упреки любящего родителя. Однажды, увидев ее на публичной выставке в окружении молодых модников города и заметив, что она не сохраняет того достоинства в поведении, которое, по его мнению, приличествует дочери императора, Август написал ей письмо, в котором выразил свое неудовольствие и привел в пример Ливию, которая поощряла в своем обществе только "серьезных и почтенных синьоров". У Юлии был готов ответ; вот что было написано на дощечке и отправлено отцу: "Эти молодые люди тоже превратятся в стариков к тому времени, когда я стану старухой". Однажды, уже в более поздний период ее жизни, отец застал раба за выщипыванием седых волос на голове дочери. При его появлении эта операция внезапно прекратилась, а он притворился, что не заметил этого. Затем он резко спросил: "Джулия, какой бы ты предпочла быть - седой или лысой?" "Конечно, отец, седой". "Ты маленькая лгуныя, - ответил Август, - смотри сюда", - и он поднял несколько седых волос, упавших на ее халат.

Вскоре после смерти Марцелла Юлия снова вышла замуж, на этот раз за великого воина Агриппу, верного друга ее отца. Этот брак также носил ярко выраженный политический характер. Юлии было восемнадцать, Агриппе - сорок два, а на момент обручения он уже был женат на Марцелле, дочери Октавии. Обычный развод разорвал эти узы, и Марцелла была отдана за Антония, сына триумвира. И Октавия, и Скрибония были заинтересованы в этом брачном переделе. Вероятно, они понимали, что Юлия нуждается в таком строгом воспитателе, как Агриппа, чтобы не дать сомнительным наклонностям ее характера обрести слишком большую свободу. Вероятно, они также надеялись, что этот союз приведет к появлению наследников, которые расстроят ожидания Ливии и ее сыновей. Но на разыгранный ими шах Ливия в свое время ответила решительным матом. У Юлии и Агриппы родились три сына и одна дочь, названные соответственно Луций, Каий, Агриппа Постум и Юлия. Тацит так описывает развязку: "Август принял Луция и Кая в семью Сезария; и хотя они еще не отбросили грубую одежду, его честолюбие было сильно, чтобы увидеть их провозглашенными принцами римской молодежи и даже упомянутыми для консульства; в то же время он отказался от этих почестей для них. После смерти Агриппы они прервали свое существование, либо в результате преждевременной, но естественной смерти, либо по вине мачехи Ливии: Луций - во время поездки в Испанию, Каий - по возвращении из Армении, больной от раны. А поскольку Друз уже давно умер, Тиберий Нерон остался единственным выжившим пасынком. На него свалились все почести, он был усыновлен Августом как его сын и соратник по империи... и произошло это не по тайным махинациям его матери, как раньше, а по ее открытому искушению. Ибо над Августом, уже престарелым, она получила такую абсолютную власть, что изгнала его единственного оставшегося в живых внука, Агриппу Постума, человека с клоунской жестокостью, с огромной телесной силой, но не осужденного ни за одно ужасное преступление".

К этому времени Юлия уже выработала свое собственное осуждение. Рассказы о ее вопиющих проступках, которые на протяжении многих лет были частью общих сплетен в банях и на портиках города, наконец достигли ушей ее отца. Он старался не верить им. С нежностью глядя на свое единственное дитя, он сказал: "Так же, как она, я уверен, должна была выглядеть Клодия, о которой наши предки рассказывали, что ее оклеветали. Но она доказала свою невиновность". Те, кому он это говорил, слушали с почтением, но за его спиной усмехались. После смерти Агриппы Юлия заключила еще один политический брак. Тиберий был вынужден отдать свою жену, Випсанию, дочь Агриппы, которую он очень любил, - она была, пожалуй, единственным человеком, к которому этот угрюмый мужчина испытывал настоящую привязанность, - и был вынужден, вопреки своей воле, заменить ее вдовой Агриппы. Тиберий знал Юлию так, как не знал ее отец, и, вместо того чтобы жить с

ней, он отправился в добровольное изгнание на Родос. Тем самым он, казалось, разрушил все планы матери по его продвижению по службе, но она со смертельным упорством решила, что в семье Цезаря не должно быть другого кандидата на императорский пост, который вскоре должен был освободиться. Есть некоторый намек на то, что злодеяния Юлии стали известны благодаря раскрытию заговора, в котором Ливия не принимала участия, чтобы сократить дни императора; но нет никаких доказательств, да и не кажется вероятным, что Юлия была заговорщицей против жизни своего отца. Скорее всего, она была орудием других. Однако Август был вынужден начать расследование, которое открыло ему всю порочность поведения его дочери; ее сослали на остров в Неаполитанском заливе и строго охраняли там до самой смерти.

Случай с Юлией не дает повода для жалости, разве что к седовласому старцу, потерявшему в результате смерти всех тех, на кого он возлагал честолобивые надежды относительно будущего своего дома. Не осталось никого, кроме Ливии - вероятно, сам Август ни на минуту не подозревал, что причиной его несчастий была жена, - Тиберия, которого он никогда не любил, и этой женщины, которой он желал смерти в младенчестве. И все же симпатия к Августу исчезает, если вспомнить, что, несмотря на его суровое требование целомудрия к женщинам своей семьи и всех знатных родов, его собственное поведение, если Суетоний сообщает правду, было не лучше, чем у его дочери. Но осуждать распущенность в своих женщинах и самим практиковать ее не казалось мужчинам Рима ни нелогичным, ни непоследовательным.

Юлия отражала преобладающие социальные условия своего времени. Распущенность, как раковая опухоль, разъедала сердце римского общества, и это должно было стать еще хуже. Следует также признать, что женское вырождение шло в ногу с ростом влияния женщины в политическом мире. Ливия и Агриппина Старшая были исключениями; но правилом было и остается во всей истории, что активность женщин в государственных делах сопровождалась обилием меркантильных любовных интриг. Примечательно, что в истории римской женщины - и, возможно, это утверждение можно применить гораздо шире - нет ни одного случая, когда какая-либо отдельная женщина целенаправленно помогла бы принять закон для общественного блага. Цель женской политики всегда заключалась в продвижении личных интересов женщины-политика или фаворита мужчины. При этом женщины никогда не могли иметь фаворитов за пределами своей семьи с безопасностью для своей чести. Когда женщины добивались высоких почестей от мужчин или для мужчин, их личное обаяние всегда было их главным аргументом, а незаконная любовь - главным стимулом.

Одно из самых радикальных изменений, внесенных в римскую конституцию в начале ее существования, было вызвано разгоряченным женским тщеславием. У Фабия Амбуста, человека влиятельного и известного в древней республике, было две дочери. Одна из них была выдана замуж за патриция по имени Сульпиций, а другая - за Столо, плебейского трибуна. Эта должность была самой высокой, на которую в то время мог законно претендовать человек плебейского происхождения. Однажды жена Столо, находясь в доме своей сестры, была напугана стуком посоха ликтора в дверь - способ объявления, к которому плебейские уши не привыкли. Посмеявшись над Сульпицией, она в гневе отправилась к себе домой, и отныне ни Фабий Амбуст, ни Столо не могли избавиться от ее жалоб, пока не добились от сената согласия на передачу магистратуры плебеям, вследствие чего ее мужа также мог сопровождать ликтор с топором и жезлом. Эта история важна тем, что она иллюстрирует большую часть интереса римской женщины к политике.

Ливия теперь была единственной влиятельной женщиной в императорском дворце. Скрибония добровольно отправилась с дочерью в изгнание, а дочь Юлии, унаследовавшая и

имя матери, и ее недостатки, была изгнана из города. Теперь Ливии не составило труда добиться принятия Тиберия Августом в качестве своего сына и наследника. Это, однако, не прошло бесследно для римлян, которые, как говорит Тацит, боялись оказаться в рабстве у женщины "с неуправляемым духом, свойственным ее полу".

Девятнадцатого августа 14 года н. э. Ливия и близкие друзья Августа собрались у смертного одра императора. "Скажите мне, - сказал великий император, - хорошо ли я сыграл свою роль?" Потомки никогда не задавались вопросом о характере и правдивости их ответа. Затем он сказал: "Пусть все аплодируют и хлопают в ладоши". Его последними словами, которые проливают больше света на характер этой великой женщины, чем все хорошее и плохое, что о ней сказано, были: "Ливия, помни о нашем союзе, а теперь прощай".

Августа послала срочных гонцов, чтобы отозвать сына, и приказала держать народ в неведении об истинном положении ее мужа до тех пор, пока не будет объявлено одновременно о его смерти и о престолонаследии Тиберия. Но, несмотря на то что она так упорно и, если историки правы, так бессовестно добивалась воцарения своего сына, со смертью Августа власть Ливии также подошла к концу. Тиберий был нетерпим к любому вмешательству женщины, даже своей матери. Ее сделали жрицей обожествленного Августа, но Тиберий заявил, что государственные почести женщинам следует оказывать крайне умеренно, и не позволил назначить ей ликтора для службы. Тем не менее, следуя своей собственной моде, он относился к ней с величайшим уважением до самой ее смерти; он всегда позволял ее политическим советам иметь значительный вес в его решениях, прекрасно понимая, что никто другой не будет так ревностно охранять его интересы.

Есть один инцидент, который делает честь Тиберию, чья пострадавшая репутация нуждается во всем, что можно сказать в его пользу, и который стоит отметить, потому что он не только иллюстрирует его манеру поведения с властной Августой, но и указывает на то, для каких целей использовалась политическая власть влиятельных женщин. Ливия, полагаясь на свое положение, потребовала наказать Пизона за то, что он оскорбил ее, подав иск к Ургуланию, одному из ее фаворитов, о выплате денег, которые ему явно причитались. Тиберий отказался от столь несправедливой просьбы, но дал матери понять, что не кто иной, как он сам, будет отстаивать ее интересы перед судьями. Он выполнил свое слово, так долго задерживаясь на пути к суду, что к тому времени, когда он добрался до него, судьи уже присудили истцу его право, так что императрица не нашла иного способа спасти своего друга, кроме как выплатить деньги самой.

В старости Ливия была озлоблена сама и еще больше опорочена многими своими современниками новым витком старой вражды, которая так долго разделяла императорскую семью. Агриппина, дочь Юлии и Агриппы, была выдана замуж за Германика, сына Антонии и старшего Друза. Супружеская жизнь этих двоих стала примером почти идеального супружеского союза. Германик был храбрым и умелым солдатом и человеком, чей моральный облик намного превосходил стандарты своего времени. Агриппина была женщиной, чья чистота жизни была достойна принципов, которыми руководствовались матроны древней республики, но чей нрав не позволял ей отказаться ни от одной привилегии, которая была открыта для женщин нового времени и оправдана ее положением.

Обида Ливии на Агриппину, похоже, была продолжением старых разногласий между Клавдианской и Юлианской ветвями правящего дома. Каждая из этих женщин имела своих приверженцев, которые своими махинациями и упреками делали мир совершенно чужим в

императорском дворце. Ливия, однако, имела тройное преимущество перед Агриппиной: последняя по своей природе не могла замышлять против врага ничего дурного - а в поведении первой дамы история не обнаружила никаких следов; Августу в ее неприязни сильно поддерживал император Тиберий, а Агриппина большую часть времени находилась вдали от Рима. Она предпочитала сопровождать мужа даже в самых опасных походах. Однажды, когда их жизням угрожали взбунтовавшиеся легионы и он убеждал ее удалиться в более безопасные места, она гордо ответила, что, будучи внучкой обожествленного Августа, она не настолько вырождается, чтобы уклоняться от опасности.

До какой степени дошла эта вражда между двумя дамами, определить сложно. Некоторые историки утверждают, что она привела к тому, что на счету Ливии появилось еще одно ужасное преступление. Германик умер в Селевкии на тридцать четвертом году жизни от какой-то загадочной болезни, и многие сразу же зашептались, что Ливия стала причиной его смерти от отравления. Но доказательств этому нет, а тщательное изучение известных фактов заставляет предположить, что это неправдоподобно. Для такого поступка не было никаких мотивов, кроме того, что муж Агриппины пользовался огромной популярностью в армии и народе, но это компенсировалось его несомненной и восторженной преданностью Тиберию. Факты, насколько они сейчас известны, таковы: Пизон, который был проконсулом Сирии, был подстрекаем своей женой Планциной к неуважительным и враждебным действиям против Германика и Агриппины. Эта женщина, обладавшая чрезвычайно мужественным темпераментом, о чем свидетельствует, в частности, ее привычка принимать участие в учениях кавалерии, была очень любима Ливией и пользовалась ее самым близким доверием. Говорят, что Планцина держала при себе женщину по имени Мартина, которая имела дурную репутацию как специалист по использованию ядовитых снадобий, но о существовании которой ничего больше не известно, кроме того немногого, что рассказывают в этой связи: Германик на смертном одре заявил, что его карьера была прервана темными уловками женщины. Известие о его смерти не вызвало у Ливии такой скорби, как у населения; этот факт способствовал укреплению подозрений в умах последних. Но все это ничего не доказывает, даже если Пизон, отчаявшись в оправдании, покончил с собой во время суда, написав письмо с протестом против своей невиновности. Тот факт, что Планцина находился под защитой Ливии, также не является доказательством того, что престарелая и всеми ненавидимая императрица была виновна в подстрекательстве к преступлению, если таковое имело место.

Агриппина, после того как тело ее мужа было сожжено на погребальном костре, отправилась с его прахом в глубь зимы в Рим. В каждом порту, где останавливался флот, ее встречали печальной, но внушительной овацией. Все друзья ее мужа собрались в Брундизии, где она должна была сойти на берег; но они не могли прийти к согласию, следует ли принимать ее в почтительном молчании или более демонстративно выражать свое сочувствие. Тацит так описывает эту волнующую сцену: "Еще ничего не было решено, когда медленно подошел флот, не запряженный энергично, но одетый в знаки печали. Когда же вдова сошла с корабля, неся в руках погребальную урну, в сопровождении двух младенцев и не отрывая глаз от земли, у всех собравшихся вырвался один общий стон". Ни Тиберий, ни Ливия, ни Антония, мать Германика, не присутствовали на похоронах. Тацит приводит предполагаемые причины, но не решает, какая из них была ближе к истине. "Тиберий и Ливия либо считали публичные причитания ниже своего достоинства, либо опасались, что если народ заглянет им в лицо, то обнаружится их лицемерие. Болезнь ли задержала Антонию, или чрезмерная печаль и неспособность пройти через церемонию, неизвестно. Я скорее полагаю, что ее задержали Тиберий и Ливия, которые не покидали дворец, чтобы казаться скорбящими наедине".

Умиравший муж увещевал Агриппину, "чтобы она берегла память о нем и ради их детей, избавиться от своего непреклонного духа и смириться перед Фортуной в бурю ее неудовольствия; а по возвращении в город не раздражать в борьбе за власть тех, кто был ей более чем конкурентом". Такой совет, данный римской матроне, показался бы ненужным мужчинам старого режима; но теперь в Риме был трон, и, следовательно, женщины толкались друг с другом за место власти за ним.

Агриппина нуждалась именно в таком совете, но ее природа не позволяла ей воспользоваться им. Безупречная в жизни, ее добродетели не были украшены божественным даром хорошего настроения, и она не обладала философией. Ее ум принадлежал к тому типу, который чаще встречается у женщин, чем у мужчин, и в котором идея, возникшая однажды, отныне остается неприступной и не поддается проверке разумом. В человеческом знании нет ничего более раздражающего, чем этот тип ума, и не стоит удивляться, что она раздражала Тиберия. Эти двое раздражали друг друга при каждой встрече: император - своими жестокими преследованиями друзей Агриппины, а она - своим мученическим видом и явным и постоянным подозрением, что он замышляет какой-то гнусный проект против нее самой.

В то время не было честолюбцев, готовых собраться вокруг знатной вдовы под предлогом поддержки ее жалоб на императора; они даже пытались создать партию в интересах ее детей. Вероятно, она в какой-то степени поддалась на эти уговоры, но не настолько, чтобы навлечь на себя жестокость подозрительного и обиженного Тиберия. Тем не менее, все ее сыновья погибли, кроме Калигулы, которого недоброжелательная к римскому народу судьба уберегла от участи его братьев.

Сеянус, всесильный фаворит императора, умело разжигал постоянно тлеющую вражду, которая естественным образом существовала между Тиберием и Агриппиной. Он предупредил ее, чтобы она остерегалась яда, после того как сообщил Тиберию, что матрона подозревает, что император имеет планы на ее жизнь. Поэтому, когда император вежливо протянул ей фрукты, обратив ее внимание на их превосходство, она молча передала их рабам. "Могу ли я избежать, - воскликнул он, обращаясь к Ливии, - грубого обращения с этой женщиной, когда она в лицо обвиняет меня в стремлении отравить ее?"

Фаворит Сеянус стремился устранить всех наследников императорского трона, чтобы после смерти Тиберия править именем, как он уже делал это на самом деле. Для достижения этой цели он сначала соблазнил Ливиллу, жену сына Друза Тиберия; затем с ее помощью добился смерти Друза и предложил Ливилле выйти за него замуж. Император отказался. В конце концов - правда, только после того, как сыновья Агриппины были уничтожены, - Антония, мать Ливиллы, была вынуждена написать Тиберию о заговоре Сеяна, и с ее помощью он был привлечен к ответственности. Ливилла была уморена голодом по приказу матери.

Ливия, похоже, всегда была послушной и покорной женой. Она пользовалась доверием своего мужа. Она была в курсе его самых сокровенных политических проектов, и у нее спрашивали совета по этому поводу. Но нет никаких признаков того, что она когда-либо пыталась диктовать. Однако с Тиберием все было иначе. Считала ли Ливия, что прерогатива матери более величественна, чем прерогатива жены, или же она могла претендовать на большую долю власти из-за того, что обеспечила ее Тиберию, но несомненно, что последний обнаружил, что в императорском дворце не хватает места для него и Августы. Суэтоний сообщает, что однажды, когда Тиберий надменно возражал против того, чтобы его мать поделила с ним правление, Ливия предъявила несколько писем, которые Август написал ей, жалуясь на гордость и высокомерие Тиберия. Открытие того, что его мать столько лет

хранила эти письма против него, настолько ранило императора, что он немедленно покинул город и больше никогда не видел свою мать, за исключением нескольких часов в одном случае.

Говорят, что в последние дни своей жизни, когда надеяться было уже не на что и делать было нечего, Ливия пыталась защитить Агриппину от махинаций Сеяна и ненависти Тиберия. В течение двадцати лет она делала кое-что, чтобы облегчить тяготы изгнания своей невестки Юлии, но никогда не добивалась ее отзыва. Тацит говорит, что, тайно свергнув своих пасынков в их благополучии, она имела обыкновение открыто проявлять к ним сострадание в их несчастьях.

Ливия Августа умерла в 29 году н. э. в возрасте восьмидесяти пяти лет. По мнению историков, она была мачехой для римского содружества, и это, пожалуй, лучше всего выражает ее политику, чем любой другой термин, который можно использовать. Верная жена, нежная мать, она неустанно следила за устранением всех препятствий на пути Тиберия. Ради сына она делала и терпела все; ради народа она не делала ничего. Ее мощное влияние во все времена направлялось ее эмоциями; и если бы мы довели исследование до конца империи, рассмотрев всех супругов и соратниц императоров, это все равно было бы кратким изложением истории римской женщины в политике.

Тиберий не разрешил апофеоз Ливии, но после его смерти ее памяти были возданы самые высокие почести, какие только мог придумать суеверный народ. Клавдий добился ее обожествления, а поклонение Ливии стало одной из функций весталок. Идеализированная статуя Ливии была установлена в храме Августа. На медалях оттиснули изображение ее головы, а женщинам Рима было приказано при случае произносить клятву: "Ливией".

В целом римский народ, который понимал характер Ливии лучше, чем это возможно для нас в наши дни, оценивал ее очень благосклонно. Ее добродетели, супружеские и домашние, всегда пользовались всеобщим уважением, хотя и не были общепринятыми. Ее гордость и жестокие пороки с готовностью принимались, поскольку считались необходимыми для политики правителей. Ее муж был успешным государственным деятелем; он сохранил свое положение на троне и многого добился в интересах империи. Ливия была успешным политиком; она поддерживала в народе веру в свое превосходство, но не преследовала никаких интересов, кроме своих и своего сына.

Вскоре после смерти Ливии Агриппина была изгнана на остров Пандатария, где ее мать Юлия провела столько лет в раскаянии. Видимо, ее непоколебимый дух не позволил ей без борьбы подчиниться этой тирании, и солдаты так жестоко исполняли приказ императора над той, кого когда-то называли "Матерью лагерей", что она потеряла зрение одного из глаз. После четырех лет жалкого изгнания она закончила свою жизнь в "высокой римской манере", добровольно уморив себя голодом.

В Капитолийском музее находится сидящая фигура Агриппины. Это одно из самых благородных произведений скульптуры в мире. В ней нет той женственной сладости, которая влекла молодую жену Германика к сердцам римских легионов; но есть то гордое сознание нравственного достоинства, с которым не могла соперничать Ливия, и та императорская манера, которой не мог подивиться Тиберий. Это грустная, сильная сердцем женщина. Можно представить, что из всех самых благородных римских матрон можно было бы сделать именно такую картину. Или это может быть богиня Рома, в олицетворении которой заложена женственность ее дочерей и суровость сыновей.

В дочери Германика мы имеем другую Агриппину, которая была гораздо более ловким политиком, чем ее мать. Она была более проницательной, чем Ливия, и более беспринципной, а по положению ей не было равных, ведь она была дочерью Тиберия по усыновлению, матерью Нерона, сестрой Калигулы и женой Клавдия. Последнее обстоятельство давало ей гораздо более эффективное положение, чем Ливии, - во-первых, из-за неспособности Клавдия, а во-вторых, потому что римляне позволили себе еще больше отойти от старых республиканских идей. Далее мы изучим характер Агриппины и будем вынуждены отнести ее к тем печально известным женщинам, которые помогли сделать Неронову эпоху самым коррумпированным периодом в мировой истории. Здесь мы вкратце остановимся на ее политических амбициях. Она управляла императором, добиваясь легкими уговорами назначения или увольнения самых важных государственных чиновников. Она основала колонии от своего имени. Ее также не устраивало оставаться просто властью, стоящей за тронном. Когда британский король Карактак был доставлен в плен в Рим и за свою храбрость отвоевал у императора жену и братьев, пленники воздали почести не только Клавдию, но и Агриппине. Императрица заняла второй трон и получила равную долю благодарности пленников и восторгов народа. Как отмечает Тацит, перед нами предстало зрелище, странное и недопустимое по всем прежним обычаям. Никогда прежде женщина не стояла во главе римского войска. Агриппина смело заявила о себе как о соучастнице империи, которую ее предки отвоевали у древних республиканцев.

У Агриппины Второй, как и у Ливии, все политические устремления были сосредоточены на одной цели - возведении ее собственного сына на императорский престол, и вся деятельность ее энергичной, изобретательной натуры была направлена на прокладывание пути к продвижению Нерона. Горе постигло тех, кто стоял на этом пути или мог в любой момент воспрепятствовать этому продвижению. Их безжалостно уничтожали в той неумолимой манере, на которую способна только честолюбивая женщина. Не было ни общественных дел, ни широты взглядов, ни мыслей об общем благе: единственным мотивом римской женщины в политике было личное обогащение.

VIII

РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА В ЛИТЕРАТУРЕ

В Древнем Риме была улица Аргилет, которая, как мы узнаем от Марциала, была занята в основном книготорговцами. Здесь те произведения, которые ценятся не только за свою древность, но и за другие, возможно, столь же хорошие, но исчезнувшие в результате несчастий многих веков, покупались свежими из рук авторов и продавались жадным любителям литературы. Сюда, когда появлялось новое произведение Вергилия или Горация, стекалась читающая публика, побуждаемая самой похвальной формой любопытства, известной культурному человеческому уму. Здесь сотни переписчиков занимались размножением копий тех классиков, над которыми в последующие времена трудились десятки поколений молодых студентов, с глубоким сожалением отмечая, что эти классики не были написаны на их родном языке. Эти магазины, или *библиотеки*, были местом отдыха знаменитых людей, создавших эту литературу, и тех, кто оказал добрую услугу потомкам,

став покровителем гениев своего века, которые в противном случае были бы так же бедны и бесплодны, как и заброшенные авторы наших дней. Мужчины и женщины, получившие древнего автора от имени поэта, имеют право на вознаграждение поэта. В лавках Секунда и братьев Сосиев собирались литераторы Рима и их поклонники, чтобы предаться самому увлекательному из всех видов общения - разговорам о книгах.

Хотя, вероятно, присутствие женщин не было столь заметным и частым в этих местах обитания культурной братии, как в книжных магазинах и издательствах современности, это не означает, что римские дамы не проявляли глубокого и влиятельного интереса к литературе. Разве не Август посвятил публичную библиотеку имени своей сестры Октавии? Читающая публика в римском мире была настолько велика, что кажется нам не менее чем удивительной, учитывая отсутствие печатного станка; но рабов, которых можно было приучить к копированию, было много, и если дама хотела получить копию стихов Проперция или Катуллы, она могла приобрести ее за небольшую сумму на улице Аргилет, или одолжить у друга и переписать дома.

Большое внимание уделялось обучению девочек греческой и латинской литературе. Даже те, кто принадлежал к более бедному классу, получали это образование; ведь такие успехи, особенно если им способствовала личная привлекательность, часто могли заменить богатое приданое, чтобы обеспечить желанную пару. Не редки были и женщины, которые, подобно Семпронии, умели писать стихи достаточного достоинства, чтобы о них упоминали серьезные историки своего времени, хотя, к сожалению, их произведения до нас не дошли. Моммзен, комментируя поток литературы, характерный для периода зарождения империи, уверяет, что "женский мир также принимал живое участие в этих литературных занятиях; дамы не ограничивались танцами и музыкой, но своим духом и остроумием управляли беседой и прекрасно говорили о греческой и латинской литературе; и когда поэзия осаждала девичье сердце, осажденная крепость не редко сдавалась также в изящных стихах. Ритм становился все более и более модной игрушкой больших детей обоих полов".

Если удастся доказать, что закон "выживания сильнейших" действует с какой-либо степенью неизбежности в сохранении книг, мы будем вынуждены заключить, что немногие из сочинений, обязанных своим существованием авторам-дамам Древнего Рима, отличались особыми достоинствами. Трудно даже потакать естественному желанию быть галантным, полагая, что случайности времени могут объяснить потерю многого, что было достойно сохранения; ведь число женщин-писательниц, которые упоминаются в современных работах как достигшие какой-либо степени совершенства в авторстве, удивительно ограничено. Однако некоторые из них все же есть. Плиний говорит: "Помпей Сатурнин недавно прочитал мне несколько писем, которые, по его словам, были от его жены. Мне показалось, что я слушаю Плавта или Теренция в прозе. Независимо от того, принадлежат ли они его жене, как он утверждает, или ему самому, как он отрицает, он имеет право на равные заслуги: в одном случае - за создание таких сочинений; в другом - за превращение своей жены, еще девчонки, когда он женился на ней, в такую ученую и законченную женщину". Марциал также рассказывает о молодой женщине, которая, по его словам, обладала красноречием Платона, строгостью Порха и сочиняла стихи, достойные целомудренной Сапфо. Сидоний Аполлинарий приводит список латинских поэтесс, но из всех них есть только одна, чьи произведения можно читать в настоящее время. Мы не имеем в виду Бальбиллу, которая мудро выгравировала свои стихи, а также свою генеалогию на ноге статуи Мемнона; тот факт, что они сохранились, объясняется исключительно долговечностью носителя, на котором они были написаны.

Сульпиция, единственная римская поэтесса, чьи произведения сохранились до наших дней и имеют достоверные свидетельства, жила во времена императора Домициана. Она происходила из известной патрицианской семьи, многие члены которой в свое время были видными деятелями. Она была большим и уважаемым другом поэта Марциала, двум эпиграммам которого, посвященным ей и ее мужу, мы обязаны почти всем, что знаем об этой талантливой женщине. Ее мужа звали Каленус, с ним она прожила пятнадцать лет в счастливой взаимной супружеской привязанности, которая, несмотря на вырождение эпохи, кажется идеальной. Марциал свидетельствует не только о ее непревзойденных способностях как поклонницы поэтической музыки, но и о том, что в своей жизни и характере она являла собой пример чистоты, которая могла бы украсить любой век и любое общество.

Известно только одно стихотворение, написанное Сульпицией; оно было вызвано актом тирании, который она обличала с такой же красотой, как и духом. Во время правления Домициана философы были изгнаны из Рима по указу императора. Те, против кого была направлена эта мера, принадлежали к стоической школе; этот факт помогает объяснить причину их изгнания, а также поэму, которую Сульпиция написала по этому случаю. Их догматы прививали независимость мышления и поведения, что полностью противоречило тому раболепию, которое могло позволить народу спокойно жить под деспотией такого правителя, каким был Домициан. Философы считались, и, вероятно, справедливо, угрозой для правительства тирана. Была ли Сульпиция непосредственно связана с этими людьми и была ли она включена в эдикт об изгнании, мы не знаем; в любом случае совершенно ясно, что ее симпатии были полностью на стороне изгнанных философов. В ее сатире на этот инцидент выражается сожаление по поводу слабости, которая, очевидно, постигла римскую расу и заставила людей так легко подчиниться тирании, которой подверглись ее друзья. Она спрашивает, собирается ли "Отец богов" позволить римлянам вернуться к первобытному варварству, "снова опуститься до желудей и чистого ручья"; или же он оставил их на попечение других народов. Она заявляет, что "только невзгоды полезны для государства", "ибо когда любовь к родине побуждает их защищаться оружием и возвращать себе жен, взятых в плен вместе с домашними богами, они объединяются, как осы при нападении на их дом и цитадель". Затем она умоляет свою божественную покровительницу, чтобы хотя бы ее муж не отказался от этой бесславной легкости и покинул Рим и его окрестности, поскольку все хорошее и достойное было изгнано из него. Поэма представляет собой благородное, высокодуховное произведение; она доказывает, что Сульпиция была женщиной необычайного ума и бесстрашной выразительницей принципов и идей, которые большинство мужчин в ее время сочли более удобным забыть.

Сульпиция также была автором поэмы о супружеской привязанности, которую высоко оценил Марциал; но, к сожалению, она была утеряна. И действительно, из упоминания в начале сатиры о ее "тысяче спортивных излияний" следует, что она была плодовитой писательницей и что вся ее поэзия не была философской или дидактической.

На этом кратком упоминании о Сульпиции наш рассказ о творческом участии женщин в римской литературе должен закончиться за неимением материала. Реальную роль, которую женщины римского мира сыграли в формировании литературы своего времени, следует искать скорее в том представлении, которое авторы дают об их характере и вдохновении, которое поэты черпали в их любви и дружбе. Иными словами, мы встречаем римскую женщину в поэтическом творчестве ее народа как модель, а также как мотив, но не как художника. Но очень важно, чтобы мы уделили внимание обоим этим фазам женской жизни. До сих пор мы имели дело только с историческими личностями, причем высшего класса; чтобы получить полное представление о римской женщине, необходимо увидеть ее в том

более широком свете, в котором ее рисуют создатели других литератур, кроме исторической. И чтобы наше внимание не ограничивалось женщинами одного класса, мы должны обратить внимание на тех дам, о которых поют поэты и которым они адресуют свои излияния.

Сначала рассмотрим женщину, нарисованную римским творческим искусством. В ее образе, запечатленном в литературе, мы видим реальную личность из плоти и крови, какой она представлялась литературным художникам. Вергилий говорит: "Женщина - существо непостоянное и вечно изменчивое"; и все же он наверняка находил в женщинах своего времени те качества, которыми наделил царицу Дидо. Она - римлянка, потому что создана римлянином. Она - идеальная царица, которая управляет своим царством так же, как благородная матрона руководит домашним хозяйством, "отправляя правосудие и законы своим подданным" из средней комнаты, или атриума, храма, и "поровну распределяя их задачи или решая их по жребию". Кроме того, она - настоящая женщина. Она - единственный вклад римской поэзии в ту галерею вымышленных мужчин и женщин, которые, существуя только в литературе, бессмертны, потому что точно отражают реальность. В Дидо Вергилий, хотя и называет ее сидонянкой, показывает, как женщина языческого Рима могла любить; и как, если ее сердце было разбито, а гордость уязвлена отказом, она могла умереть в высокодуховной манере, свойственной ее горделивой расе.

Но во всей латинской поэзии нет другого такого персонажа, как Дидо. Обращаясь к Плавту и Теренцию, мы узнаем много нового о женщинах, но не встречаем ни одной, которая бы жила, двигалась и имела бы существо. Эти авторы не ставили свои сцены в домах патрициев или в креслах сильных мира сего; они показывают нам класс женщин, который мы до сих пор не встречали. Изучив высших, мы переходим к низшему слою римского общества. Мы знакомимся с классом людей, торгующих женской красотой, и многое узнаем о той распушенности нравов, которая поощрялась как законами, так и обычаями Древнего Рима. Здесь нам рассказывают о множестве девушек, которых тщательно обучали и воспитывали, как умом, так и лицом, чтобы они могли приносить прибыль своим владельцам за счет проституции своих прелестей. Мы знакомимся с этими девушками, когда их отправляют в школу, чтобы одновременно развивать их интеллект и повышать их коммерческую ценность. В этих пьесах нам показывают женщин публичного дома, и мы не столько поражаемся их многочисленности, сколько благодушию, с которым их существование терпели в римском обществе. В основном это были несчастные женщины, захваченные на войне или рожденные в рабстве, и единственной искупительной чертой в картине их положения является намек на то, что время от времени одна из них, добившись успеха в плохом деле, могла надеяться заслужить свободу.

Говорят, что из-за того, что один класс женщин жертвует добродетелью, представительницы другого класса получают возможность жить чисто. Если принять описание характера римских женщин, данное Ювеналом, за истину, то следует заключить, что нравственность более удачливых дам мало выиграла от безнравственности тех, кто был куртизанкой поневоле или по профессии; но в сатире необходимо заикливаться на худшем и выставять его на всеобщее осмеяние как представителя целого. Здесь нет баланса, нет справедливости, нет компенсации непристойного тем, что благородно и хорошо. Римская женщина ни в один период не была таким морально уродливым существом, каким ее рисует Ювенал; да и дамы, покровительствовавшие литературе, не были столь неприятны, как он хотел бы нас убедить. Несомненно, что он не был благословлен покровительницей, иначе в его описании римского "голубого чулка" не было бы столько предрассудков. И все же, чтобы показать, как некоторые мужчины относились к приверженности к беллетристике, которой

страдали женщины, приведем слова великого сатирика по этому поводу. Изобразив несколько чудовищно неприятных женщин, он заявляет:

"Но она еще невыносимее,

Кто играет в критика, когда за столом накрыт стол:

Называет Вергилия очаровательным и пытается доказать, что

Бедная Дидо правдива, решившись на все ради любви".

Из Маро и Меонида она цитирует

Поразительные отрывки, и, отмечая

их достоинства и недостатки, настраивает свои весы,

И точно взвешивает, кто из бардов одержит верх.

Изумленные гости сидят немые; грамматики уступают,

Громкие риторы, сбитые с толку, уходят с поля боя;

Даже аукционисты и адвокаты стоят в ужасе,

И ни одна женщина не говорит... Так густо и быстро

Словесный ливень обрушивается, что можно поклясться.

Тысяча колокольчиков звенела у вас в ушах,

Тысяча тазиков грохочет. Не надо больше

Ваши трубы и ваши бубны, как в былые времена,

Чтобы облегчить труд луны; один ее крик

Может заглушить их звон и снять чары.

Она также читает лекции по этике и провозглашает

О главном благе! - Но, конечно, тот, кто стремится

казаться слишком ученым, должен взять мужской образ;

Сильванусу зарезать свинью,

И, с привилегией стойка, отправиться

В фартинговые бани и там прилюдно раздеваться.

О, пусть никогда партнерша моей постели

Тонкостями логики голову забивать;

Не кружить ей голову быстрыми силлогизмами,

И несовершенными энтимемами не смущать.

Достаточно для меня. Если она знает обычные вещи,

и хвастаться тем, что ее мало учат в школах.

Я ненавижу женщин-педагогов, которые ежечасно

Над своим Паламоном ежечасно; кто изучает

Все способы речи, независимо от смысла,

Но трепетно следит за настроением и напряжением;

Который озадачивает меня множеством нелепых фраз

Из какой-нибудь старой песни времен Нумы;

Поправляет своих деревенских друзей и не может слышать.

И не слышит, как муж ее без усмешки говорит".

Возможно, ужас перед учеными женщинами, который испытывал Ювенал, был вызван тем, что он понял пословицу, в которой говорится о неспособности двух людей, занимающихся одним и тем же ремеслом, поддерживать близкие и счастливые отношения. Был ли он настолько несчастен, чтобы узнать это на личном опыте, мы не имеем возможности установить; но несомненно, что в то время как многие римские авторы черпали вдохновение и влияние от женщин, с которыми были связаны, другие обнаружили в своих супружеских отношениях отсутствие гармонии, неблагоприятной для культивирования музыки. Например, Цицерон был обременен женой Теренцией, которой совершенно не хватало той силы сочувствия, которая составляет славу женственности. Теренция не ценила своего гениального мужа и не могла предвидеть, в каком почете она могла бы оказаться у потомков, если бы оказалась преданной женой столь знаменитого человека. Но после всего сказанного она, вероятно, знала Цицерона лучше, чем его знают потомки. Он утверждал, что она была настолько властной, что в конце концов он был вынужден развестись с ней; но в случае с Теренцией оправдалась старая пословица, гласящая, что яд для одного человека - удовольствие для другого, поскольку, будучи отвергнутой Цицероном к большому облегчению для себя, она была сразу же принята историком Саллюстом; и поскольку, похоже, не было никаких других мотивов для их союза, представляется вероятным, что их связывали чувства.

Была и другая Теренция, которая стала таким испытанием для терпения Мекенаса, великого покровителя литературы во времена Августа. Он так часто отрекался от нее, но так регулярно получал обратно, что о нем говорили, что он был женат тысячу раз, но все это время имел только одну жену.

Был еще один класс женщин, с которыми связано множество имен, тесно связанных с римской поэзией, но не из-за того, что эти женщины делали сами, а из-за их близких отношений с поэтами. Как изящные рисунки первобытных папоротников иногда находят в углеродистых толщах, так и эти женщины, чьи имена в противном случае исчезли бы вместе с их родом, по воле случая и судьбы оказались связаны с литераторами, и память о них сохранилась в латинской поэзии. Именно самому Марциалу мы обязаны сведениями о том, что, вернувшись в свой загородный дом после многолетнего отсутствия в Риме, он нашел утешение за неимением городских удовольствий и удобств в обществе Марцеллы, дамы необычайно умственного развития и изящества личности. Ее отношение к поэту было скорее покровительственным, чем любовническим. Казалось бы, это неважно в любом случае; тем

не менее она способствовала созданию литературы более долговечной, чем империя, и ее имя известно потомкам.

Каждый читатель Горация знает о Лидии, Глицере, Филлисе и Барине. Кто они были? Чтобы найти их в том древнем Риме, нужно было отправиться не в дома, которые описывались как жилища императорских женщин, а в те *insulæ*, или огромные жилища, в которых жила большая масса народа. Там эти женщины жили в одной комнате или во многих, в зависимости от их бедности или богатства. Последнее во многом зависело от их молодости и красоты; ведь эти женщины были легкомысленными, привыкшими к переменам и случайностям своего положения, и могли переходить от одного любовника к другому с неменьшими сердечными муками, чем их непостоянные подруги. Во многих случаях это были дочери неестественных иностранцев, на которых римские граждане не могли жениться и для которых не существовало иного жребия, кроме жребия любовницы. О том, что такие женщины были приближенными Горация, свидетельствует то, как он в своих "Сатирах" рассказывает об опасностях, которые таят в себе связи с замужними женщинами, а также об искренности той привязанности, в которой он клянется в своих "Одах". Говоря о тех дамах, которые не были пригодны для брачных уз, он говорит: "Когда я нахожусь в обществе такой дамы, она - моя Илия и Эгерия; словом, я даю ей любое нежное имя".

Любимицей Горация, по-видимому, была Лидия, о незаметной славе которой он рассказывает, но не сообщает, чем она была знаменита. Среди любовных посланий, в которых он обращается к ней, есть не одно, которое показывает его ревнивое осознание того факта, что он не единственный получатель ее благосклонности. В наказание за ее негостеприимное отношение к нему он пишет оскорбительную оду, в которой утверждает, что она стала слишком стара для любовников и что ее сон больше не будет нарушен серенадой. Гораций обладал способностью и подлостью, чтобы в своей поэзии самым позорным образом издеваться над этими женщинами, и не за их моральные проступки, а за то, что они отдавали предпочтение ему. Посмотрите, как он злорадствует по поводу увядания чар Лайса, который когда-то отверг его ухаживания: "Морщины и белоснежные волосы сделали вас одиозной. Теперь ни пурпур коанов, ни сверкающие драгоценности не восстанавливают те годы, которые крылатое время вписало в общественные анналы. Куда делась ваша красота? Увы! Или куда делся ваш цветущий вид? Где твоя грациозная осанка? Что осталось у тебя от нее, от той, что дышала любовью и отвращала меня от себя? Счастливая в свершениях рядом с Кинарой и отличающаяся изящными лакомствами. Но судьба даровала Кинаре лишь несколько лет, намереваясь надолго сохранить Лису, чтобы он соперничал в годах с престарелым вороном; чтобы пылкие юноши не без смеха видели, как факел, который когда-то так ярко пылал, теперь превратился в пепел".

Завершая любовные послания и амурные отношения, он приглашает Филлиду на развлечение в свою загородную виллу в день рождения Мecenата; среди провизии для этого праздника он упоминает бочонок албанского вина, которому уже более девяти лет, а также петрушку для плетения венков и плющ для укладки волос. "Приди же, последняя из моих любимых: выучи со мной те меры, которые ты можешь произнести своим прекрасным голосом; наши мрачные заботы будут смягчены одой".

Через Овидия мы узнаем о Коринне, которая была его любовницей и героиней его любовных элегий; но его страсть к ней была не более искренней, чем мы ожидаем от этого руководства по распутству - его *Ars amatoria*. Это произведение - прославление животного начала и косвенная дискредитация женщины. В нем с нескрываемой откровенностью утверждается, что корнем и источником основной части внимания, которое мужчины уделяют женщинам, является их доступность для удовлетворения любовных желаний, и утверждается теория, что

любая женщина капитулирует в цитадели своей чести, если только она будет осаждена с неутомимостью и находчивостью. Именно благодаря такой поэзии римские женщины были подготовлены к тому карнавалу порока, в который они с таким неистовым остервенением бросились во времена Клавдия и Нерона. В эротизме латинской поэзии раскрывается общество, в котором незаконная любовь подвергается эксперименту; в римской истории проявляется возникший в результате этого моральный хаос.

Мастером этой школы был Катулл; он обессмертил одну Лесбию, которая была главной героиней его любовных поэм. Один из наиболее осведомленных студентов, изучающих римскую литературу, сказал, что стихи Катулла к Лесбии уникальны в римской литературе по интенсивности и самоотверженности страсти, которую они изображают. От Апулея мы узнаем, что настоящим именем Лесбии было Клодия; предполагается, что это имя дал ей ее любовник из-за своего восхищения лесбийской поэтессой. Многие сделали вывод из заявления Апулея, что Лесбия была печально известной очаровательной сестрой Клодия, женщины, которую Цицерон так безжалостно поносил перед судьями; но возможность этого, кажется, исключается тем фактом, что Катулл вызвал поэму Цицерона, в которой он называет его "лучшим из всех адвокатов" - любезность, которая вряд ли могла быть пропущена или прощена женщиной, которой адвокат дал такой веский повод для ненависти.

Многие из самых ярких произведений Катулла обращены к Лесбии; но все они затронуты сознанием непостоянства поэта. Наконец она покидает его, и он прощается с ней в строках, которые так прекрасно переданы Муром:

"Товарищи и друзья, с кем куда
Судьбе угодно, я по жизни странствовал,
Теперь спешите вы домой, и с собой несите
Эти горькие слова ей, которую я любил.

"Скажи ей, чтоб бежала от дурака к дураку,
Куда бы ни позвал ее тщеславный каприз;
Из всех ее дур, не любя ни одного,
Но губя и сводя с ума всех.

"Пусть она забудет - что теперь в прошлом.
Нашу некогда дорогую любовь, чья гибель лежит
Как прекрасный цветок, последний на лугу,
Который, почувствовав лемех, умирает".

В Синтии, чья любовь и красота вдохновляли перо Проперция, можно увидеть как сочувствующую помощницу, так и хозяйку. Она была внучкой Луция Хостия, написавшего поэму об Иллирийской войне. Она унаследовала любовь своего предка к литературе, и, следовательно, между ней и Проперцием существовало то общение в поэтическом труде, которое является самым совершенным товариществом, известным человеческому опыту. Хотя она принадлежала к высшему типу женщин этого класса, она была куртизанкой, что объясняет тот факт, что поэт не смог, как он хотел, сделать ее своей законной женой. Ее дом находился в Субурре, который был центром "богемной" жизни в Риме и кварталом, особенно любимым женщинами ее класса. Близость между ней и Проперцием продолжалась шесть лет, но, несмотря на симпатию их вкусов, эти годы не прошли в постоянном согласии. Синтия, помимо прочих недостатков, обладала, по-видимому, буйным нравом, и в какой-то из вспышек этого нрава Проперций был изгнан. После этого, хотя их дружба возобновилась, ни один из них не был верен другому. Во время болезни, предшествовавшей ее смерти, они вновь примирились друг с другом, и этот факт, как ничто другое, свидетельствует о том, что Синтия, должно быть, испытывала искреннюю привязанность поэта. В седьмой поэме своей последней книги Проперций рассказывает о сне, приснившемся ему после смерти Синтии; из некоторых содержащихся в ней намеков можно сделать вывод, что она оставила ему обязанность распоряжаться своим имуществом и организовывать похороны.

Женщины, подобные Синтии, ничем не выделялись среди своих современников; они были не более чем шифрами в оценке тех великих дам, которые принимали участие в политической игре. Они известны нам только потому, что их имена случайно оказались забальзамированными в трудах людей, чьими спутниками они были; но с этого расстояния, когда имена женщин Рима можно рассматривать как лишенные той фиктивной славы, которая была простой случайностью их рождения, Синтия приобретает больший интерес от своей связи с поэтом, чем Юлия от своего родства с императором.

Эти женщины смотрят на нас из *инсул*, в которых сгрудились простые люди. Мы видим их прекрасные лица, слышим их оживленные разговоры, но, к сожалению, мало знаем об их жизни. История не индивидуализировала женщину из простонародья; литература нарядила ее во все свои наряды и поставила в естественные, но необычные ситуации. Делия, Немезида и Неара, женщины, чью любовь и чью потерю Тибулл воспевал в таких страстных тонах, хотя и были людьми, о чем свидетельствует их непостоянство, наделены теми чарами, которые существуют только в воображении поэта и в фантазии влюбленного.

Тибулл, в отличие от Горация, относился к своим любовным похождениям слишком серьезно, поэтому из-за характера женщин, к которым он привязывался, они приносили ему больше горя, чем удовольствия. Первым объектом его привязанности стала Делия, настоящее имя которой, согласно Апулею, было Плания. "Она принадлежала, - говорит Милман, - к тому классу женщин среднего достатка, не из хорошей семьи, но выше бедности, которые соответствовали греческому *hetaeræ*". Тибулл мечтал уйти с ней в спокойное уединение. Ради нее он отклонил лестное предложение своего великого покровителя Мессалы, который хотел взять поэта в боевой поход. "Узы прекрасной девушки держат меня в плену, и я сижу, как привратник, перед ее неподатливой дверью. Мне нет дела до похвал, моя Делия; только позволь мне быть с тобой, и я довольствуюсь тем, что меня называют медлительным и бездуховным". Было бы очень удивительно, если бы поэту удалось сохранить верность Делии с помощью подобных аргументов. Еще не наступило время, когда римские женщины не любили солдатскую доблесть; еще не наступило время, когда на них не влияла надежда на участие в завоевательных трофеях. Вскоре после отказа от предложения Мессалы поэт, по-видимому, вынужден был покинуть город; вернувшись, он обнаруживает,

что Делия вышла замуж; по этому поводу он, по образности поэтических чисел, топит свое горе в вине. Однако вскоре он вспоминает, что муж - это не обязательно непреодолимая преграда между ним и дамой. Ее нужно научить ускользать от наблюдательных глаз. Он притворяется - желание, вероятно, было отцом мысли - что у него есть волшебство, которое сделает их невидимыми. "Напевайте три раза, плюйте три раза после произнесения заклинания; ваш муж не сможет поверить свидетельству собственных глаз". Но Делия не смогла сохранить верность даже такому настойчивому любовнику. Как трогательна эта сцена в пятой элегии первой книги! Она достойна цитирования, хотя бы потому, что в ней поэт рассказывает о действенных средствах, которые он использовал для выздоровления заболевшей Делии.

"Что может искупить, моя красавица, подобные преступления?

Я буду терпеливо терпеть, используй меня, как хочешь.

И все же, за валы любви и за твои заплетенные волосы,

Всеми радостями, что мы украли, - твоя покорность.

Когда болезнь омрачила твой лучистый взор,

Мои неугомонные, нежные просьбы покорили небеса.

Трижды я очищал тебя серой,

И трижды обряд, с песнями, чародейку связал;

Пирог, мною трижды окропленный, обратил в бегство

Призраки ночи, смерть отвергающие;

И девять раз я в льняные одежды облачался,

В тихой ночи девять раз Тривию молился.

Что я не сделал? Но какая мне награда?

Ты любишь другого, твой хранитель летит".

Римляне твердо верили, что нечетные числа приносят пользу.

В седьмой элегии поэт жалуется, что попался в собственную ловушку, ибо Делия отрабатывает на себе те приемы, которым он научил ее обманывать мужа. Тогда он обращается к ее мужу с просьбой помочь ему следить за ней и скрывать ее от других. Это кажется довольно смелым шагом; но, учитывая класс, к которому принадлежала Делия, можно предположить, что ее близость с Тибуллом не была новостью для ее супруга. Обращение к нему - не более чем изысканный персифляж. Однако с этого момента мы больше ничего не слышим о Делии.

Теперь поэт обращается к Немезиде, с которой ему повезло не больше. Кроме того, что она непостоянна, она еще и скуповата, от чего Тибулл пытается ее спасти, возможно, не совсем без мысли об ограниченности собственных средств. "Добродушную и не скупую девушку, пусть даже она проживет сто лет, будут оплакивать перед пылающим костром, а какой-нибудь пожилой человек, чья память о своей старой любви, будет ежегодно усыпать цветами ее могилу и, уходя, скажет: "Покойся спокойно и безмятежно, и да будет светла земля над твоими тихими костями!"".

Третья книга элегий посвящена Неэре. Первого марта у римлянок было принято ждать подарков от своих мужей и любовников. Тибулл был обручен с Неэрой, и перед ним встал вопрос о том, что послать ей в качестве новогоднего подарка. Музы подсказали ему, что прекрасных завоевывают песней, и он решил послать ей книгу собственных стихов. Она была сделана из тончайшей бумаги, а на обложке - желтой, священного для брака цвета - было красиво выписано имя получательницы и посвящение: *Твой будущий муж, целомудренная Неэра, посылает тебе этот маленький подарок и просит тебя принять его*".

Неизвестно, насколько Неэра дорожила этим томом, но Тибулл был с ней не более удачлив, чем с другими. Во сне ему было открыто, что: "Та, что прославлена в твоих песнях, прекрасная Неэра, предпочитает стать невестой другого". "Ах, жестокий пол! Женщина, неверное имя!" - восклицает поэт; и затем: "Но ее еще можно завоевать; умы изменчивы".

Четвертый сборник стихов, опубликованный под его именем, вероятно, был написан не Тибуллом. Одиннадцать из этих стихотворений посвящены любви Сульпиции, римской дамы высокого положения, дочери Валерии, сестры Мессалы. Она влюбилась в юношу по имени Церинф, и эти стихи рассказывают об этой истории. Многие считают, что их автором была сама Сульпиция, и что на самом деле некоторые из них - не что иное, как ее собственные письма к возлюбленному. Эти "письма" очень коротки, но, если это предположение верно, это единственные сохранившиеся любовные стихи римской женщины.

Так, она пишет Церинфу со своей кушетки, к которой ее приковала лихорадка:

"На мой счет, скорби непрестанной добыча,

Сочувствуешь ли ты мне?

Я не хотела бы прожить и дня,

если бы мое выздоровление не очаровало мою любовь;

Ведь что были для меня жизнь, и здоровье, и цветенье,

И что мне жизнь, и здоровье, и цветенье, Что тебе, прелестная юность, они не по нраву?"

Есть еще одна римлянка, которую можно причислить к числу авторов, и чьи труды, если бы они только сохранились, представляли бы огромный интерес. Это была блестящая и талантливая Агриппина Младшая, женщина, которая была столь же законченным ученым, как и опытным и успешным политиком. Она писала свои *мемуары* не столько из желания внести вклад в историю, сколько для того, чтобы с их помощью очернить характер врагов своего дома. Она обмакнула свое перо в яд ненависти и зависти, а материал нашла в скандальных историях, которые ходили по Риму и с каждым днем становились все более преувеличенными от происхождения, которого никто не знал. Из этой работы Агриппины Суетоний и Тацит, несомненно, почерпнули большую часть информации, которая в их более серьезных произведениях очерняет характер Тиберия. Также вероятно, что если бы не легкомысленное и необузданное перо ее преемницы, Мессалина была бы известна нам как гораздо менее неблагоприятная женщина, чем ее пытаются представить.

Хотя до нас не дошло ни одного письма Агриппины, мы располагаем тем, что предположительно является речью в ее защиту, которую она произнесла, когда Юния Силана обвинила ее в подстрекательстве Плавта к переменам в государстве и, выйдя за него замуж, вернуть себе власть в содружестве, которую Нерон вырвал у нее из рук. Во всем этом мы видим лишь сплетни двух злобных старух, но Нерону это было представлено как ужасное

дело. Страхи Нерона были настолько сильны, что ему с трудом удалось уговорить мать дожить до утра и иметь возможность выступить в свою защиту. Мы имеем ее речь в том виде, в каком ее передает Тацит. Возможно, это собственное сочинение историка, но это именно то, что мы могли ожидать от старой свирепой императрицы-матери. А поскольку Сенека и Бурр, к которым она была обращена, наверняка имели при себе стенографисток, не исключено, что Тацит взял ее из официальных записей. "Я не удивляюсь, - сказала Агриппина, - что Силану, который никогда не носил ребенка, чужды привязанности матери; ведь, по правде говоря, от детей не так легко отказываются родители, как от прелюбодеев - распутники. Из того, что Итурий и Кальвис, промотав все свое состояние, в качестве последнего средства оплатили старухе за услуги по моему обвинению, как за наем, не следует, что я должен быть заклеен позором или что Сезар должен считать себя виновным в отцеубийстве. Что касается Домиции, то я бы поблагодарил ее за все усилия ее вражды ко мне, если бы она постаралась превзойти меня в доброте к своему племяннику, моему Нерону. В настоящее время она с помощью Атимета, своего приспешника, и весельчака Париса разыгрывает фарс, подходящий для сцены. Где она была, когда я своими советами добился усыновления ее племянника и моего сына в доме Клавдиев? Когда я всячески поддерживал его дело, необходимое для получения им империи? - На своих рыбных прудах в Байе". Если это сочинение Агриппины, то в нем, безусловно, нет недостатка в силе, и она была несомненным адептом в использовании намеков. Нам бы хотелось увидеть эти "Мемуары".

Чтобы перейти к более приятной теме и представить более приятного, хотя и менее живописного персонажа. Хотя женщин-авторов было немного, было много дам, которые умели ценить труды своих мужей-литераторов; матрон, которые в узах законного брака были спутницами своих мужей как в учебе, так и в других делах. Плиний оставил нам прекраснейший перочинный портрет своей молодой жены. Он рассказывает, как, чтобы доставить ему больше удовольствия, она изучала вежливую литературу, учила его книги наизусть, перекладывала его стихи на музыку и аккомпанировала им на своей лире. "Как велика ее тревога, - говорит он, - когда она видит, что я собираюсь выступить в суде, и как велика ее радость, когда я выступаю! Она посылает гонцов, чтобы те доложили ей, какую благосклонность и аплодисменты я вызвал и каков результат судебного разбирательства. А когда я читаю, она сидит в сторонке, отделенная от нас занавесом, и жадно ловит похвалы в мой адрес".

IX

ЖЕНЩИНА В ЕЕ ХУДШЕМ ПРОЯВЛЕНИИ

В ходе этого исследования в поле нашего зрения попали одни из самых благородных женщин, которыми может похвастаться история мира. Мы видели женщин возвышенной чистоты, занимающих высокие посты, величественных, достойных матрон, женщин, прославившихся умом и благородством духа, женщин, которые мужественно переносили незаслуженные страдания; мы также отметили женщин из простого народа и светских дам, которые служили любви и смеху. Но наш рассказ будет неполным, картина не будет

правдивой, если в ней не будет представлено худшее, что породила человеческая природа, - женщины, запятнавшие себя одними из самых низменных преступлений, вошедших в анналы человеческой развращенности. Это история, в которой трезвая правда может быть сказана только в превосходной степени. То, чего боялся Сципион и пытался предотвратить Катон, свершилось; и в то время, когда Рим сосредоточил в себе всю мощь и славу мира, он также достиг кульминации порока и деградации всех веков.

Нравственные условия, которыми характеризовался период между правлениями Тиберия и Нерона, в наши дни не поддаются адекватному осмыслению. Это были сплошные сатурналии, вечное царствование террора, пароксизм непристойности. Что делает ситуацию столь удивительной и трудноописуемой, так это странная смесь цивилизации и дикости, искусства и анархии. Зверские жестокости, которые делают историю того времени такой ужасной, и похоть, которая делает ее такой отвратительной, не приписываются полуодетым варварам или невежественным азиатам; в них участвовали мужчины и женщины, чья внешняя жизнь была отмечена и отличалась всеми знаками и признаками культуры. Юлии и Поппеи того времени были женщинами, жившими в красивых домах; их окружало такое великолепие искусства, какого никогда не было; они изучали литературу, которой мир никогда не переставал восхищаться. Экстравагантное злодеяние того времени не было бунтом против закона; напротив, все делалось в соответствии с правовыми формами. Вистилия, жена римского рыцаря, чтобы не стеснять себя в распутстве, предстала перед эдилами и объявила себя проституткой; закон считал, что проститутки достаточно наказаны, если просто таким образом признаются в своем позоре. Даже когда невинных детей Сеяна предавали смерти за проступки их отца, маленькая девочка, которая спрашивала, что она сделала плохого и не собираются ли ее выпороть, должна была быть избита палачом, прежде чем он ее задушил; ведь смертная казнь девственников была незаконной. Пока творились подобные вещи, римские дамы изучали греческих философов, читали собственного Вергилия и совершенствовали свою дикцию, знакомясь с изящными периодами Цицерона. Это был век, когда искусство цивилизации было полностью оторвано от лучших порывов человечества, век, когда самые высокие умственные достижения сочетались с самыми низкими моральными условиями. Развращенная Мессалина была современницей философствующего Сенеки; бессовестная Агриппина Младшая изучала литературу и была писателем.

Легко понять, что жестокость и похоть, которые делают историю первых двух веков христианской эры такой яркой, являются просто естественным развитием предшествующих условий. Проскрипции и массовые убийства Силлы и двух триумвиратов не могли не породить общество, которое наблюдало за кровопролитием с безразличием, если не с восторгом. Полное пренебрежение святостью супружеских обетов, когда речь шла о политических целях, неизбежно привело к появлению поколения женщин, для которых целомудрие было делом безразличным, а честь - неведомой вещью. Если учесть, что общество по наследству и воспитанию было предрасположено к бесчеловечности и разнузданности, нужны были лишь благоприятные условия для появления на императорской сцене компании женщин, на действия которых мир с тех пор взирал с глубоким изумлением. Такие условия существовали тогда в Риме в такой степени, как никогда не было ни в какое другое время и ни среди какого другого народа. Эпоха была благоприятной, и обстоятельства созрели для кульминации человеческой развращенности. Захваченный мир давал Риму неисчислимые богатства; империя была призом того, кто мог завоевать и удержать ее, и той, кто мог сохранить свое положение рядом с правителем; власть и отсутствие ограничений давали волю порывам, которые существующие условия неизбежно приводили к злу. Таково было *окружение* женщин Рима при первых императорах. Дамы из знати были обучены и

побуждены к жестокости и проституции в силу своего положения; женщины из простого сословия, для которых хлеб из податей и кровавые зрелища предоставлялись бесплатно, были побуждаемы в том же направлении примером и праздностью.

Вершиной женской порочности стала Мессалина, чье имя с тех пор стало нарицательным для обозначения беспрецедентного недержания. Валерия Мессалина была правнучкой Октавии, сестры Августа, как со стороны отца, так и со стороны матери; таким образом, в ее жилах соединились два потока священной юлианской крови, о чем она никогда не позволяла себе забывать, настаивая на своих требованиях, хотя это и не оказывало сдерживающего влияния на ее поведение. В шестнадцать лет она стала третьей женой слабоумного полуимбецила Клавдия; одной из ее предшественниц была Плаутия Ургуланилла, дочь той гордой Ургулании, чьи долги Ливия Августа была вынуждена оплатить. Плаутия была разведена за "скандальный разврат" и по подозрению в убийстве, после того как родила двоих детей, младшего из которых Клавдий выставил, будучи уверенным, что тот не имеет справедливых претензий на его отцовскую власть. Но с Мессалиной его честь как мужа была в гораздо меньшей безопасности, чем с Плаутией. От нее трудно было ожидать привязанности к этому дряхлому, горланящему старику - ему было почти пятьдесят. В течение первых трех лет после свадьбы ее положение было сравнительно личным, поскольку муж не рассчитывал занять императорский трон.

Во время правления слабоумного Калигулы придворные женщины не представляют собой никакой политической фигуры и интересны разве что в качестве иллюстрации развращенности того времени. Этот император был одержим преувеличенным представлением о божественности, присущей роду Августа. Поэтому он считал, что, подобно египетским царям, должен сохранить это достоинство, женившись на собственной сестре. Суетоний хочет заставить нас поверить, что все три сестры Калигулы были обещаны своим братом, но Друзилла была его любимцей. Она была отдана Кассию Лонгину, но Калигула отнял ее у него и содержал так, словно она была его законной женой. Он составил завещание, по которому назначил ее наследницей своих личных владений, а также империи; после ее смерти он объявил по ней публичный траур и пригрозил смертной казнью тому, кто будет смеяться, купаться или искать развлечений в этот период. Также было объявлено, что она была принята в число небесных божеств, и как Пантея, вселенская богиня, ее поклонение было предписано всем городам Италии и провинциям.

Другие сестры, Агриппина и Юлия, вступили в заговор с Марком Эмилием Лепидом против жизни своего брата; когда заговор был раскрыт, хотя жизнь этих женщин была пощажена - вероятно, из-за глубокого уважения Калигулы к крови Юлиев, - их имущество было конфисковано, и обе они были отправлены в изгнание. Агриппина, однако, была вынуждена сначала выполнить очень неприятное поручение. Семья Лепида просила, чтобы его прах покоился в семейном мавзолее в Риме, и расстроенный разум Калигулы вспомнил о путешествии, которое совершила его мать, везя прах Германика. Поэтому он заставил Агриппину, которая задумала выйти замуж за Лепида в надежде получить для него наследство, нести урну с его прахом из Германии в Рим, и ни разу ни днем, ни ночью не позволил ей отдохнуть от ноши.

О женах Калигулы Суетоний говорит: "Отказался ли он от них или сохранил их, но поступил более бесчестно, трудно сказать". Будучи на свадьбе Кая Пизона и Ливии Орестиллы, он приказал отнести невесту в свой дом, но через несколько дней развелся с ней, а через два года изгнал ее, поскольку, как считалось, после развода она вернулась к своему прежнему мужу. Лоллию Паулину, которая была замужем за человеком консульского ранга, командовавшим армией, Калигула называл похожей на свою бабушку, которая была

знаменитой красавицей, император внезапно вызвал ее из провинции, где она жила с мужем, и женился на ней; но вскоре он отрекся от нее, запретив ей впредь выходить замуж за другого человека. Он горячо и постоянно любил Сессонию, которая не была ни красива, ни молода и была матерью трех дочерей от другого мужчины; но она была женщиной чрезмерно распутной. Он часто показывал ее солдатам, ехавшим рядом с ним, одетую в военный плащ, со щитом и шлемом. Своим друзьям он показывал ее в гораздо менее изысканном и гораздо более непристойном обличье. После того как она родила ему ребенка, ее удостоили титула жены. Калигула назвал младенца Юлией Друзиллой и, обнеся его вокруг храмов всех богинь, положил на колени Минервы, у которой попросил заботы о воспитании и обучении этой дочери. Он считал ее своим собственным ребенком, и не по той причине, что нрав ее был настолько диким, что еще в младенчестве она впивалась ногтями в лица и глаза игравших с ней детей.

Сессония вряд ли могла наслаждаться своим положением, особенно в тех случаях, когда ее бесноватый муж забавлялся мыслью о том, что в его власти перерезать ей шею в любой момент, когда ему будет угодно это сделать. Она была убита во время его убийства, и, к счастью, ее порочное потомство погибло вместе с ней. То, как Кэсония встретила свою смерть, указывает на то, что женщина не только обладала мужеством, но и питала к мужу некую привязанность. Заговорщики колебались над вопросом, должна ли она разделить его судьбу, но это длилось всего несколько минут. Многие считали, что именно благодаря ее любовным утехам и разврату его разум помутился и что, следовательно, она в некотором смысле является автором его дурных поступков. Было решено, что она должна умереть, и люди, отправившиеся на ее поиски, нашли Кезонию, обнимающую тело Калигулы, лежащее на земле, и услышали ее стенания по поводу того, что он не последовал ее совету. Был ли этот совет в том, чтобы сдерживать свое безумие или последовать мстительным мерам за подсказку, которую она дала ему в отношении заговора, те, кто ее слышал, не могли решить. Их умы склонялись к последнему объяснению. Когда она увидела приближающегося Люпуса, которому была поручена ее смерть, она села, вся перепачканная кровью мужа, и, обнажив горло, попросила убийцу не медлить с завершением трагедии. Она с радостью приняла смертельный удар, и маленькая дочь, находившаяся рядом с матерью, погибла от того же меча.

К своему собственному изумлению, Клавдий вдруг обнаружил, что провозглашен и принят как император римлян. Нет никаких свидетельств того, что Мессалина предвидела эту перемену в судьбе больше, чем ее муж. Однако, оказавшись в положении императрицы, она не собиралась поступать иначе, чем обеспечивать себе безопасность в этом положении. Время было такое, что сделать это можно было только с помощью безжалостных мер. Этот факт следует постоянно иметь в виду, изучая женщин императорского Рима. Ни один человек не может руководствоваться идеями, преобладающими в обществе, в котором он живет, и в то же время обходиться без методов, обычно используемых этим обществом. Римляне того периода, который мы сейчас рассматриваем, считали, что лучший и самый простой способ задобрить врага или перехитрить соперника - это уничтожить его. Мессалина не стремилась к лучшему, чем того требовало ее окружение; по сути, она представляет собой апогей безнравственности. Было две причины, побудившие ее свободно распространять разрушения среди своих соратников. Во-первых, было много женщин, которые с удовольствием соперничали бы с ней в любви с Клавдием; и хотя она ни в малейшей степени не отвечала на привязанность мужа, ее сохранение было необходимо для поддержания ее положения. Кроме того, ее бесчисленные похождения постоянно служили оружием против нее самой, и только внушая страх, она могла удержать своих врагов от использования их для собственного уничтожения.

В таком положении, в каком она оказалась, и среди такого окружения, неудивительно, что Мессалина была плоха. Вознесенная, будучи еще девочкой, на головокружительную высоту, польщенная и добивающаяся расположения всех самых беспутных представителей императорского двора, жена обожаемого мужа, который, как она быстро обнаружила, был абсолютно под ее влиянием, - все это должно было подвергнуть испытанию женщину, в характере которой заметно присутствовали добрые побуждения. Насколько можно судить, Мессалина не обладала такими импульсами; напротив, все в ней способствовало усилению дурного влияния ее окружения. Ее вопиющая безнравственность в сочетании с искусством, с которым она обманывала своего мужа, сделали историю этой женщины памятником супружеской неверности на все века.

Мы можем с достаточной уверенностью судить о внешности Мессалины, поскольку существует множество ее камеи и бюстов, хотя, конечно, некоторые из них идеальны, а другие выполнены не лучшим образом. Баринг Гулд, тщательно изучивший скульптурные портреты семьи Сезаров, считает несомненным, что на камее из оникса, хранящейся в Кабинете антиквариата в Вене, и на бюсте, хранящемся сейчас во дворце Уффици, мы имеем то, что можно считать правильными изображениями Мессалины. О первой он говорит: "Волосы уложены в мелкие локоны, покрытые подобием короны, увенчанной кукурузой. Это обычный признак обожествления императрицы как Цереры. Брови низкие, нос прямой и немного ретроузный на конце, рот примечателен тонкостью губ; подбородок не выдается, и особенностью является наклон от подбородка к горлу, образуя заметный контраст в формировании с Ливией напротив. Рот обращен вниз, но есть небольшое сужение в углу". О бюсте он рассказывает: "Профиль здесь имеет замечательное сходство с лицом, дающим тип на камее. Волосы убраны в локоны, но сзади свисают вниз косами, брови опущены, глаза полные, а рот с тонкими губами и жестоким выражением, кажется, полностью выражает характер женщины, известный нам по истории. Голова плоская. Во рту - наглость, в уголках - изгиб, заметный и в драгоценном камне. Один глаз больше другого. Они расположены не на одной линии. Нос был отреставрирован, поэтому мы не можем сравнить его с носом на камее. В остальном все сходится, хотя наклон от подбородка не так заметен на бюсте из-за разницы в положении головы. Брови прямые, а не дугообразные. Глаза не только разной формы, но и подбородок на одной стороне. Конец подбородка квадратный, рот маленький, губы слева полнее, чем справа, а правый угол вытянут вверх. Выражение лица различно, если смотреть на него с каждой стороны, из-за необыкновенной неравномерности сторон лица. В той же галерее находится так называемый молодой британец, и сходство этого ребенка, в том, что касается формирования нижней части головы, с описанной выше Мессалиной просто поразительно. Еще более примечательна прекрасная статуя в Латеране, где сходство очень близко. Губы мальчика более полные, но вся структура челюстей и подбородка, а также изгиб нижней губы такие же, как у Мессалины из Флоренции. Если это Британник, то бюст во Флоренции - это бюст его матери; и трудно сказать, кого еще можно подразумевать под этой очаровательной статуей в военном костюме.

"Медик с большим опытом, который по моей просьбе изучил бюст Мессалины во флорентийской галерее, сообщил мне, что это бюст женщины, физически нездоровой; уплощение верхней части головы указывает на несовершенное умственное развитие, а общий вид лица, очевидно, тщательно изученный с натуры без каких-либо попыток скрыть недостатки и идеализировать, - это лицо женщины, чья продолжительность жизни, естественно, была бы короткой. Вероятно, есть пороки развития грудной клетки. Это лицо той, в ком бурлит кровь, чья пламя жизни горит слишком быстро. Лицо само по себе не чувственное и не звериное, но оно наглое и жестокое. Низкие, плоские брови, а также низкая, плоская голова свидетельствуют о том, что она была лишена всех высших и

благородных качеств. У этого бюста своеобразное формирование горла. М. Мэр отмечает: "Тонкие губы, лукавая улыбка, уши едва заметны, челюсть выдвинута вперед и удивительно массивна, глаза близко посажены, глубоко утоплены под дугой, ноздри тонкие и гибкие, губы асимметричны, верхняя губа приподнята справа, как у зверя, готового укусить, та же характерная черта, замеченная у Калигулы и прокомментированная Дарвином". Асимметрия лица. Левый глаз расположен выше и дальше всего от носа (то же самое заметно у Нерона, Клавдия и т. д.). Взгляд скорее жестокий, чем сладострастный. Ироническая улыбка, отнюдь не редкая маска, которую носят патологическая развращенность и нимфомания", - М. Меньер в книге *"Медицинские исследования латинских поэтов"* также высказывает мнение, что Мессалина была жертвой нимфомании. Он говорит: "В Сальпетриере есть Мессалины, случаи, которые не имеют абсолютно никакого отношения к морали". Вероятно, это можно смело принять за истинное объяснение данного случая, если избавиться от двух подозрений. Первое из них заключается в том, что столь часто обсуждаемая асимметрия может быть не чем иным, как некачественной или небрежной художественной работой. Скульптор, возможно, не смог или не нашел времени, чтобы вырезать обе стороны лица настолько одинаковыми, чтобы не поддаться критике острых ученых, стремящихся найти причину поэтического эффекта, обнаруженного у Ювенала и других. Упоминание сатирика наводит нас на второе подозрение: в своем поразительном рассказе о преступных аппетитах Мессалины он стремится к эффекту.

Теперь, что касается первого из этих подозрений, у нас есть заверения выдающихся студентов-искусствоведов, что в своей скульптуре римляне очень ревностно относились к точности изображения. Виктор Ридберг говорит: "Невозможно упрекнуть римское искусство портрета в лести. Оно давало то, на чем настаивали римляне - строгую верность природе. Оно не делало никаких исключений в пользу цезарей и их дома, даже для женщин. Доказательства этой почти отталкивающей верности природе можно найти. Императрица, достигшая более чем зрелого возраста, представлена в виде Венеры. Вполне возможно, что она с радостью откажется от этой чести. Она принадлежит к тому периоду жизни, когда старухи драпируют свою увядшую красоту; но у нее есть обязанности супруги Сезара, и она должна смириться со своей судьбой. Богиня любви была прародительницей рода Юлиев, и поэтому ее атрибуты, но не красота, перешли к императрице. Художник должен увековечить ее непокрытые прелести, и он делает это с почти жестокой откровенностью, так что маленький купидон, приложив палец к губам, у ее ног, кажется, вздыхает: "О, занавеска!"". Все это может быть очень верно в отношении отдельных случаев; но мы знаем, что были случаи, когда художник идеализировал, как и любой скульптор, который поместил бы голову Сезара на туловище греческого бога, если бы ему это было нужно. Кроме того, ни в один период мировой истории братство художников не пополнялось членами с разными способностями, и задача изобразить Мессалину могла попасть в руки более низкого мастера. И все же, в конце концов, вполне возможно, что асимметрия, о которой идет речь, могла характеризовать лицо сладострастной императрицы; тем не менее, должно быть нечто большее, чем небольшое неравенство черт в статуе, не идентифицированной абсолютно, чтобы заставить принять без большой доли соли утверждение Ювенала в отношении жены Клавдия. То, что Мессалина имела привычку по ночам уходить из императорского дворца, чтобы занять кабинку в публичном доме в качестве обычной демиретки под именем Лициска, почти неправдоподобно, чтобы поверить в это. Не исключено, что в этом Ювенал расширяет некий намек, сделанный Агриппиной Младшей, которая писала мемуары императрицы и никогда не была другом Мессалины.

Во дворце Клавдия было много вольноотпущенников - людей, освобожденных из рабства и нашедших средства для накопления богатства и достижения влияния, - и греческих

авантюристов. Эти люди оказывали императору и его супруге услуги, на которые пока не решались ни аристократические, ни даже конные семьи. Такие люди были единственными соратниками Клавдия до его продвижения по службе, и они сохранили большое влияние на него во время его правления. Мессалина также была вынуждена считаться с ними. Их молчание в отношении ее интриг приходилось покупать; она была вынуждена вступать с ними в союз, чтобы сохранить свое влияние на мужа; их продажу назначений и получение взяток ей приходилось терпеть; в конце концов она попала в их сети и была доведена до гибели их махинациями.

В начале правления Клавдия две сестры Калигулы, Юлия и Агриппина, были возвращены из изгнания, и им вернули их имущество. Они были дочерьми Германика, потомка великого Августа, поэтому не сразу оказались в центре клики недовольных вельмож. Юлия, которая была столь же беспринципна, сколь и красива, похоже, привлекла внимание Клавдия. Мессалина не могла смириться с этим. Каковы бы ни были масштабы ее собственных недостатков, она не могла позволить себе ни малейшего риска столкнуться с соперницей в любви императора. Примечательно, что в эпоху беспрецедентной распушенности нравов, когда искали средства, чтобы уничтожить врага, обвинение в прелюбодеянии обычно приводило к успеху. Эти римляне были достаточно человечны, чтобы осуждать в других то, чему потворствовали сами. Вспомните Мессалину, проповедующую мораль! Она предпочла обвинить Юлию в недержании мочи и побудила легко поддающегося влиянию императора отправить несчастную женщину в изгнание, где ее быстро преследовал убийца по приказу императрицы. Этот случай тем более памятен, что Сенека, чье поведение никогда не соответствовало его учению, был обвинен в сообщничестве с Юлией и в то же время изгнан. Судьба сестры стала предупреждением для Агриппины. Она увидела, как необходимо проявлять осторожность, чтобы не обидеть или, по крайней мере, не попасть под власть императрицы; а Мессалина, хотя и превосходила ее в пороках, не шла ни в какое сравнение с ловким политиком Агриппиной.

Перечислять все случаи, которыми история иллюстрирует жестокость и разврат Мессалины, было бы утомительно и невыгодно; и хотя наша цель - показать, до каких глубин беззакония может опуститься женщина при определенных условиях, мы упомянем лишь несколько эпизодов из распутной карьеры императрицы. Первой жертвой ее властолюбия и преступности стал ее собственный отчим, Силан; Суетоний предполагает, что причиной ее обиды на родственника было то, что он не принял ее неуместных ухаживаний. Способ его побега был уникален и свидетельствует о гении придумывания сюжетов, которому вполне может позавидовать современный романтик. Однажды утром Нарцисс, любимый вольноотпущенник, вбежал к Клавдию, проявляя признаки сильнейшей тревоги. Ему приснилось, что император был убит рукой Силана. Вскоре после этого появилась Мессалина и с большим волнением осведомилась о безопасности мужа. Ее покой был нарушен, а разум встревожен сном, похожим на тот, что видел Нарцисс. Намекали и на другие вещи, которые, казалось бы, должны были оправдать столь сильную и одновременную тревогу друзей императора, так что он, хитроумно подстроив свои опасения, сразу же отдал приказ о казни Силана.

Мессалина стремилась приобрести для себя два желанных участка. Одним из них были прекрасные сады, начатые Лукуллом и завершенные в самом великолепном масштабе Валерием Азиатиком; вторым был Мнестер, знаменитый актер того времени. Сады принадлежали Азиатiku, а Пoppея, которая была одной из самых красивых женщин своего времени, казалось, интересовала актера больше, чем императрица. Последняя решила одним махом устранить обе эти помехи своим желаниям. Она подкупила Суиллуса, человека

высокопоставленного и известного своей продажностью, чтобы тот обвинил Азиатика и Поппею в участии в неблагоприятной интриге. Против первого были выдвинуты обвинения более низкого характера и намеки на действия, наносящие ущерб безопасности императора. Тацит сообщает, что несчастному не позволили выступить перед сенатом, а судили его наедине в одной из комнат дворца и в присутствии Мессалины. Выступая в свою защиту, он так сильно подействовал на чувства Клавдия, что его, несомненно, оправдали бы; но Мессалина, которая не могла сдержать слез, выходя из комнаты, прошептала Вителлию: "Не дай обвиняемому скрыться". Затем последовала демонстрация вероломства, в которой вряд ли простой Иуда был бы настолько беспринципен, чтобы играть главную роль. Вителлий стал самым участливым образом умолять императора, который уже подумывал об оправдании Азиатика, вспомнить о великих заслугах, оказанных обвиняемым государству, и проявить милосердие, позволив Азиатiku самому выбрать способ смерти; на такое милосердие Клавдий с готовностью согласился. Таким образом, цель Мессалины была достигнута. "Она поспешила осуществить гибель Поппеи, подговорив людей довести ее до добровольного конца ужасами тюремного заключения; катастрофа, о которой император был так совершенно не предупрежден, что через несколько дней после этого, когда ее муж Сципион сидел с ним за столом, он спросил, почему он не привел свою жену. Сципион ответил, что ее больше нет".

Вителлий, который с помощью такой дипломатии совершил описанное выше изыщество, был отцом будущего императора того же имени. Его главной особенностью было необычайное умение и бессовестность в использовании лести. На вопрос Калигулы, не видел ли Вителлий, как император беседовал с Дианой, Вителлий ответил, что простым смертным, вроде него, не дозволено наблюдать за общением божеств. Однажды в присутствии Клавдия он попросил подарить ему одну из тувелек Мессалины. Императрица удовлетворила его просьбу, и он положил свое приобретение в грудь, а впоследствии, в подходящие моменты, доставал его и целовал самым преданным образом. Так он прочно закрепил за собой расположение Мессалины, а скромность его просьбы не понизила его в оценке ее мужа.

В апреле 47 года н. э. наступил праздник столетия основания Рима. Вителлий приветствовал императора, сказав: "Пусть ты часто повторяешь эти торжества". Во время игр произошел инцидент, который особенно заинтересовал Агриппину, соперницу Мессалины, и который вполне мог закончиться для нее плачевно. На одной из игр появились сыновья этих двух женщин. Британику тогда было шесть лет, а Нерону - девять; это было первое появление последнего на сцене, которую он впоследствии стал занимать с недостойными амбициями. По этому случаю народ был настолько невнимателен, что поставил Агриппину и ее сына в опасное положение, проявив к ним самую восторженную пристрастность, в то время как Британника принимали в том молчании, которое свидетельствовало о недоброжелательном отношении к его матери.

В это время Мессалина обдумывала предприятие, которое затмило все ее прежние подвиги и которое, как она, вероятно, думала, окончательно определит ее собственное будущее и будущее ее сына. Тацит рассказывает об этом так: "Она так горячо полюбила Кая Силия, красивейшего из римских юношей, что заставила его развестись с женой, Юлией Силаной, дамой высокого происхождения, и заполучила его к себе. Силий не мог не осознавать опасности и пагубности своего преступления, но, поскольку отказ от ее иска означал верную гибель, а надежды на то, что удастся обмануть Клавдия, и большие вознаграждения были ему обеспечены, он решил насладиться нынешними преимуществами и рискнуть тем, что может

произойти в будущем. Императрица действовала не скрытно, но часто ездила к нему в дом с многочисленным войском, постоянно сопровождала его за границу, осыпала подарками и почестями, и наконец, как будто состояние империи перешло к жене императора, в доме Силия теперь видели рабов, вольноотпущенников и снаряжение принца".

Все это время Клавдий, не зная о поведении своей жены, - что следует объяснить полным подчинением, в котором находились Мессалина и вольноотпущенники, - выполнял функции нравственного цензора и обличал народ в безнравственности его поведения. Какое зрелище для людей, не говоря уже о древних божествах, должно было представлять собой римское правительство тех дней! Легко увидеть связь между разнузданностью времени и упадком государства.

Мессалина, пресытившись самой разгульной и безудержной разнузданностью, перешла к поступку, пример которого не раз подавали императоры: она отреклась от Клавдия и соединилась брачными узами с Силием. Кай Калигула отстранил одну жену, чтобы освободить место для другой, без особых церемоний; но чтобы то же самое сделала женщина - это совсем другое дело. Тацит рассказывает: "Я понимаю, что покажется невероятным, чтобы кто-то из людей проявил такое безрассудство по отношению к последствиям; И что в городе, где все было известно и обо всем говорили, любой человек, тем более избранный консул, должен был встретиться с женой императора в установленный день, в присутствии лиц, призванных скреплять акты, и что она должна была выслушать слова авгуров, войти в дом мужа, принести жертву богам, сесть с гостями на брачный пир и во всех отношениях вести себя так, как будто ее отдали в совершенно законный брак. Но я не стал бы украшать свое повествование вымыслами, чтобы придать ему видимость чудесного, вместо того чтобы пересказывать то, что было сказано мне или написано моими старшими".

Есть основания полагать, что если бы это дело удалось, то оно не выглядело бы столь зверским в глазах тех, кто его описывал. Все дело окутано той тайной, которая часто характеризует сделки правителей. Суэтоний утверждает, что невозможно поверить в то, что сам Клавдий во время бракосочетания Мессалины с Силием действительно подписал бумаги, касающиеся ее приданого, руководствуясь желанием отвлечь от себя и переложить на другого действие некоторых дурных предзнаменований, касающихся мужа Мессалины. Но, учитывая суеверие того времени, которым в избытке обладал Клавдий, и хитрость, которой была наделена Мессалина, кажется вполне вероятным, что здесь кроется ключ к разгадке всей ситуации. Как предполагает Виктор Дюруа, Клавдий, робкий и доверчивый, несомненно, уверил себя в соответствии с формалистическими представлениями тех времен или был убежден другими, что судьбе будет угодно, чтобы брак был заключен в соответствии с юридическими формулами, но был союзом только по имени. Он рассчитывал, что таким образом спасет себя и в то же время его честь будет отомщена смертью Силиуса, тем самым исполнив прорицание.

Но у Мессалины и ее любовника были другие планы. Подействовав на страхи старого императора, она заставила его подписать письмо, чтобы впоследствии казалось, будто он дал согласие на собственное отречение. Предполагая свое юлианское происхождение, она, возможно, убеждала себя, что, вступив в брак с молодым патрицием и избранным консулом, они вместе смогут вырвать власть из слабых рук Клавдия и разделить императорское достоинство.

Пока император отсутствовал в Остии, бракосочетание было завершено. Брак был торжественно оформлен в надлежащей и пышной форме, включая все древние обряды. Силий мог притвориться, что вырывает безвольную невесту из объятий друзей, но желтая

свадебная вуаль не понадобилась, чтобы скрыть румянец, который мог бы заиграть на щеках Мессалины. О том, что церемония была проведена в надлежащей форме, можно судить по тому, что в ней принимал участие популярный актер Мнестер, вероятно, в качестве режиссера.

Если Мессалина рассчитывала на верность вольноотпущенников, дружбе которых она не раз доверяла свою безопасность, то она ошиблась: в этот раз они роковым образом предали ее. Когда Клавдий не направлял свою жену в ее собственных целях, он находился под контролем вольноотпущенников; каково было их положение при Силиусе - вопрос спорный. Нарцисс, самый активный из этих придворных, сразу же поспешил в Остию, взяв с собой Кальпурнию и Клеопатру, двух женщин, которые были свидетелями брака. Ему необходимо было основательно взбудоражить флегматичного императора и навлечь на Мессалину скорую гибель, иначе свершится его собственная гибель. "О браке стало известно, - сказал он. "Если ты не предпримешь срочных действий, Силий станет хозяином Рима". Он уговорил Клавдия на один день передать командование преторианцами себе. Он поспешил вернуть императора в город, приняв все меры, чтобы тот не остался наедине с друзьями Мессалины и чтобы ей самой не предоставили возможность личной беседы.

Такой неожиданности действий со стороны императора Мессалина и Силий не ожидали. Вместо того чтобы заняться энергичными приготовлениями, они тратили время на сладострастное веселье. Это был сезон сбора винограда, и весь Рим был вовлечен в обычное празднование сбора урожая. В садах дворца Мессалины разыгрывалась вакхическая сцена. Мужчины срывали виноград, и вино текло в бочки; женщины в скудных нарядах вакханок танцевали вокруг них; Мессалина с символическим тирсом в руке присоединилась к веселью в сопровождении Силия, увенчанного плющом. В этот день царила максимальная разнузданность в словах и действиях. Наконец Веттий Валенс, который сам был любовником императрицы, взобрался на вершину высокого дерева. "Что ты видишь оттуда?" - крикнул кто-то. "Я вижу", - ответил он, - "бурю, идущую из Остии". Это было пророчеством того, что вскоре должно было обрушиться на главных участников этой сцены. Слухи, за которыми быстро последовали курьеры императора, сообщили, что тот приближается в великом негодовании. Мессалина была немедленно покинута всеми. Весельчаки разошлись по своим делам, а Силий отправился на Форум, словно не думая ни о чем другом, кроме как о своих официальных обязанностях. Императрица, осознав наконец всю серьезность своего положения, начала готовиться к защите. Она видела, что ее единственная надежда - на легкий, колеблющийся нрав Клавдия; ей еще никогда не удавалось управлять им, и ее уверенность была велика. Отправив двух своих детей, Октавию и Британика, на встречу с отцом, она побудила Вибиция, начальника весталок, добиться аудиенции у императора и попросить у него прощения для своей провинившейся жены.

Покинутая всеми придворными, за исключением трех человек, Мессалина обошла город пешком; найдя на окраине одну из телег, на которых вывозили мусор улиц и садов, она села в нее и отправилась навстречу своему возмущенному мужу. Оказавшись в пределах слышимости императора, она стала призывать его выслушать мать его детей; но Нарцисс заглушил ее голос рассказом о ее преступлении и вложил в руки Клавдия бумагу со всеми прелюбодеяниями Мессалины, чтобы, читая ее, он не обращал глаз на свою жену. Вибиция умоляла императора не позволять уничтожить императрицу, не выслушав ее; но ее отослал вольноотпущенник, посоветовав заниматься своими обязанностями.

Если бы не поспешность, с которой Нарцисс довел это дело до рокового конца, Мессалина, вероятно, добилась бы помилования от своего любящего мужа. Правда, когда императора привели в дом Силия и показали ценную мебель, реликвии из его собственного дворца, он

был очень возмущен; он позволил отвести себя в лагерь, где произнес короткую речь перед солдатами и назначил их судьями преступников; но после роскошного обеда его добродушие или, скорее, безразличие вернулось, и он приказал слугам пойти и "познакомить несчастную женщину, чтобы завтра она могла отстаивать свое дело". Вольноотпущенник знал, что если Мессалина получит возможность поговорить с императором, то ее заманчивые приемы спасут ей жизнь, а Клавдий выступит против ее обвинителей. Поэтому Нарцисс поспешил вперед и приказал дежурному трибуну "приступить к казни", ибо таков, по его словам, был приказ императора.

Солдаты нашли Мессалину в саду Лукулла, лежащей на земле, а рядом с ней - ее мать Лепида, которая пыталась убедить несчастную дочь не ждать палача, а умереть достойно от собственной руки. Однако у женщины не хватало смелости сделать это. Временами она пересказывала матери речи, которыми надеялась оправдаться перед мужем, а затем предавалась упрекам и напрасным причитаниям. Так она вела себя, когда дверь распахнулась и перед ней появились солдаты и Нарцисса. Вольноотпущенник потакал своей злобе и осыпал ее дерзкими упреками. Тогда несчастная, приняв кинжал из рук матери, прижала его к груди, но не осмелилась ударить, и трибун из милосердия и справедливости отрубил ее мечом. Клавдию принесли весть, что "Мессалины больше нет"; не спрашивая, как она умерла и от чьей руки, он позвал чашу с вином и продолжил пир.

Силий не пытался оправдаться или защитить себя, а просто попросил о скорейшей смерти. Вместе с ним умерло несколько других прославленных рыцарей, проступок которых был схож с его, хотя и не столь публичен и не столь ужасен. Актер Мнестер решил спасти свою жизнь, напомнив императору, что именно по приказу последнего он был вынужден подчиниться приказам Мессалины; но хотя эта просьба вызвала у Клавдия некоторые колебания, она была отклонена безжалостными вольноотпущенниками. Так было и с Траулом Монтаном, молодым человеком удивительной красоты; он смог доказать, что лишь однажды его вызывали в апартаменты императрицы, а затем сразу же прогнали; однако эта доводка не спасла его.

В этой главе мы хотели показать, как в окружении искусства, в изысканном обществе, в то время, когда поэтическая и философская литература культивировалась повсеместно, женщины своими излишествами коснулись самой глубины нравственной испорченности. Все, что оказалось необходимым, - это собрать воедино отрывочные сведения, предоставленные древними историками, и составить представление об одном удивительном персонаже - Мессалине. Она была олицетворением женского порока. Она не была одиночкой, но в ней уникальным образом сочетались необычайная политическая власть, безграничные возможности для беззакония и неумеренная распущенность.

Но одной человеческой жизни недостаточно, чтобы продемонстрировать все возможные разновидности нравственной несдержанности. Мессалина умерла, и вместо нее воцарилась Агриппина. В дочери Германика проявился характер, сильно отличающийся от того, что был у женщины, о которой мы только что рассказали. Агриппина была менее распутна, но не более женственна. Мессалина приносила человеческие жизни в жертву капризу, Агриппина назначала людям смерть с холодным расчетом. Целью одной было удовольствие, целью другой - власть. Мессалина была самой недостойной матерью; Агриппина пошла наперекор всем женским инстинктам ради того, чтобы ее сын мог царствовать.

После смерти Мессалины Клавдий заявил перед преторианцами: "Поскольку я был несчастлив в своих браках, я решил впредь оставаться холостым; а если я этого не сделаю, то даю вам право заколоть меня". Но он не мог упорствовать в этом решении; было много женщин, которые ради того, чтобы носить имя императрицы, стремились к брачному союзу с

ним. Агриппина, однако, заняла это место сама, и она была интеллектуально самой сильной, а также одной из самых красивых женщин в Риме. Сейчас ей было тридцать четыре года. Поиск мужа не был для нее новым делом. В тринадцать лет ее выдали замуж за Кнея Домиция Агенобарба, но он умер в 40 году н. э., оставив ее с Нероном, их единственным ребенком. Вернувшись из изгнания в начале правления Клавдия, она попыталась заключить союз с влиятельным патрицием по имени Гальба, у которого в то время была жена; но за свои мучения она получила по лицу от свекрови Гальбы. Однако вскоре она вышла замуж за оратора по имени Пассиен, который отличался умом, богатством и добрым нравом. Он умер до того, как Агриппина возложила свои надежды на брак с Клавдием.

Агриппина решила стать императрицей, чтобы ее сын мог стать императором. За несколько лет до этого астролог сказал о мальчике, что он будет царствовать, но станет смертью своей матери. "Пусть я умру, - сказала она, - чтобы он мог царствовать".

Ее брак с Клавдием был бы незаконным и кровосмесительным, ведь он был ее дядей. Но Агриппина вызвала у императора желание сочетаться с ней лаской, которую давало ее родство, и благодушный сенат принял постановление, согласно которому отныне такие браки должны быть законными. Перед свадьбой Агриппина добилась обещания руки Октавии, дочери Клавдия от Мессалины, для своего сына, тем самым вдвойне укрепив свое положение; это было сделано несмотря на то, что Октавия уже была обручена с другим мужчиной. Получив таким образом возможность добиваться своего до брака, не удивительно, что после этого события Клавдий оказался полностью под властью своей жены. Тацит говорит: "С этого момента город приобрел другой характер, и всем управляла женщина. Однако она не стала, подобно Мессалине, глумиться и попираť интересы государства в своей развратной жизни. Деспотия, которую она осуществляла, была столь же основательной, как если бы ею руководил мужчина. В своем общественном поведении она была серьезной и строгой, часто надменной и властной. В домашнем поведении не наблюдалось никаких отклонений, если только это не было необходимо для поддержания ее власти; но ненасытная жажда денег скрывалась под предлогом их использования для поддержания императорской власти".

В качестве примера жестокости Агриппины можно привести тот факт, что она осудила Лоллию, которая была ее соперницей за руку Клавдия, и заставила несчастную женщину покончить с собой. Кальпурния, еще одна прославленная дама, также была обречена на гибель не иначе как за то, что император однажды вскользь заметил ее красоту.

Перед глазами Агриппины всегда стояла цель - воспитание сына; ради этого она жила и для достижения этой цели не жалела никаких перспективных усилий, будь то законные или иные. Благодаря влиянию Палласа, одного из любимых вольноотпущенников, она добилась того, что ее сын был принят императором как свой собственный, и историки утверждают, что в награду за эту услугу Паллас получил милости, принадлежавшие исключительно Клавдию. Шаг за шагом Нерону отдавали предпочтение, и в то же время сын Мессалины и императора был обесцenen. Британик, похоже, был мальчиком по духу. Поскольку он упорно называл ее сына Агенобарбом, Агриппина приставила к нему воспитателей, в обязанности которых входило научить его уважать постановление сената, по которому ее отпрыску было присвоено более почетное имя Нерон. Однако все шло не совсем так, как хотелось бы Агриппине. В лице Нарцисса она нашла почти такого же врага, как и Мессалина, и даже император был несколько неуверен в его благосклонности; однажды он услышал, как тот пробормотал что-то вроде того, что ему, похоже, суждено терпеть беззакония своих жен, а затем наказывать их. Нерону было уже семнадцать лет, и благодаря проницательной политике своей матери он не только был назван императором своим преемником, но и был

признан народом в качестве наследника; нужна была только смерть Клавдия, чтобы возвести его на императорский трон.

Новые желания порождают новые профессии. При деспотических правительствах жизнь некоторых лиц часто слишком затягивается по мнению других, преследующих свои собственные цели, и никогда не было недостатка в тех, кто в такой ситуации мог бы сделать себя чрезвычайно полезным. Во времена Агриппины жила женщина по имени Локуста, которая, как сообщает нам Тацит, была известной искусницей в смешивании лекарств. Ее мастерство, похоже, всегда было направлено не на излечение пациентов, доверенных ее заботам, а на их разумное избавление. Вышеупомянутый историк сообщает нам, что Агриппина позволила этой женщине применить свое искусство против Клавдия; и поскольку ни один другой писатель, близкий к той эпохе, не пытается очистить императрицу от этого обвинения, его следует отнести на ее счет. "На самом деле, - говорит Тацит, - все подробности этой операции были вскоре так хорошо известны, что писатели тех времен могут рассказать, как яд был налит в блюдо с грибами, которые он особенно любил; но то ли от того, что его чувства были одурманены, то ли от выпитого вина, действие яда не было сразу замечено". Агриппина пришла в смятение, но так как на кону стояла ее жизнь, она не думала об одиозности своих действий и призвала на помощь врача Ксенофонта, которого она уже втянула в свой преступный замысел. Считается, что он, словно желая помочь Клавдию в его попытках вызвать рвоту, засунул ему в горло перо, намазанное смертельным ядом.

После смерти Клавдия Агриппина обнаружила, что этот день был злополучным, и не решалась провозгласить своего сына. Поэтому факт смерти императора несколько часов держался в секрете. Народ был настолько напуган, что поверил в одобрение Клавдия и захотел развлечься. Были изготовлены буффоны, которые разыгрывали свои представления и шутили в присутствии трупа; императрица тем временем, притворяясь убитой горем, сжимала в объятиях юного Британника и заявляла, что он - точь-в-точь образ своего отца.

В полдень, тринадцатого октября 4 года, было объявлено о смерти Клавдия, и Нерон был принят солдатами с криками радости. Сенат подтвердил его вступление на престол, и той же ночью, когда трибун спросил нового императора о часах, тот ответил: "Лучшая из матерей".

Клавдий, если только не считать римских историков совершенно недостойными доверия, был убит своей женой; но, несмотря на этот факт, а также на то, что она презирала его при жизни, она поспешила предложить ему апофеоз, как только он умер. О том, как много значили для римлян эти божественные почести, воздававшиеся умершим членам императорской семьи, можно судить по сохранившимся фрагментам сатиры, написанной Сенекой в это время; сатира также свидетельствует о том презрении, в которое впала древняя религия. Сенека утверждает, что от того, кто видел, как Друзилла, сестра Калигулы, вознеслась на небо, он получил информацию о том, что произошло на Олимпе, когда туда прибыл "почтенного вида старик с трясущейся головой, хромой ногой и с какой-то угрозой на устах" [Клавдий]. Сенат Олимпа, несмотря на усилия Геракла по его защите, решил, что Клавдий не должен быть допущен.

После вступления Нерона на престол империи последовали пять лет, которые показались народу, привыкшему к самым ужасным ужасам под именем правительства, мудрым и праведным правлением. Нерон в определенной степени находился под влиянием Сенеки и Бурра, людей, которые, возможно, были хороши, как никто другой в их время. Надо отдать должное Агриппине, которая, по крайней мере, выбрала лучших людей, которых смогла найти, чтобы заняться воспитанием своего сына. Тем не менее, в течение этих пяти лет произошло ее собственное убийство и убийство Британника. После смерти последнего

Локуста, для которой Нерон нашел достаточно работы, получила разрешение уйти на покой и наслаждаться огромным богатством, которым она была вознаграждена за свои услуги власть имущим; однако было оговорено, что она должна обучать других женщин своему искусству.

Агриппина многое сделала и выстрадала, чтобы обеспечить империю своему сыну; но она никогда не предполагала, что он будет править один, пока она жива. Она рассчитывала занять трон рядом с ним. Ее официальное господство вскоре стало невыносимым для молодого императора. Он также попал под очарование прекрасной, но беспринципной Пoppеи, которая отказалась делить свой дворец с такой ревнивой и властной свекровью. Горько, должно быть, размышляла Агриппина, когда обнаружила, что не только разочаровалась в этой части своих амбиций, но и увидела, что ее сын с нетерпением ждет ее смерти. Действительно, он придумывал, как ее убить; но она, которая сама так хорошо разбиралась в способах убийства, не была легкой жертвой. Меч был слишком открытым способом, и считалось, что она подготовилась, приняв противоядия, против всех видов ядов. Но при дворе был гений. Аникет, бесправный раб, а ныне командующий флотом, мог построить судно, которое в любой момент могло разлететься на куски в море. Агриппину пригласили присоединиться к сыну в Байсе. Он был весь во внимании и, казалось, снова готов посвятить себя ее влиянию. Было предоставлено великолепное судно, чтобы доставить ее на виллу и обратно, где он устраивал развлечения. Когда она возвращалась по гладким водам, освещенная яркими звездами, крыша каюты, на которую был налит свинец, внезапно обрушилась, убив человека, принадлежавшего к ее экипажу. Агриппина и Акерония, ее сопровождающая женщина, спаслись от этой части заранее запланированного несчастного случая; но затем лодка расстроилась, и они были выброшены в море. Акерония, чтобы спастись, закричала, что она мать императора, и тут же была убита веслами и лодочными крючьями в руках экипажа. Однако ее хозяйка, сразу же заподозрив истинную природу происходящего, сохраняла спокойствие и плыла до тех пор, пока ее не подобрала проплывающие мимо лодки и не доставили на собственную виллу.

При мысли о смерти матери Нерон воскликнул: "Наконец-то я буду царствовать!" Но когда до него дошла весть о том, что хитроумно подстроенное кораблекрушение оказалось неудачным, его ярость не знала границ. В этот момент прибыл гонец от Агриппины с сообщением, что его госпожа спасена - она сочла благоразумным принять как должное, что ее сын не причастен к покушению на ее жизнь. Пока гонец говорил, Аникет подобрал с пола кинжал и сделал вид, что тот выронил его; тогда было объявлено, что Агриппина, должно быть, послала его убить ее сына. На виллу Агриппины сразу же отправили отряд людей. Они ворвались в ее опочивальню. "Если вы пришли с целью убийства, - кричала она, - я не поверю, что это сделано по приказу моего сына". С многочисленными ранами она была быстро удалена.

На сохранившихся бюстах и медальных портретах Агриппины мы видим лицо, поражающее утонченностью характера. Глядя на это лицо и вспоминая обвинения, которые были выдвинуты против нее, мы, естественно, склонны выступить в ее защиту. Невозможно представить, что она могла быть виновна в этих преступлениях; да и в другое время и при других обстоятельствах это было бы невозможно. Не развращенная воля, как у Мессалины, привела Агриппину к принятию дурных решений. Причин было несколько. Она была горда, у нее была ненасытная жажда власти; кроме того, ее непреклонная воля была целиком направлена на то, чтобы посадить своего сына на императорский трон. Если бы она жила в то время, когда насильственные меры были недопустимы, ее методы, вероятно, были бы более гуманными; но ее амбиции, несомненно, были бы столь же велики, а решимость столь же

упорна. В ее эпоху убийство было обычным способом расчистить путь к награде. В ее время женская скромность была качеством, которое почти невозможно сохранить, и мало ценилось в тех немногих, кто ее сохранил. Оправдать Агриппину в убийстве и безбрачии означало бы не только нарушить историю, но и приписать императрице невинность, которой она по природе дела обладать не могла.

Х

ЖЕНЩИНЫ УПАДОЧНОГО РИМА

В тот период, о котором мы сейчас говорим, подавляющее большинство жителей Рима уделяло свое внимание одному всепоглощающему занятию - развлечению. Богатым было нечем заняться; основные занятия бедняков способствовали этому. Никогда в истории мира нация не была так полностью отдана удовольствиям. Производство почти полностью ограничивалось теми занятиями, целью которых было экстравагантное снабжение роскошью искусства и развлечений; предметы первой необходимости, такие как пшеница, вымогались в провинциях. Сельское хозяйство стало почти неизвестным в Италии. Богатые люди больше не гордились своим умением обрабатывать землю, как патриции времен великой республики; их вкусам больше соответствовало и было выгоднее заниматься сельским хозяйством. "Мы передали заботу о нашей земле самым низким из наших рабов, - говорил Колумелий, - и они обращаются с ней, как варвары. У нас есть школы риторов, геометров и музыкантов. Я даже видел, где обучают самым низким ремеслам, например, искусству готовить или укладывать волосы; но нигде я не нашел для сельского хозяйства ни учителя, ни ученика. Между тем даже в Лациуме, чтобы избежать голода, мы должны привозить кукурузу из чужих стран, а вино - с Киклад, из Боэтики и Галлии". Земля стала почти полностью принадлежать тем немногим, кто был очень богат. Их интересы лежали в Риме. До страны им не было никакого дела, за исключением того, что она предоставляла им роскошные убежища, где они могли на короткое время восстановить свои истощенные силы после городской суеты. Свою землю они отдавали под пастбища и скотоводство, поскольку это было выгоднее и требовало меньше забот, чем обработка земли. Таким образом, в деревне у бедных вольноотпущенников не было ни работы, ни средств к существованию; поэтому они стекались в города, заполняя жалкие *insulæ*, или доходные дома, и завися в основном от бесплатной раздачи кукурузы. Однако масса людей тянулась в Рим и другие крупные итальянские города не только из-за желания участвовать в лихорадочной жизни того времени, но и из-за отсутствия работы в деревне. Это были люди, которые развлекали Нерона, сражаясь за места в Большом цирке; это были люди, которые вопили о хлебе и играх, а в награду за достаточное их количество поддерживали тиранов в их чудовищных излишествах. Если вспомнить, что весь домашний труд, а также все работы, относящиеся ко многим другим отраслям промышленности, выполнялись рабами, то поневоле приходится предположить, что пролетариату Рима мало чем можно было себя занять, кроме публичных выставок и питейных заведений, которых существовало огромное количество; огромное

количество мужчин, однако, требовалось для огромных армий, которые гарнизоновали провинции.

О домашней жизни простых жителей Рима у нас есть лишь самые скудные сведения. Мы знаем, что они жили в огромных доходных домах, в которых небольшие квартиры сдавались в аренду по завышенным расценкам. Ведение домашнего хозяйства в этих домах должно было быть очень простым, так как один из комических писателей изображает бедную семью, переезжающую в другие кварталы и несущую все свое имущество в руках за одну поездку. Выходившие оттуда мужчины носили *тогу* римского гражданина, пусть и изорванную, но не имевшую никакого другого значения, кроме того, что ее носители не были рабами. У этих людей было мало занятий, кроме как бродить по городу в поисках развлечений и возможности подзаработать любым доступным способом. Конечно, существовали ремесла и торговля, мастерские и магазины, но рабство делало невозможным для значительной части безбедных граждан Рима зарабатывать на жизнь собственным трудом. Армия безработных была больше, чем можно увидеть в наших современных городах. И все же римское правительство, облагая данью весь цивилизованный мир, не давало гражданам Рима умереть с голоду. Для женщин, помимо простых домашних обязанностей, поле честной деятельности было еще более ограниченным. Их нанимали в качестве профессиональных плакальщиц, чтобы петь заубойные песни на похоронах; они могли заниматься несколькими механическими ремеслами, например ткачеством; могли держать лавку. Изредка встречались женщины с исключительным талантом, которые получали большие доходы за счет декоративного искусства; среди настенных рисунков Помпеи есть один, на котором изображена женщина-художница, занятая написанием на холсте фигуры Вакха со статуи, служившей ей моделью. Мы читаем об Ие, которая, хотя и была гречанкой, жила в Риме и о которой Плиний говорит, что она очень преуспела в написании портретов и особенно в гравировке женских фигур на слоновой кости. Одна матрона нашла себе уникальное занятие: она ежегодно зарабатывала большие суммы, откармливая и продавая дроздов для столов эпикурейцев. Но большинство женщин, которым удавалось зарабатывать на жизнь, делали это благодаря своей привлекательности и служению сладострастию богачей, выступая в роли арфисток, танцовщиц и занимаясь другими, еще более сомнительными занятиями.

Во время правления Нерона не было серьезных войн. Старая римская страсть к территориальной экспансии была утихомирена. Власть была сосредоточена в руках человека, чьи амбиции были скорее гистрионскими, чем военными. Нерон был отчасти актером, отчасти клоуном, полностью развращенным; чего можно было ожидать от соратников такого человека или от людей, которые его терпели? Если верно, что каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает, то офицеры и народ Римской империи времен Нерона должны считаться подчиненными и второстепенными в нелепом бурлеске, который часто переходил в безумную трагедию. Путь к благосклонности императора лежал не через победоносные схватки с врагами государства, а через бурные аплодисменты его собственным нелепым представлениям в театре и цирке. Нерон никогда не входил в Рим с военным триумфом, как его предшественники, за которым следовали повозки, набитые награбленным добром, и вереница пленников, грозных для государства; он довольствовался тем, что получал короны от развращенного народа, который лицемерно восхищался его голосом и игрой, и триумфально входил в Рим в качестве победителя на Греческих играх. "Он въехал в город на той же колеснице, на которой триумфовал Август. По этому случаю он надел пурпурную тунику и плащ, расшитый золотыми звездами, на голове у него была корона, завоеванная в Олимпии, а в правой руке - та, что была дана ему на Парфянских играх; остальные награды несли перед ним в процессии, с надписями,

обозначавшими места, где они были завоеваны, у кого и в каких спектаклях или представлениях. За ним с громкими восклицаниями следовала целая толпа, крича, что это сопровождающие императора и воины его триумфа. В своих покоях, у своих кроватей, он повесил священные короны, воздвиг свои статуи в одеянии арфиста и в таком же одеянии отчеканил свое изображение на монетах. Он предлагал свою дружбу или открыто враждовал со многими, в зависимости от того, как щедро или скупое они одаривали его своими аплодисментами". Так римский историк описывает порядки того дня, и по ним мы можем судить о среде главных женщин Рима тех времен.

Добродетель и женское достоинство были малозначимыми качествами во времена Нерона. Придворные дамы могли добиться и удержать свое положение только с помощью личной привлекательности и участия в излишествах, из которых были искоренены все остатки добродетели. Проституция вошла в моду. Можно отнестись к Мессалине с пониманием, не была ли она просто уродом природы. Агриппина была чудовищно честолюбива и безжалостна, как тигрица, которой угрожают молодые; но она использовала единственное средство, которое позволяло ее время. В Поппее же мы видим типичную женщину упадочного Рима - с обычным интеллектом, сладострастную и лишенную естественных привязанностей.

Поппея была дочерью той красивой, но распутной дамы с тем же именем, которую Мессалина заставила искать смерти от собственной руки. В данном случае наследственность оправдала себя: к дочери перешли не только прелестные черты лица, но и распутные принципы, характерные для матери. "Эта женщина, - говорит Тацит, - обладала всем, кроме честного ума. Ее богатство соответствовало достоинству ее рождения; она вела увлекательную беседу и не была обделена остроумием. Внешне она соблюдала приличия, но в душе была распутна; она редко появлялась на людях, а когда появлялась, то надевала вуаль, то ли потому, что не хотела бросаться в глаза людям своей красотой, то ли потому, что считала, что вуаль ей к лицу". О ней говорят, что она использовала все известные в то время рецепты - а их было очень много - чтобы предотвратить те изменения, которые сделает возраст. Выходя на улицу, она закрывала лицо маской, чтобы защитить его от солнца; и когда наконец зеркало сообщило ей, что прелести этого лица начинают ослабевать, она воскликнула: "Пусть лучше я умру, чем потеряю свою красоту!" - желание отнюдь не противоестественное, ведь в игре, в которую она так отчаянно играла, ее красота была ее единственной ставкой. Нерон женился на ней исключительно из-за ее красоты. Супружеская верность, которая выдерживает испытание годами, тогда не была распространена, и закон не принуждал к ней нежелающих. Ювенал, несомненно, правдиво изобразил раздоры, которых приходилось опасаться женщинам вроде Поппеи:

"Серторий то, что я говорю, опровергает,

Ибо, хоть Бибула его бедна, он любит.

Верно! Но взгляните на него, и, клянусь жизнью, вы увидите, что он любит красоту,

ты увидишь, что он любит не жену, а красавицу.

Пусть только морщинка на лбу ее появится,

И время затуманит блеск ее глаз;

Пусть только влага покинет ее дряблую кожу,

Пусть почернеют зубы и поредеют щеки;

И вы услышите, как оскорбительный вольноотпущенник скажет:

"Собирайтесь, мадам, и уходите!

Нет, суетитесь, суетитесь; вот вы и обижаетесь,

и днем и ночью; задирай свой нос!"

У нас нет достоверного представления о внешности Пoppей. Существуют медали с ее предполагаемым портретом, в частности греческая монета с головой Нерона на одной стороне и головой его жены на другой; но поскольку первая, безусловно, не является хорошим подобием, разумно предположить, что и вторая не лучше. Ее лицо, как оно изображено здесь, представляет собой идеальный греческий тип - прямые брови и нос почти на одной линии со лбом. Существует также бюст, который, по мнению студентов-археологов, может представлять либо мифическую Клитию, либо знаменитую жену Нерона. Говорят, что ее волосы были удивительно красивы. Они были очень обильными и имели золотисто-янтарный цвет. Нерон слагал по ним стихи.

Между Пoppей и императорским тронem, который она очень быстро проявила желание разделить, стояли серьезные препятствия, которые в более добродетельные времена или среди женщин, обладающих хоть малейшей скромностью, были бы совершенно непреодолимы; но в те времена для правителей Рима не было ничего невозможного, кроме самообладания ради чести. Нерон был женат на Октавии, дочери Мессалины и Клавдия. Пoppей также была замужем. Она была разведена с Руфом Криспином, римским рыцарем, которому родила сына, и теперь сочеталась браком с Отхо, распутным наперсником молодого императора. Есть основания полагать, что Отхо любил свою беспринципную жену. Она была самым ценным сокровищем в его роскошно обставленном доме. Он хвастался ее красотой перед Нероном и возбуждал гордость и страсть молодого правителя, говоря ему, что, хотя он и император, он не может соперничать со своим подданным в обладании таким примером женской красоты. Он даже разрешил Нерону навестить свою жену, но в своем самолюбии не рассчитывал на результат. Отто содержал Пoppей в неумеренном великолепии, но он не был императором. Он мог дать ей неисчислимые богатства, но не мог сделать ее владычицей мира. Пoppей увидела свою возможность. Она обрушила на Нерона всю силу своего кокетства; она намекнула, что поражена его любовью; она позволила ему льстить себе, что он завоевал ее. Но она не хотела слышать ни о чем, кроме брака. Нерон был у ее ног; но, достигнув своей цели, она не желала слушать никаких уговоров, пока он не устранил все препятствия для их союза. Она будет императрицей или никем. Используя свою красоту в качестве приманки, она подтолкнула Нерона к совершению самых отвратительных преступлений. Агриппина была убита из-за того, что Пoppей насмеялась над Нероном, что он находится под опекой гувернантки. "Почему он медлил с женитьбой на ней?" спрашивает ее Тацит. "Были ли у него претензии к ее персоне или к ее происхождению? Или он был недоволен тем, что она предоставила доказательства своей плодовитости? Сомневался ли он в искренности ее привязанности? Нет; истина должна заключаться в том, что он боялся, что если она станет его женой, то разоблачит наглость и хищность его матери. Но если Агриппина не захотела выносить невестку, которая не была бы яростной противницей ее сына, она пожелала, чтобы ее отправили к Отто. Она была готова удалиться в любой уголок земли, лишь бы не видеть, как деградирует император". Отто, чтобы быть подальше от дороги, был назначен губернатором Лузитании.

Прошло некоторое время после смерти Агриппины, прежде чем Октавия была устранена, сначала отречением, а затем смертью. У нас будет повод рассказать о характере этой достойной женщины в одной из последующих глав. Тем временем императору не пришлось

ждать милостей от Пoppей. Он полностью попал под ее влияние, но воспоминания об угрызениях совести, охвативших его после убийства матери, на какое-то время удержали его от того, чтобы добавить к этому преступлению еще одно, столь же жестокое. Однако Пoppей вновь хитроумно подействовала на его страхи, внушив, что если он не восстановит Октавию, которую он ненавидел, в качестве императрицы, то народ даст ей другого мужа, которого они сделают императором. Это стало гибелью Октавии; вскоре после этого ее голову привезли в Рим и положили к ногам ее бесславного преемника. Пoppей наконец-то стала императрицей как по имени, так и по сути; когда она подарила Нерону дочь, он высмеял этот титул, назвав ее, как и ребенка, Августой. Но малышка вскоре умерла, и сенат был вынужден утешить отца, постановив, что его младенческая дочь стала богиней.

Все историки сходятся во мнении, что после связи с Пoppеей Нерон испортился в своем характере или, по крайней мере, в поведении. Влияние женщины, казалось, выявило и поощрило все худшее, что было в нем. Для Пoppей, однако, это было компенсацией; ее главная выгода, по ее собственной оценке, может быть лучше всего представлена дворцом, который построил Нерон. Ее мало заботила политическая власть; императорское величие притягивало ее. Конечно, никогда еще желание женщины в этом отношении не было удовлетворено так полно, как у жены Нерона! Он построил себе дом, предварительно разрушив множество других, чтобы подготовить место для строительства. Автор книги *"Рим сегодня и вчера"* пишет: "Именно на дворец для императора Северус и Целер, первые архитекторы, упомянутые в римской истории, потратили все ресурсы его безграничного богатства и свое мастерство. Утверждение о том, что Золотой дом простирался на площади почти в квадратную милю в самом центре города, кажется настолько экстравагантным, что если бы от него не оставались остатки на значительной части этой территории, то утверждение старых писателей об этом не выглядело бы достойным веры." Под Золотым домом, разумеется, не подразумевается одно сплошное здание, но было ограждение из трех колоннад, каждая длиной в милю, и входного портика, несколько более узкого, на стороне, противоположной Форуму. Внутри этого ограждения находились большие дворы, напоминающие парки, фонтаны и пруды, а также жилые дома и бани. "Частично, - говорит Суетоний, - этот дом был полностью покрыт золотом и украшен драгоценными камнями и перламутром. Залы для ужинов были сводчатыми, а потолки, инкрустированные слоновой костью, вращались и рассыпали цветы; кроме того, они были снабжены трубами, из которых на гостей проливались благовония. Главный пиршественный зал был круглым и постоянно вращался днем и ночью, подражая движению небесных тел. Бани снабжались водой с моря и из Альбулы. На посвящении этого великолепного дома, когда он был закончен, Нерон лишь одобрительно сказал: "Ну вот, наконец-то я разместился, как подобает мужчине!"

Среди этого великолепного великолепия жила Пoppей. Мы стараемся как можно подробнее описать ее образ жизни, чтобы знать, каким было идеальное существование в представлении большинства женщин ее времени.

Главной заботой Пoppей, как и всех женщин того времени, которых возраст или природа не избавили от этой обязанности, было сохранение красоты. Римские авторы безжалостно обнажили методы и тайны, к которым прибегали их дамы для этой цели. Никаких мук и неудобств не избегали, чтобы сохранить свежесть цвета лица, которая в рассеянной жизни дворца была склонна быстро исчезать. Считается, что Пoppей изобрела множество косметических средств и средств для умывания лица, и особенно маску, которую носили на ночь, состоявшую из теста, смешанного с оленьим молоком; а для удаления морщин надевали другую маску, состоящую из риса. Ювенал высмеивает вид дам с закрытыми таким образом лицами, "смешными и распухшими от большой припарки". Он предполагает,

что то, что так часто разжигается, мажется столькими мазями и получает столько припарки, должно считаться скорее болячкой, чем лицом. Считалось очень важным, чтобы эти припарки смывались молоком ослицы, и старые авторы утверждают, что Поппея держала большие стада этих животных, чтобы каждый день купаться в их теплом молоке. Римские дамы были не прочь помочь природе в укреплении их очарования; они с художественным эффектом использовали белые и красные краски. Их обычно смачивали слюной, возможно, из-за римского суеверия относительно эффективности люстрации. Брови и ресницы часто красили; женщины так старались оказать природе посильную помощь, что даже тонкие вены на висках усиливали свой эффект слабым прикосновением голубого цвета. Зубам всегда уделялось самое пристальное внимание. Римским красавицам было известно множество паст и порошков. Искусственные зубы из слоновой кости использовались с глубокой древности, ведь в законах Двенадцати таблиц был один пункт, запрещающий класть золото в могилы умерших, за исключением материала, используемого для крепления вставных зубов. "Ты завиваешь волосы, Галла, - говорит Ювенал, - у парикмахера на улице Субурра, и каждое утро тебе приносят брови. Вечером ты удаляешь зубы, как и платье. Ваши прелести заключены в сотню разных горшочков, и ваше лицо не ложится с вами в постель". О дороговизне нарядов этих римских дам известно множество примеров. Они носили шелк, который продавался на вес золота. Муслин был настолько прозрачным, что его называли "сотканым воздухом". Туники были украшены фигурами, вышитыми золотой нитью, и инкрустированы жемчугом и драгоценными камнями. Плиний рассказывает, что видел Лоллию Паулину в платье, которое с головы до ног было усыпано изумрудами и жемчугом. Она принесла с собой квитанции, свидетельствующие о том, что на ней было надето платье стоимостью в сорок миллионов сестерций; и это было не самое лучшее ее платье, поскольку повод был всего лишь второсортным пиром по случаю помолвки. На развлечении, устроенном Клавдием на Фуцинском озере, Агриппина была одета в одежду, полностью сотканную из золотых нитей.

Женщины времен Поппеи, похоже, были прекрасно осведомлены о пользе физических упражнений. Агриппина, как мы видели, умела плавать с не меньшим мастерством, чем Клоэлия древних времен. Действительно, Ювенал изображает, как женщины ломают лед и погружаются в реку в глубине зимы, а на рассвете ныряют под вихри Тибра. Однако это происходило по религиозным и умиловительным причинам. Тот же сатирик с явным неодобрением отзывается о женщинах, упражняющихся с тяжелыми гантелями так же, как и мужчины, готовясь к бане. Очевидно, что в этот век женщины считали своим правом участвовать, насколько это позволяла природа, в занятиях и привилегиях мужчин; так же как были мужчины, которые, выходя за рамки, установленные природой, узурпировали положение, принадлежащее женщинам.

Мы уже говорили о бане; поскольку она занимает столь важное место в жизни римского города и является хорошей иллюстрацией - хотя и самой невинной - роскоши того времени, не будет лишним уделить немного места ее описанию.

Золотой дом и многие дворцы богачей содержали бани, которые, хотя и не были столь масштабными, как общественные *термы*, несомненно, были оборудованы еще более роскошно. Однако для примера мы возьмем общественные бани. В период ранней Республики римляне, хотя и отличались скрупулезной чистоплотностью, как того требовало тепло их страны, довольствовались мытьем в Тибре. Каждый девятый день считался достаточным для полного погружения в воду. По мере развития цивилизации в домах стали устанавливать ванны, и ежедневное купание перед вечерней трапезой стало обычным делом. Первый акведук для подачи воды в город был построен Аппием Клавдием около 310

года до нашей эры. Впоследствии было построено еще семь или восемь, в частности, Агриппа; так что ни один город не был обеспечен водой лучше, чем Древний Рим. Это сделало возможным появление общественных бань, которые рано появились и которые, должно быть, были таким благом для людей. Поначалу эти бани служили исключительно для омовения и не были столь величественны и социально значимы, какими они стали впоследствии. Сенека рассказывает, что поначалу эдилы следили не только за приличием купальщиков, но и за температурой в банях. При Августе эти общественные заведения стали отличаться тем великолепием строения, которым восхищались все императоры. В разных частях города было возведено множество таких зданий; их насчитывается до восьмисот. Некоторые из них поражали не только своими размерами, но и дороговизной материала и художественным оформлением. Бани Каракаллы были украшены двумя сотнями колонн из тончайшего мрамора и обставлены шестнадцатью сотнями сидений из мрамора, и говорят, что в них могли с удобством купаться одновременно восемнадцать тысяч человек. Однако по размерам и великолепию их превосходили Термы Диоклесиана. Дарение этих сооружений было одним из средств, с помощью которых императоры поддерживали свое расположение к народу. За небольшую сумму гражданин любого уровня мог отправиться на эту сцену великолепия и роскоши, где толпы рабов заботились о его комфорте в стиле, который мог бы вызвать зависть у самого гордого восточного монарха. Помимо различных видов горячих и холодных ванн, бассейнов и т. д., здесь были величественные портики для игр и упражнений, гимнастические залы, великолепные галереи для выставки образцов живописи и скульптуры, а часто и библиотеки, где ученые могли отдохнуть и почитать после освежающей роскоши ванн. Собственно ванные комнаты дублировались в каждом заведении: одна часть была открыта для мужчин, другая отведена для женщин. Есть, однако, намек на то, что во времена правления некоторых из худших императоров эти правила не всегда строго соблюдались. Если только латинские авторы не преувеличивают свои собственные времена, не было ничего неизвестного в том, что в частных банях дворцовых резиденций и мужчин, и женщин обслуживали рабыни противоположного пола.

Снисходила ли Пoppея до того, чтобы пользоваться общественными банями, выяснить невозможно. Однако несомненно, что императоры часто присоединялись к толпе во время занятий спортом и омовений. Каждый день в два часа дня звон колокола возвещал об открытии бань. Все шли туда; это было общее место для сплетен, отдыха и развлечений. Авторы часто читали в банях свои новые произведения тем из толпы, кто желал слушать. Значительная часть дня проходила таким образом. Перед тем как принять ванну, предавались физическим упражнениям, излюбленной формой которых была игра в мяч. Затем шли в *калдариум*, где горячий воздух подавался по трубам, ведущим из печи в подвале; далее следовал *тепидариум*, за которым всегда следовало погружение в холодную воду. Во время купания кожу растирали или скребли серебряным инструментом под названием *стригула*. В завершение туалета римляне натирали тело пахучими мазями и, освеженные и намазанные, отправлялись на пир.

В первые дни Республики блюда готовились с особой тщательностью, но в них не было ни пышности, ни искусства. На столе появились первые признаки азиатской роскоши; деликатность и изобилие доходили до крайности, что приводило к расточительности и обжорству. Повар, который в древности был самым низким из рабов, стал самым важным служащим в заведениях богачей; то, что сначала было лишь низким и необходимым занятием, превратилось в сложное и высоко ценимое искусство. Цена повара, говорит Плиний, оценивалась в сумму, которой раньше хватило бы на триумф, а рыба покупалась по цене, которую в древности платили за повара.

Приготовление пищи для банкетов, похоже, было скорее уделом хозяина римского дома, чем хозяйки. В этом отношении существует большой контраст между положением римской матроны и современной леди; ответственность за развлечение гостей не лежала так своеобразно на первых, как на вторых. Мы часто читаем о мужских банкетах, на которых ни словом не упоминается жена, а ведь это были обычные случаи, когда ее присутствие не вызывало сомнений. Гости обычно приглашались исключительно от имени хозяина. В рассказе Петрония о пире Тримальхиона один из гостей спрашивает другого, кто та женщина, которая так часто бегает по комнате. Ему отвечают, что это Фортуната, жена Тримальхиона, что она считает деньги по бушелям, но что у нее везде есть глаз, и когда вы меньше всего думаете встретить ее, она оказывается у вашего локтя. Похоже, что ее склонность к мелкому управлению была сильнее, чем любовь к развлечениям, потому что другой посетитель, пришедший позже, спрашивает: "Почему Фортуната не сидит среди нас?". Хозяин отвечает: "Пока она не соберет свою тарелку и не распределит между слугами то, что мы оставляем, ни одна порция не попадет ей в горло". Но о том, что это было необычно, свидетельствует угроза дознавателя уйти, если хозяйка не сядет с ними.

В другом месте мы уже описывали римскую столовую, или *триклиний*. Несомненно, в Золотом доме было много таких великолепных салонов. Лукулл, известный своими огромными расходами, на которые он жил, назвал каждый из своих многочисленных обеденных залов именем какого-нибудь божества, и каждый зал имел определенную стоимость, по которой в нем давались развлечения; таким образом, когда он приказывал своему управляющему приготовить банкет в определенном салоне, слуга точно знал, что нужно предоставить и за какую цену его хозяин желает развлечься. Рассказывают, что Цицерон и Помпей однажды встретили Лукулла на Форуме и пригласили себя к нему на ужин. Они заявили, что хотят разделить с ним трапезу, которую он сам принял бы, если бы был без компании, и не позволили ему давать никаких указаний слугам, разрешив лишь приказать своему управляющему приготовить стол в триклинии Аполлона. Тот точно знал, что делать, и ужин стал большим сюрпризом для гостей, ведь банкет в этом зале никогда не обходился менее чем в пятьдесят тысяч драхм [почти девять тысяч долларов].

Чтобы получить как можно более полное представление о жизни римской женщины, мы должны вообразить один из тех банкетов, которые она посещала в реальности.

Войдя в обеденный зал, мы замечаем, что вокруг стола - или столов, так как их будет много, если компания большая, - вместо стульев стоят кушетки с обилием мягких подушек. Эти кушетки расположены по трем сторонам стола, так как у римлян был обычай откидываться во время трапезы. Когда этот обычай был впервые завезен из Азии, женщины не считали, что принятие нового стиля соответствует их скромности, и до конца Республики они сохраняли старую привычку сидеть за столом, в то время как мужчины лежали на кушетках; но во времена Поппеи женщины полностью отказались от этого пережитка своей прежней щепетильности в поведении и привыкли следовать привычке, к которой их готовила вялость, вызванная баней, и которая делала эти продолжительные пиры необходимыми для комфорта.

Заняв свои места за столом, мы прежде всего обращаем внимание на то, что все рабы, передвигаясь по комнате с различными поручениями, поют низким голосом. Таков обычай дома; на пиру все должно происходить под звуки музыки. Все гости получают корону или венок из цветов, который носят на голове во время пира. Розы можно увидеть повсюду в большом изобилии. Сначала нам подают несколько блюд, призванных скорее возбудить, чем успокоить аппетит; они состоят из дормисов, обмазанных медом и перцем, горячих колбас и большого паньера, наполненного белыми и черными оливками. На блюдах, в

которых подаются эти яства, мы отмечаем не только имя хозяина, но и количество унций серебра, из которого сделана посуда. Римляне всегда стремились к показной демонстрации совершенства.

Банкет всегда должен начинаться с яичницы; поэтому, откушав немного вышеупомянутых лакомств, чтобы утолить голод, приступают к трапезе. Вносят стол, на котором мы видим большую курицу, вырезанную из дерева, сидящую, как на гнезде. Рабыни роются в соломе и приносят яйца, которые раздают всем желающим. Хозяин, осмотрев эти простые предметы питания, говорит, что велел положить их на короткое время под курицу, но боится, что они наполовину вылупились. Как раз в тот момент, когда мы склонны отложить свой, мы обнаруживаем, что то, что кажется скорлупой, не что иное, как паста, и, вскрыв ее, находим внутри изысканно приготовленную маленькую птичку вида wheatear. Мы должны быть готовы к таким кулинарным сюрпризам. Затем звучит музыка, и рабы убирают со стола, танцуя, а не ходя. Если рабыня уронит ценное блюдо, ее не будут так сильно ругать за потерю, как если бы она остановилась, чтобы подобрать осколки, как будто потеря имеет значение. Теперь приносят вино. Оно находится в запечатанных стеклянных сосудах, на каждом из которых наклеена этикетка с указанием возраста винограда. Вина много, его даже передают нам вместо воды, в которой мы омываем руки.

Теперь подают блюда, поражающие своим разнообразием, а чудесные выдумки повара не поддаются описанию. Вот огромная серебряная подставка, вокруг которой вырезаны знаки зодиака; на каждом знаке - что-то соответствующее ему, либо в реальности, либо в виде изображения в тесте: омар, гусь, два пильдара и т. д. Есть великолепная рыба, а по бокам блюда - четыре маленькие картинки, из которых льется восхитительный соус.

Должно быть и то, что нас развлечет, ведь банкет будет долгим, и есть предел еде. Наступает длительный перерыв, во время которого труппа актеров, как женщин, так и мужчин, занимает свои места в нижней части зала, оставленной для этой цели свободной, и разыгрывает фарс, высмеивающий глупости времени и вызывающий у нас смех. Другие женщины играют на арфе; некоторые демонстрируют свое чудесное акробатическое мастерство; а одна девушка, одетая в шелковый халат, который больше открывает ее лицо, чем скрывает, исполняет танец, который поражает как своей грацией, так и нескромностью. Мы можем радоваться, что нас не угощают гладиаторским боем, как это иногда случалось в этом же доме.

После завершения этих развлечений перед нами ставят огромное блюдо, а в нем - огромного кабана. На его бивнях висят две корзины, одна наполнена финиками, другая - миндалем. Около него - маленькие свиньи, сделанные из сладостей. Это подарки, которые мы должны унести с собой, ведь по обычаю мужчины на пиру должны отнести часть еды домой тем женщинам из их семей, которые не присутствовали на нем. К нашему великому изумлению, когда слуга проделывает в боку этого кабана отверстие, как бы для того, чтобы вырезать его, оттуда вылетает несколько черных дроздов, которые продолжают порхать по комнате, пока их снова не поймают.

Пока мы коротаем время за вином и беседуем с присутствующими дамами, на стол приносят большого и целого борова. После этого наш хозяин, внимательно осмотрев животное, выражает уверенность, что его не обезглавил повар. За ним посылают офицера, и он признается, что в спешке забыл об этой части приготовления. Его приказывают выпороть, и палачи готовятся исполнить приказ на месте, в присутствии всех нас; но женщины просят его пощадить, и хозяин довольствуется тем, что приказывает ему закончить свою работу там, на столе. Тогда повар берет нож и разрезает свиное брюхо, и оттуда тут же вываливается груда

аппетитных колбасок разных сортов и размеров. После этого все рабы радостно приветствуют своего хозяина, а повару делают серебряный подарок.

Пока мы обсуждаем этот и другие интересные эпизоды пиршества, потолок дает сильный треск, и, когда мы в тревоге смотрим вверх, главная балка раздвигается посередине. Появляется большое отверстие, из которого спускается огромный диск, а на нем висит множество красивых подарков для гостей, а также фрукты разных видов, которые при прикосновении источают восхитительные жидкие духи.

Так, за едой и разговорами, за созерцанием этих чудес и разнообразных представлений артистов, пир, начатый ранним вечером, продолжался до глубокой ночи. Вино лилось без остановки, и его эффект был замечен в компании. Присутствующие дамы предавались удовольствиям почти так же свободно, как и мужчины. Языки развязались, рассказываются истории и делаются намеки, которые могли бы вызвать румянец на некоторых щеках, если бы они еще не покраснелись от вина. Праздник, скорее всего, закончится весельем. Мужчины снимают венки из цветов с голов женщин и окунают их в вино, которое затем выпивают в знак галантности. В актерах и артистках больше нет необходимости; гости-мужчины играют шутов, а матроны, отбросив свои одеяния, танцуют, хотя, возможно, с меньшим изяществом и уж точно не более скромно, чем нанятые для этой цели профессиональные женщины. Над теми, кто впал в пьяное оцепенение, разыгрываются шутки. Одни горланят вакхические песни, другие громко спорят о политике, высказывая мнения, за которые, возможно, в другой день им придется отчитываться перед императором; третьи дерутся, а четвертые беседуют с женщинами в столь безудержной манере, что не остается места для удивления по поводу многочисленных брачных перестановок, характерных для этих времен.

РИМСКИЙ БАНКЕТ

По картине Альберта Баура

Вокруг столов, вместо стульев, стоят кушетки с обилием мягких подушек. Эти кушетки расположены по трем сторонам стола, так как у римлян был обычай откидываться во время трапезы. Когда этот обычай был впервые завезен из Азии, женщины не сочли за благо перенять этот новый стиль, и до конца Республики они сохраняли старую привычку сидеть за столом..... После завершения этих развлечений ставится огромный диск, а в нем - огромный кабан. На его бивнях висят две корзины, одна наполнена финиками, другая - миндалем. Вокруг него - маленькие свиньи, сделанные из сладостей; это подарки, которые нужно унести; так принято, чтобы мужчины на банкете уносили часть их тем женщинам из своих семей, которые не были представлены....., когда слуга делает отверстие в боку этого кабана, как бы вырезая его, вылетает множество черных дроздов, которые продолжают порхать по комнате, пока их не поймают.

Таковы некоторые особенности таких банкетов, к которым привыкли женщины времен Поппеи. Мы взяли наше описание в основном из неподражаемого рассказа Петрония. Хотя на пиру Трималхиона, насколько можно судить, не было ни одной женщины, кроме его жены, из других источников мы знаем, что присутствие женщин на подобных развлечениях было обычным делом. Нет никаких свидетельств того, что у них была привычка покидать триклиний до того, как безудержное возлияние вином сделает их присутствие там совершенно несовместимым с какими-либо представлениями о строгом приличии; более того, если верить поэтам, часто случалось, что в суматохе, которой было отмечено окончание этих пиров, происходили пылкие занятия любовью.

Поппея вышла замуж за императорского актера. Даже в столь поздний период, как времена Юлия Сезара, гражданин терял свои гражданские права, появляясь на сцене; но теперь вся Римская империя склонилась в полном преклонении перед безумным правителем, который напрягал жалкий голос, чтобы петь *Сапате* в "Труде". Форум затих; храмы посещались, но без особой веры и искренности со стороны верующих. Общественная жизнь Рима сосредоточилась в театре и цирке. "После того как будет спроектирован рынок, - говорит Витрувий, - нужно выбрать очень здоровое место для театра, где народ сможет наблюдать драмы в дни праздников бессмертных богов". Во времена Нерона римский народ не ждал религиозных мотивов, чтобы предаваться зрелищам, которые, безусловно, были морально нездоровыми, каким бы благоприятным ни было место для театра. Самыми популярными и высокооплачиваемыми служителями общества были актеры и актрисы, танцовщицы и женщины-музыканты. Моммзен, комментируя состояние театрального искусства в более раннее время, чем Нерон, говорит: "Вряд ли в Риме существовало более прибыльное ремесло, чем ремесло актера и танцовщицы первого ранга. Княжеское состояние трагического актера Исопа составляло двести тысяч фунтов стерлингов; его еще более знаменитый современник Росций оценивал свой годовой доход в шесть тысяч фунтов, а танцовщица Дионисия - в две тысячи фунтов". Позже он добавляет, указывая на то, что было популярно в то время: "Для римских танцовщиц не было ничего необычного в том, чтобы сбросить в финале верхнее одеяние и исполнить танец в раздетом виде на потеху публике".

Сохранилась эпитафия девушки по имени Лициния Эвхарис, которая, как считается, была первой женщиной, появившейся на публичной греческой сцене в Риме. Она умерла в возрасте четырнадцати лет, но, несмотря на свой юный возраст, была "хорошо обучена и натренирована во всех искусствах самими Музами".

Театральные представления римлян всегда отличались вульгарностью и грубостью. Древние ателланские фарсы были полны непристойностей, как и фесценнианские песни с широкими

аллюзиями. Но даже в те времена, когда римский народ обожествлял целомудрие, естественно, что в дни вырождения империи должна была царить беспредельная свобода. Пресыщенный вкус развратного населения удовлетворяли полчища женщин, а также мужчин, которые стремились придать новую пикантность своим выставкам бесстыдством своих выступлений.

Однако есть свидетельства того, что время от времени находилась актриса, которая пыталась "возвысить сцену". Гораций сообщает, что когда на Арбускулу шипели люди, хотя она, несомненно, давала хорошее представление, у нее хватило смелости ответить: "Мне достаточно того, что рыцарь Мекенас аплодирует"; но такой дух был необычен, и римский театр продолжал деградировать. Как всегда бывает в таких случаях, спрос порождает предложение, но и предложение обновляло и укрепляло вкус, из которого возник спрос. Наблюдая за гладиаторами, приговоренными к смертному бою, один римлянин возразил Сенеке, что они преступники и заслуживают своей участи. "Да, - ответил философ, - но что ты сделал такого, что тебя приговорили быть свидетелем такого зрелища?"

Строгость моралиста к их развлечениям не разделяла большая часть его соотечественниц. Патрицианки и плебейки, богатые и бедные, женщины Рима жаждали реалистичных сцен театра и ужасных зрелищ цирка с такой же жадностью, как и мужчины. Август приказал запретить женщинам присутствовать на выступлениях борцов и разрешил им наблюдать за гладиаторскими боями только из верхней и отдаленной части театра; но во времена Нерона на этот пол не накладывалось никаких ограничений. Август также сурово наказал актера, который позволил замужней женщине, переодетой мальчиком, ждать его за столом; но впоследствии стало обычным делом, что патрицианские дамы становились любовницами гладиаторов и пантомимистов, не опасаясь наказания, кроме бессмертных ударов плетью поэтических сатириков. Эти наказания, очевидно, не имели сдерживающего эффекта; несмотря на сарказмы Ювенала, Илии и Гиспуллы продолжали увлекаться трагическими актерами. Гиппия, будучи женой сенатора, сопровождает гладиатора в Александрию. Она обедает среди моряков, гуляет по палубе в бурлящем море и с удовольствием держится за канаты. Что же пленило ее? Сергей не был красив; "но тогда он был фехтовальщиком". Меч делал его обладателя таким же прекрасным, как Гиацинта. Именно его она предпочла своим детям, родной земле и мужу. Это сталь, в которую влюбляются женщины. Тот же Сергей, сойди он с арены, был бы в ее глазах не лучше мужа".

Во времена самых беспутных императоров жители Рима жили главным образом для того, чтобы посещать театр и цирк; после хлеба они просили только зрелищ. В Риме были театры, способные вместить восемьдесят тысяч человек. Мы можем представить себе такое скопление людей, ожидающих, пока Нерон обедает в их присутствии в императорской ложе, и успокаивающих свое нетерпение криками: "Еще один глоток, и тогда я представлю вам нечто такое, от чего у вас зазвенит в ушах". Но, скорее всего, римские дамы знатного происхождения восприняли объявление о выступлениях Нерона без особого предвкушения. Они не смели отлучаться, так как находились шпионы, которые докладывали императору об их неявке; а присутствуя, они были вынуждены терпеть всю эту жалкую выставку, так как в таких случаях двери были абсолютно закрыты от всякого выхода. Это правило соблюдалось настолько тщательно, что есть сведения о рождении младенцев в театре, когда Нерон демонстрировал свое актерское мастерство. Более того, никогда не было известно, когда и при каких обстоятельствах молния его злобного недовольства обрушится на голову какого-нибудь несчастливца. Однажды, когда он играл и пел в театре, он заметил замужнюю даму, одетую в запрещенный им оттенок пурпура. Он указал на нее своим офицерам, и ее не только лишили одежды, но и практически конфисковали ее имущество путем наложения штрафов.

Однако, несомненно, тот факт, что им была предоставлена странная привилегия наблюдать за действиями императора, вызвал интерес у безразличного римского населения. Законное гистрионное искусство стало для них утомительным, как это всегда бывает, когда роскошь и изнеженное безделье притупляют художественное сознание. Ничто иное, как либидинозный водевиль, в котором матроны знатного происхождения подкупам или угрозами склоняли к участию, не могло произвести ни малейшего фурора. Еще более популярными были реалистичные представления. Актеров для них находили в подземельях, поэтому они не были дорогими и не требовали особой подготовки. Гораздо более верное представление о муках можно получить, наблюдая за тем, как человек страдает на самом деле, а не за тем, как их имитирует актер; и если пьеса, которую предстоит поставить, включает в себя смерть, почему бы не предоставить зрителям возможность увидеть, как преступник умирает в установленном порядке? Именно к таким сценам привыкли римские женщины, в результате чего для людей со злыми наклонностями кровопролитие стало не более чем развлечением, а для более добродушных оно, по крайней мере, позволяло смотреть на собственную смерть с меньшим ужасом. Но самым любимым зрелищем римского населения были кровавые гладиаторские бои. Десять тысяч человек постоянно содержались и тренировались, чтобы народ мог наблюдать их смертельные схватки друг с другом или со свирепыми животными. В более поздние времена, чем при Поппее, эти бои можно было увидеть в Колизее - самом грандиозном зрелище, когда-либо воздвигнутом человеком, и в котором было продемонстрировано самое огромное зло, позорящее имя человечества. В центральном пространстве находился "песок", арена, часто красная и пропитанная, как поле битвы, человеческой кровью. Вокруг нее находилась позолоченная ограда, чтобы животные или более отчаянные люди не бросались со смертельной ненавистью на бесчувственных зрителей. За ней возвышался мраморный *подиум*, на котором располагались императорские и дворянские места. Далее, ярусами, располагались места простолюдинов, которые нередко заставляли огромное здание гудеть от своего рева - более страшного, чем рев лесного царя: "Ко львам!" На передних сиденьях и за ними сидели женщины, прекрасные лицом, но ожесточенные нравом, которые, когда мужчина был смертельно ранен, кричали: "*hoc habet* [у него!]" с волнением, столь же несимпатичным, как и то, что восхищало их товарищей-мужчин; и которые, когда несчастный боец опускал руки в знак поражения, с такой же вероятностью показывали большие пальцы вниз в знак того, что несчастный должен быть немедленно отправлен на тот свет, как и поднимали их в знак милосердия.

Пока Петроний, человек со вкусом, был "арбитром" развлечений Нерона, жители Рима не были призваны стать свидетелями самых возмутительных примеров императорской развращенности. И все же следует признать, что если женщин, описанных в "*Сатириконе*", принять за типичных представительниц большинства римских дам, то их нравственность не могла сильно пострадать под влиянием даже Нерона. Тигеллин подстрекал императора к большему распутству, чем он мог бы достичь в противном случае. Тацит описывает пир, устроенный Тигеллином, для которого "он построил в озере Агриппы плот, поддерживавший пир, который перемещался туда-сюда другими судами, тянувшими его за собой. Птицу и оленину он добывал в отдаленных краях, а рыбу - в дальних морях. На берегу озера были возведены бордели, заполненные знатными дамами, а напротив них - другие женщины, чья профессия была очевидна по скудости их нарядов. Как только наступала темнота, окрестные жилища перекликались с музыкой, а в рощах яркие огни высвечивали все непристойное и неподобающее".

Во времена правления беспутных императоров женская добродетель не пользовалась особым уважением. Нерон отрицал, что кто-либо из людей искренне целомудрен. Если в те времена женщина, занимающая видное положение в обществе, желала сохранить свою

честь, ее красота была ее главным несчастьем. Никакие узы и обязательства, даже святость весталок, не соблюдались похотливыми тиранами. Если мужчина радовался красивой и скромной жене, ее в любой день могли потребовать во дворец, и муж, если он хотел сохранить жизнь, был вынужден молча сносить бесчестье. Иногда, однако, находилась женщина, которая проявляла больше духа; Маллония публично порицала Тиберия за его злодеяния, а затем ушла домой и покончила с собой. Но состояние нравов было таково, что было очень много жен и мужей, которые не относились к такой тирании с особым ужасом. Пизон, которого предали смерти за заговор против Нерона, лишил своего друга Домиция Силия жены, которая, как сообщает нам историк, была развратной женщиной, лишенной всех рекомендаций, кроме личной красоты; но "оба были согласны, ее муж - своей пассивностью, она - своей распущенностью, чтобы разгласить позор Пизона".

Среди этих персонажей было мало той целомудренной любви, которая прославляет брачные узы. Пoppея могла не обращать внимания на презренного Нерона; ее единственной заботой было стать императрицей и сохранить за собой это возвышенное положение. Император не ценил в своей жене ничего, кроме ее несравненной красоты; он посадил ее рядом с собой на трон только потому, что было необходимо, чтобы у Сезара были законные наследники.

Что касается характера Пoppеи, то Иосиф приписывает ей большую религиозность, а Тацит говорит, что она была склонна к консультациям с прорицателями и восточными шарлатанами. Однако, возможно, несмотря на дикую распущенность и бесстыдные амбиции, Пoppея чувствовала пустоту сверкающего шоу, которым она была окружена, и временами беспокойная совесть заставляла ее рыться в запутанных тайнах духовной жизни. В то же время существует подозрение - и это подозрение не лишено оснований, - что римские евреи в своей лютой вражде к христианам помогали императрице в разжигании гонений, которые сделали правление Нерона столь бесславным.

Императорская супруга редко кончала жизнь иначе, чем насильственно, и Пoppея не была исключением из правил. Ее смерть наступила по вине мужа, хотя и непредумышленной. Однажды она упрекнула его в том, что он вернулся с прогулки на колеснице позже, чем хотел. Разгневанный ее упреками и жестокий по натуре, он ударил ее ногой, и, будучи в то время в состоянии беременности, она вскоре умерла от этого удара. Говорят, что ее тело не сожгли, как это было принято у римлян, а забальзамировали по иудейскому обычаю и положили в гробницу семьи Юлиев. Однако ей устроили пышные похороны, и нет более яркого свидетельства ужасной моральной апатии, характерной для того времени, чем тот факт, что ее муж-убийца произнес по этому случаю хвалебную речь. С трибуны он превозносил "ее красоту и ее участь, ведь она была матерью младенца, зачисленного в число богов". Не имея ничего другого в ее характере, что можно было бы прославить, он отнесся к ее дарам судьбы как к многочисленным добродетелям. Невозможно сомневаться в правоте древнего историка, когда он утверждает, что хотя люди были вынуждены надеть траур, они не могли не радоваться смерти этой женщины, вспоминая ее разврат и жестокость; и хотя, как рассказывает Плиний, вся Аравия за целый год не произвела столько пряностей, сколько было израсходовано на похороны Пoppеи, не было ни материального, ни хвалебного фимиама, которым можно было бы перебить дурной запах ее жизни.

Правление Нерона было типичным для других эпох, которые должны были последовать за ним. Римскому народу предстояло еще глубже испытать все прелести раболепия, и он должен был стать еще более морально апатичным, прежде чем пробудиться к лучшему. Пoppея была просто женщиной своего времени, и за ней последовали поколения женщин, как высокого, так и низкого происхождения, которые были с ней единомышленниками. Императорские проститутки и плебейские куртизанки буйствовали на протяжении всего затянувшегося

упадка Римской империи; но, хотя правдивая картина римской женщины не может быть дана без включения таких типов, как те, что описаны в этой и предыдущей главе, мы, по крайней мере, избавим себя и читателя от дальнейшего перечисления пороков и преступлений, ограничившись примером этого периода. Мы не воздержались от включения худших черт и использования самых мрачных красок, которых требует история, чтобы, по выражению Тацита, нам не пришлось повторять случаи подобной экстравагантности.

Хотя Нерон был чудовищем беззакония, он не был лишен бескорыстной любви женщин. Эта странная, сильная страсть, которая приковывает женское сердце к самым недостойным предметам и питается идеализациями, сделала имя Нерона дорогим для некоторых, когда его презирал весь мир. И когда, наконец, он был изгнан с трона и, произнеся слова: "Я еще живу, к моему стыду и позору", вонзил кинжал в горло самоубийцы, нашлись женщины, нежно ухаживавшие за телом, которое подхалимы-придворные превозносили, пока оно жило, и пренебрегали, когда оно стало мертвым и бессильным. Его кормилицы Эклога и Александра, ухаживавшие за ним, когда он был еще невинным мальчиком, и Акте, которая была его первой любовью и никогда полностью не теряла своего влияния на него, положили его прах в гробницу его отцов и скорбели о смерти, которая дала всему миру повод для ликования.

XI

ХОРОШИЕ ЖЕНЩИНЫ ЦАРСТВОВАНИЯ НЕРОНА

Безнравственность, характерная для правления некоторых первых императоров, должна рассматриваться скорее как аномальная вспышка, чем как постоянное состояние. Элемент коррупции всегда присутствует в общественном организме. Как правило, он обнаруживает себя только для тех, кто ищет его в трущобах, тюрьмах и криминальных притонах, но временами и при определенных условиях он вспыхивает с чрезмерной силой, и, если воспользоваться библейским выражением, кажется, что во всем теле нет ни одного здорового человека. Такие условия существовали в изучаемый нами период. Множество обстоятельств привели к тому, что вся коррупция и безнравственность, которые обычно завуалированы или замаскированы, оказались на виду и стали модными. Случайности рождения привели на императорский трон людей, которые были морально ненормальными; следовательно, люди с дурными наклонностями оказались в раю преступлений, а честолюбивые, жадные и трусливые могли добиться своей цели и сохранить свою безопасность, только став пособниками и соучастниками похотей своих господ.

Однако изучающему историю очень легко создать преувеличенное представление о развращенности римлян, даже если она была во времена Мессалины и Пoppеи. Откуда мы получаем представление о Риме тех времен? Отчасти от историков, но в значительной степени от таких писателей, как Ювенал, Петроний и Апулей. Историки ограничивались рассказами о выдающихся людях своего времени, и нередко случалось, что самые

выдающиеся и успешные из них были наименее достойны похвалы с точки зрения морали. Моралисты обязательно выставляли худших в самом рельефном виде, чтобы обеспечить более убедительный эффект. Сенека выставил таких писателей на посмешище, сказав: "Нравственность исчезла; зло торжествует; вся добродетель, вся справедливость исчезают; мир вырождается". Так говорили во времена наших отцов, так говорят сегодня, и так будут кричать наши дети". И все же мир не становится хуже. Что касается общества, изображенного Петронием и Апулеем, то эти люди искали своих героев среди низких лачуг и борделей Рима. О нравах обычного римского дома нельзя судить по сценам в доме с дурной славой или во дворце сумасшедшего и беспутного тирана, так же как о жизни Геркуланума или Помпеи можно судить только по непристойным картинам, найденным на стенах их разрушенных жилищ.

В данной главе мы будем приводить в пример в основном тех женщин, которые были благодетельствованы скорее своей смертью, чем жизнью. Иными словами, хотя они жили хорошо, если бы не их мужественная смерть, их имена не были бы сохранены в истории.

Как уже говорилось, римское общество не было полностью развращенным, даже если трон делили прелюбодейная Мессалина, беспринципная Поппея или жестокая и амбициозная Агриппина. Наряду с ними были женщины, которые все еще с чистыми руками и искренним сердцем взывали к древней богине целомудрия. Были и те, кто питал материнскую любовь к своим детям, но был свободен от смертельных амбиций. Среди обычных домов было много таких, в которых царила та же семейная верность и нежная привязанность, что украшает наши дома сегодня.

Молодым женщинам времен Клавдия не нужно было искать в заплесневелых анналах прошлых времен примеры женской чести и добродетели. Все они знали Антонию, добродетельную дочь Октавии и Антония, которая, как и Агриппина, почтила свое вдовство долгим и безукоризненным целомудрием. Однако девиц возраста Мессалины, возможно, меньше привлекал пример Антонии, потому что, сохранив древнеримскую чистоту нравов, она в то же время являла собой пример древнеримской суровости манер. Клавдий, ее сын, никогда не переставал благоговеть перед ней, а в детстве ее строгость к нему была такова, что, как предполагают, способствовала его слабоумию. Когда ее дочь Ливилла была предана преступлению с помощью ухищрений Сеяна, Антония была еще более неумолима, чем Тиберий, против которого был составлен заговор, и приказала уморить молодую женщину голодом. Это не было примером жестокости, это было просто старое римское правосудие, в котором не было места ни личным, ни даже материнским чувствам. Доброта Антонии не была привлекательной. Мы должны представить ее гордой, пуританской старой матроной, которая наводила ужас на провинившихся. Она мужественно обличала своего внука Калигулу в его беззакониях, но молодой негодяй, у которого не было ни ума, ни совести, чтобы уважать возраст или родственные связи, в ответ предал Антонию смерти - хотя не исключено, что на самом деле это был ее собственный поступок.

В старину спрашивали: "Может ли чистая вещь выйти из нечистой?". Утвердительный ответ на этот вопрос можно найти в личности и характере Октавии, дочери Мессалины Бесславной. Действительно, аксиома о том, что "подобное порождает подобное", не может быть применена к нравственному характеру; так много случаев, когда от благородных родителей рождаются плохие отпрыски, а от безнравственных - добродетельные дети, что их нельзя рассматривать как исключения из правила.

Октавии не повезло ни в чем, кроме характера. Она была игрушкой неумолимо неблагоприятной судьбы. Вся ее короткая жизнь - иллюстрация того, что доброта нрава не

защищает ее обладателя от худших зол бытия. То, что эта девушка осталась добродетельной в вихре безнравственности, в котором она воспитывалась, не имея ни достойного примера, ни материнского совета, является доказательством непобедимости доброго нрава, если природа вплела его в человеческий характер.

Еще маленьким ребенком Октавию гладил и ласкал ее отец, бедный старый император Клавдий, который, будучи скучным и флегматичным, был бы добросердечным человеком, если бы его не поставили в положение, для которого он совершенно не подходил. Он любил брать Октавию и ее младшего брата Британника в театр и с отцовской гордостью держать их перед восхищенными глазами народа. Это была вся любовь, которую когда-либо знала Октавия. Одним из самых ранних и печальных ее переживаний было то, что Мессалина отправила ее по дороге в Остию, чтобы встретить Клавдия и тщетно умолять его сохранить жизнь этой недостойной матери. Затем во дворце появилась Агриппина, и, оказавшись в двойном качестве императрицы и мачехи, Октавия не нашла повода благодарить ее за эту перемену. До сих пор ее, по крайней мере, не использовали в качестве инструмента для реализации чьих-то политических амбиций. Ее отец Клавдий обручил ее с Луцием Силаном, знаменитым и любимым сенатором. Если бы этому браку не помешали, возможно, судьба Октавии была бы мирной и счастливой; но вероломный Вителлий сфабриковал ложное обвинение против Силана, в результате чего тот был низложен из сената и сразу после этого покончил с собой, а Октавия продолжала жить и столкнулась с ужасным несчастьем быть обрученной с Нероном, которому Сенека советовал "компенсировать себя удовольствиями молодости без сожаления". Агриппина бросила Октавию своему сыну, подобно тому как альпинисту бросают веревку, чтобы он мог подняться на трудный перевал; после того как она отслужила свое, на нее смотрят как на просто громоздкий багаж. Так и Нерон относился к своей жене после того, как получил империю. Когда он выразил свою неприязнь к ней, простодушный Бурр сказал: "Хорошо, отправь ее прочь, но, конечно, ты откажешься от ее дара вместе с ней", а это было не что иное, как трон Клавдия.

Если бы Октавию поддерживал какой-нибудь всесильный и сочувствующий родственник вроде Августа, она могла бы выжить и проявить такое же терпение к порокам Нерона, какое ее тезка проявлял к порокам Антония; но она осталась без защиты среди многочисленных противоборствующих сил, которые, если не были направлены против нее со смертельной ненавистью, были равнодушны к ее благополучию, вследствие чего она была быстро и безжалостно раздавлена.

Первой женщиной, занявшей место, которое Октавия никогда не занимала в привязанностях Нерона, стала греческая вольноотпущенница Акте. Дикий молодой император развелся бы с женой и немедленно женился на гречанке, но он все еще находился под властью могущественной Агриппины. Это первое нарушение императорской воли стало началом падения Агриппины. Вскоре она и молодая жена увидели страшное предвестие своей собственной судьбы, когда молодой Британик упал замертво на пол пиршественного зала, отравленный дьявольским искусством орудия Нерона - Локусты. Октавия, хотя и была так молода, не была в полном неведении относительно того, каких опасностей требовало ее положение. С ранних лет она получала уроки в страшной школе. Поэтому, когда Нерон объявил встревоженным гостям, что ее брат постоянно страдает от падучей болезни, она скрыла свое сестринское горе и спокойно сохранила свое место на пиру.

Но пришло время, когда Агриппина тоже стала жертвой бесчеловечности своего сына, а Нерон, не отвечающий ни перед кем, увлекся более беспринципной женщиной, чем Актея.

"Почему бы Нерону, - спрашивает себя тиран, - прогнав всякий страх, не ускорить свой брак с Поппеей? Почему бы ему не отстранить от себя жену Октавию, хотя она ведет себя как скромная женщина, ведь имя ее отца и любовь народа сделали ее для него бельмом на глазу?" Поппея подстрекала его, а злодей Тигеллин проявлял свою дьявольскую изобретательность, чтобы найти благовидный предлог, и вскоре мужество Нерона оказалось равным дерзкому поступку - изгнать из императорского дворца женщину, благодаря связи с которой он имел право на владение им. Октавия была разведена судебном порядке под предлогом того, что она бесплодна. Сначала она получила дом Бурр и имущество Плавта, которого Нерон недавно предал смерти. Развода добивался ее муж без всякой вины, и если бы соблюдалась строгая буква закона, он должен был бы отдать ей все ее приданое; но для таких людей, как Нерон, исполняющих законы, достаточно простого притворства законности. Поппея нагло пыталась сфабриковать гораздо более серьезное обвинение против женщины, которую она обидела, но оно не устояло. Она подкупила одну из служанок Октавии, чтобы та заявила, будто ее госпожа состояла в любовной связи с Эвцером, александрийским флейтистом; но это обвинение настолько нелепо противоречило известному характеру Октавии, что, даже подвергнув пыткам ее слуг, они не смогли получить никаких доказательств, которые осмелились бы представить народу в подтверждение обвинения. Невозможно найти более убедительного свидетельства приветливости и любвеобильности Октавии, а также чистоты ее характера, чем та верность, с которой ее слуги защищали ее репутацию от всех клевет, даже подвергаясь самым жестоким пыткам. Одна храбрая служанка во время допроса на дыбе плюнула в лицо Тигеллину, который добивался признания, и громко заявила, что "чрево Октавии было чище его уст". Именно среди таких рабынь были найдены первые христианские мученицы; женщины, которые подвергали свое тело самым мучительным пыткам, но не могли заставить себя отречься от своей веры.

Вскоре после развода Октавия была изгнана в Кампанию, где ее держали в тесном заточении и приставили к ней стражу из солдат. Но хотя сенат и аристократия полностью поработились воле императорского тирана, всегда оставался народ, с которым приходилось считаться. Простые женщины громко, но с сочувствием говорили о преследуемой невинности Октавии. Мужчины подхватили этот клич; они озвучили его в театре и начертали на стенах. Люди не могли быть индивидуализированы. У них не было одной шеи, как того так злобно желал Калигула. Их количество и индивидуальная незначительность позволяли им безнаказанно выражать свои мысли. Нерон поспешил отозвать Октавию в город.

Это был день гордой, но опасной радости для несчастной молодой императрицы. По крайней мере, ей было приятно сознавать, что весь мир верит в ее невиновность. Счастливая толпа отправилась в Капитолий и возблагодарила всех богов за ее возвращение. Они сбрасывали статуи Поппеи, и везде, где находили статую Октавии, осыпали ее цветами и уносили на Форум или в какой-нибудь храм. Они даже отправились во дворец, чтобы поаплодировать Нерону за возвращение изгнанной жены, но были прогнаны оттуда солдатами.

Все это лишь подтолкнуло Поппею к самым отчаянным мерам. Она обратилась к Нерону с такими искусными намеками на возможность восстания народа в пользу Октавии и в то же время с притворной кроткой покорностью в отношении ее личной судьбы, что император был побужден и страхом, и страстью принять желаемый ею курс.

Придумать способ избавиться от Октавии, не подвергая себя опасности, было нелегко, но при дворе Нерона находился человек, который был гением в искусстве устранения грозных препятствий. Аникет доказал свои способности на Агриппине. Он был не только находчив, но

и абсолютно лишен чести и совести. Необходимо было не только уничтожить Октавию, но и придать ее смерти вид оправданного наказания. Не было никого, кто мог бы или хотел свидетельствовать против нее. Нерон вызвал Аникета и сказал ему, что "он один спас жизнь своего принца от темных замыслов его матери; теперь же представилась возможность оказать не менее значительную услугу, избавив его от жены, которая была его смертельным врагом". Для этого не требовалось ни силы, ни оружия; ему нужно было только признаться в прелюбодеянии с Октавией!" Подлый вольноотпущенник тут же начал хвастаться перед друзьями о милостях, которые он получил от молодой императрицы. Когда его вызвали на совет друзей Нерона, он сделал притворное признание. Его приговорили к изгнанию на Сардинию, где он жил в большой роскоши, пока не умер естественной смертью.

Нерон опубликовал эдикт, в котором заявил, что Октавия была уличена в попытке вовлечь флот в заговор благодаря подкупу адмирала Аникета, и что ее неверность явно доказана. Октавия была отправлена на остров Пандатария. Тацит говорит: "Никогда не было изгнанника, который бы тронул сердца созерцателей более глубоким состраданием. Некоторые еще помнили, как Тиберий изгнал Агриппину Старшую; вспоминались и недавние страдания Юлии - той Юлии, что была заточена туда Клавдием. Но они пережили некоторое счастье, и воспоминания о былом великолепии несколько смягчали их нынешние ужасы". Все в жизни Октавии, что сулило удовольствие, превратилось в желчь. Ее дом помнил сцены отравления отца и убийства брата; ее брачные права были узурпированы сначала служанкой, а затем женщиной с дурным характером; а теперь даже ее память должна была быть запятнана обвинением в преступлении, которое было для нее нестерпимее самой смерти. Во всей истории нет более печальной картины, чем та, когда эта девушка - ей было всего двадцать лет - после своей короткой жизни, полной непрерывных печалей и незапятнанной невинности, была брошена среди центурионов и простых солдат, которые не осмеливались помочь ей, даже если в их сердцах возникало чувство жалости. Они приказывали ей умереть, но у нее не было ни сил, ни мужества Антонии. Она утверждала, что теперь она вдова и что цель императора достигнута, и ему нечего бояться ее. Она ссылалась на имя Агриппины и говорила, что "если бы она была жива, ее брак был бы не менее жалким, но она не была бы обречена на гибель". Когда ответственные лица увидели, что надеяться на то, что она возьмет на себя эту неприятную задачу, безнадежно, они связали ее и вскрыли вены; но поскольку кровь текла слишком медленно, ее смерть была ускорена паром ванны, нагретой до высшей точки. После того как жизнь угасла, они отделили ее голову от тела и отнесли ее Поппее, чтобы она могла убедиться, что дело, благодаря которому она стала императрицей Рима, точно свершилось.

Сенат, узнав о завершении дела, постановил совершить жертвоприношения в храмах в знак благодарности за избавление императора от опасностей, угрожавших ему из-за заговора его жены. Тацит заявляет, что записывает это обстоятельство "для того, чтобы все, кто будет читать бедствия тех времен, как они переданы мной или другими авторами, могли сделать вывод, предвидя, что как часто изгнание или убийство совершалось по приказу принца, так часто возносилась благодарность богам; и те действия, к которым в прежние времена прибегали, чтобы выделить благополучные события, теперь стали знамениями общественных бедствий".

Это были дни мучеников. В это царствование горящие тела христиан освещали сады злобного тирана, невинные женщины и нежные девушки выставлялись на арену перед свирепыми зверями и своими страданиями вносили интерес в римский праздник. Они умирали за свою веру. Они умирали с радостью, веря, что их страдания и верность будут вознаграждены неувядаемой короной в небесной стране. Они подбадривали друг друга

перед лицом смерти и утешали тех друзей, которые еще оставались на свободе, обещанием встречи, где ни одна рука тирана не сможет причинить им вреда. Октавия не была приверженцем такой веры. Вероятно, она ничего не знала о странных учениях, которые обращали в свою веру римских рабов. И все же не было мученицы более невинной, чем она, не было более достойной канонизации. Не было никого, чья чистота и верность принципам, которые лелеяли высокие души, могли бы лучше претендовать на пальму победителя и мученический венец, чем ее собственная. Октавия ничего не знала о христианской надежде на бессмертие; ее религиозная вера в лучшем случае могла научить ее не более чем смутному предположению, что, возможно, в каком-то мрачном подземном мире тени смертных сохраняют меланхоличное сознание. Однако последовательная справедливость в наши дни не может поступить иначе, чем поставить рядом гонимую девушку из императорского дворца и христианскую рабыню, чья кровь капала из пасти зверей на арене, и поверить, что какое бы утешение ни предоставила вечная судьба одной из них, она в равной степени разделила его с другой.

Как мы уже говорили, первой женщиной, которая привлекла внимание Нерона, так и не обратившегося к Октавии, была Акте. Вероятно, она была привезена в качестве рабыни из Азии. Сколько ей было лет, когда Нерон впервые узнал ее, мы предположить не можем, но вполне вероятно, что она была несколько старше юного императора; часто случается, что первую любовь юноши вызывает женщина, превосходящая его по возрасту. Кроме того, в это время Акте была вольноотпущенницей. Женщины-рабыни часто добивались свободы с помощью очарования своего лица, но этот результат вряд ли был бы обеспечен до того, как эти чары полностью созреют. Страсть Нерона к Акте была столь глубокой, что, если бы его не сдерживали с трудом, он бы немедленно развелся с Октавией и женился на гречанке. Говорят, что он заставил людей консульского ранга поклясться, что она имеет царское происхождение. Не исключено, что такое утверждение соответствует действительности, ведь рынки рабов, снабжавшие Рим, в значительной степени пополнялись похищенными детьми, которых подбирали везде, где только можно было найти. Примечательно, что в истории не зафиксировано ни одного слова, которое бы негативно сказалось на характере Акте. На самом деле, мы знаем о ней очень мало, хотя она всегда воспринималась с неким поэтическим одобрением. Нет никаких свидетельств того, что она использовала свою власть при императоре для нанесения вреда врагу. Она была скромна и непритязательна, и можно с уверенностью сказать, что ее любовь к Нерону была искренней, поскольку она не только пережила его, но и оставалась верной до последнего часа его жизни. Когда все остальные оставили павшего принца, по которому они сохли, именно Акте нежно заботилась о его останках.

Тацит изображает ее предостерегающей Нерона от его ранних дурных излишеств. Она оставалась королевой его привязанностей в течение четырех лет - лучших четырех лет его правления, - и говорят, что когда он отвернулся от нее к Поппее, она погрузилась в глубокую меланхолию. На всем этом основывается предположение, что Акте был христианином; но это не более чем догадка. Какими бы ни были факты на этот счет, в тех небольших отрывках, которые мы получаем о ее присутствии в ужасных трагедиях ее эпохи, мы улавливаем очертания той, кто, как мы уверены, должна была быть хорошей женщиной - женщиной врожденно чистой, но вынужденной вступить в контакт с пороком в силу обстоятельств, над которыми она не имела контроля.

Есть множество примеров из истории, доказывающих, что в беспутное правление Нерона женская доброта не была редкостью; но нет ни одной картины чистого легкомыслия и радостной простоты, которые были известны в прежние времена. Все было мрачно, смерть

вита в воздухе, а единственной веселостью были сцены безрассудного распутства. Это был век крайностей: с одной стороны - безудержное распутство, с другой - страх и печаль, вызванные жестоким капризом тирана. Это был век, когда все жизненные переживания обострялись. Человеческая жизнь того времени может быть изображена только в ярком свете и глубокой тени; все должно быть показано в сильном рельефе. Судьба почти всех хороших женщин этого времени, чьи имена нам известны, заключалась в том, что они терпеливо страдали и героически умирали.

Как и Акте, благородной матроне Помпонию Гречину традиция приписывает, что она нашла утешение в горестях времени в новой вере, которая подтачивала старый Рим, как в буквальном смысле в катакомбах, так и в переносном - в быстроте, с которой она обращала новообращенных; но мы не знаем этого с уверенностью. Было бы несправедливо по отношению к язычеству и неправдиво по отношению к истории утверждать, что каждый случай морального превосходства принадлежит современной вере. Тем не менее, Гречину обвиняли в том, что она поддавалась чуждым суевериям. Возможно, это объясняется особенностями ее поведения. Она была близкой подругой той Юлии, дочери Друза, которую Мессалина заставила покончить с собой. С тех пор в течение сорока лет Гречина не носила ничего, кроме траура, и ни разу не улыбалась. Сенкевич строит сюжет своего неронского романа на идее, что Гречина была христианкой, но нет никаких фактов, которые могли бы подтвердить это предположение. Когда против нее было выдвинуто обвинение в распространении чуждых суеверий, она, в соответствии с древним законом, была передана на суд своего мужа. Плаутий собрал ее родственников и, в соответствии с установлениями ранних времен, проводя в их присутствии торжественное расследование характера и поведения своей жены, вынес решение о ее невиновности. Она дожила до глубокой старости и всегда пользовалась большим уважением в народе, но так и не оправилась от своей меланхолии.

Когда благородный Фрасея был приговорен Нероном к смерти, офицер, принесший известие, застал его прогуливающимся в портике своего дома. Он уже вскрыл себе вены, и, когда он протянул руки, кровь начала сочиться. Подозвав квестора к себе и окропив кровью пол, он сказал: "Давайте совершим возлияние Иову Избавителю. Вот, юноша, и пусть боги отвратят предзнаменование, но на тебя пали такие времена, что полезно будет укрепить твой разум примерами непоколебимой твердости". Аррия, его жена, хотела разделить участь мужа, но он велел ей жить ради их дочери.

Было много женщин, которые подавали примеры такой же непоколебимой твердости для поощрения своего пола. Мать жены Фрасея, которую также звали Аррия, проявляла силу духа и великодушие, не уступавшие благороднейшим римлянкам в лучшие времена Республики. Дуруи рассказывает о двух эпизодах из карьеры этой благородной женщины, которые иллюстрируют все то, что мы утверждаем о ней как об одной из лучших представительниц своего пола.

"Муж Аррии, Цецина Петус, и его сын заболели тяжелой болезнью; сын умер. Его мать приняла такие меры по организации похорон, что отец ничего не знал об этом. Каждый раз, входя в его комнату, она сообщала ему новости о страдальце - он плохо спал или, возможно, у него восстанавливается аппетит; и когда она уже не могла сдерживать слезы, то выходила на минуту, а затем возвращалась с сухими глазами и спокойным лицом, оставив свое горе позади. Позднее ее муж, участвовавший в заговоре Скрибониана, был схвачен и доставлен в Рим. Его посадили на корабль, и Аррия умоляла солдат разрешить ей поехать с ним: "Вы не можете отказать человеку консульского ранга в нескольких рабах, чтобы они ждали его и одевали; я одна окажу ему эти услуги". Поскольку они продолжали упорствовать, она наняла

рыбацкую лодку и последовала через Адриатику за судном, на котором перевозили ее мужа. В Риме она встретила жену Скрибониана, которая попыталась с ней заговорить. "Как я могу слушать тебя, - сказала она ей, - которая видела, как твоего мужа убили на твоих руках, и которая все еще жива? Предвидя осуждение Пети, она решила не переживать его. Фрасея, ее зять, умоляла ее отказаться от этого решения. "Хочешь ли ты, - сказал он ей, - если я буду вынужден умереть, чтобы твоя дочь умерла вместе со мной?" - "Если она проживет с тобой такую же долгую и дружную жизнь, как я с Петиром, это будет моим желанием", - был ответ. Родные внимательно следили за ней, чтобы предотвратить ее роковой замысел. "Вы напрасно теряете время, - сказала она, - вы заставите меня умереть более мучительной смертью, но не в вашей власти предотвратить мою смерть". После этого она с такой силой ударила головой о стену, что упала как мертвая. Придя в себя, она сказала им: "Я уже предупреждала вас, что найду какое-нибудь средство умереть, каким бы трудным оно ни было, если вы откажете мне в легком". Мы не можем удивляться тому, что, чтобы убедить своего колеблющегося мужа, она нанесла себе смертельный удар пикой, а затем передала ему оружие со словами: "Пэтус, оно не причиняет боли".

Плиний рассказывает о случае, демонстрирующем подобную супружескую преданность и самоотверженное мужество. "Недавно я плывал по нашему озеру Лариус, и один пожилой друг указал мне на дом, одна из комнат которого выступала над волнами. С этого места, - сказал он, - одна наша горожанка выбросилась вместе со своим мужем. Последний долго болел, страдая от неизлечимой язвы. Когда она убедилась, что он не может оправиться от болезни, она увещевала его покончить с собой и стала его спутницей в смерти - нет, скорее, его примером и руководителем, потому что она привязала мужа к себе и прыгнула в озеро". Это была женщина из простого народа, мы даже не знаем ее имени. В наше время нет примеров более близкой супружеской симпатии, чем эта. Наши представления заставляют нас осуждать акт саморазрушения; но мы не можем поставить под сомнение или даже поспорить с такой преданностью. Подобная степень верности между супружескими парами была распространена среди римлян, и это была их манера демонстрировать ее.

Мы не раз встречали серьезные заявления осведомленных писателей и ораторов о том, что супружеская привязанность, в современном понимании этого выражения, была почти неизвестна древним. Цель этого утверждения - повысить оценку последствий христианства; но этот аргумент так же абсурдно не согласуется с историей, как и со здравым смыслом. Правда, христианство препятствует супружеским союзам, в которых эта привязанность не существует, но оно не создает ее; в языческих обычаях и институтах не было ничего, что могло бы помешать существованию самой теплой и чистой привязанности между мужем и женой. Единственными условиями в древнем мире, которые препятствовали чистой и постоянной супружеской любви, были обычаи, связанные с целесообразностью, и низшее положение жены. Что касается первого из этих обычаев, то он отнюдь не неизвестен в современном мире и в христианские времена; что касается второго, то римская жена в период, с которым мы сейчас имеем дело, была почти так же хорошо обеспечена, как и ее современный потомок.

Принципы добродетели, чести и долга высокого порядка прививались многим поколениям древних римлян; и не могло быть иначе, чем если бы они вновь появились и проявились с непобедимой настойчивостью даже в самые развращенные дни империи. Какое может быть более высокое или более достойное чувство долга, чем то, которое проявила дама, решившая послать существенную помощь своему другу, изгнанному Домицианом? Ей объяснили, что эти деньги непременно попадут в руки тирана, а значит, она только зря потратит свои средства и порадует недостойного человека. "Для меня не имеет значения, -

сказала она, - украдет ли их Домициан; но для меня очень важно отправить их". Она обладала возвышенным убеждением, что ответственна перед своим сознанием за то, чего требует дружба, даже если она может быть уверена в неудаче своих усилий.

Были и женщины, чей дух будоражила любовь к свободе и которые были готовы на подвиги, дерзания и страдания, пытаясь вырвать нацию из тиранической хватки. Среди тех, кто пожертвовал своей жизнью на алтарь Свободы, римская женщина может претендовать на звание представительницы.

Нам рассказывают, что в заговор против Нерона, возглавляемый Каем Пизоном, "сенаторы, рыцари, солдаты и даже женщины вступили с пылом соперничества". Заговор предполагал напасть на Нерона, когда он будет петь на сцене, хотя некоторые считали, что лучше было бы поджечь его дом, а затем расправиться с ним, пока он взволнованно спешит по улице без присмотра стражи. "Пока заговорщики колебались и оттягивали решение своих надежд и опасений, женщина по имени Эпихарис - как она узнала об этом деле, остается загадкой, да и раньше она никогда не проявляла заботы о достойных предметах - начала подбадривать заговорщиков и подстрекать их упреками; Но в конце концов, испытывая отвращение к их бездействию, во время своего пребывания в Кампании она попыталась всеми силами поколебать верность офицеров флота в Мизенуме и вовлечь их в заговор."

Но, будучи энтузиастом-заговорщиком, Эпихарис оказалась недобросовестным агентом по вербовке. В частности, она обратилась к старому знакомому по имени Прокул, который признался ей, что был одним из участников убийства матери императора и недоволен наградой, полученной за столь выдающуюся службу, хотя он был всего лишь мелким офицером на флоте. Он добавил, что твердо решил отомстить, если представится удобный случай. Эпихарис не заставил себя ждать и подумал о том, как неразумно бесцеремонно доверить знание всего заговора человеку, не обладающему достаточными принципами, чтобы не рассматривать убийство незащитной женщины как подвиг, достойный щедрого вознаграждения. Более того, вполне вероятно, что она нечаянно обронила какой-то намек на то, что у нее на уме, и Прокул заманил ее, предложив себя в качестве новообращенного. Эпихарис сначала рассказала ему весь заговор, а затем принялась уговаривать его присоединиться к нему. Она рассказала обо всех злодеяниях императора и в заключение заметила, что Нерон лишил сенат всех его полномочий, но, - добавила она, - были приняты меры, чтобы наказать его за отмену конституции; Прокулу нужно было только энергично взяться за дело и привлечь на свою сторону наиболее энергичных солдат, и он мог рассчитывать на соответствующее вознаграждение".

Одну неосторожность она не совершила: не разгласила имена заговорщиков. Поэтому, когда Прокул донес на нее императору - несомненно, полагая, что это более легкий путь к награде, чем любой заговор с убийством, о котором узнает женщина, - его свидетельство оказалось бесполезным; Нерон же счел за лучшее держать Эпихарис в тюрьме в ожидании того, что может произойти.

В конце концов заговорщики решили осуществить свой замысел на Киренских играх. Латеранус, человек решительного духа и гигантской силы, должен был подойти к императору в качестве просителя и, видимо, случайно, сбросить его вниз. Скевинус должен был исполнить главную роль с помощью кинжала, который он специально для этого добыл в храме Фортуны. Пизон должен был ждать в храме Цереры, пока его не позовут в лагерь, куда он должен был войти в сопровождении Антонии, дочери Клавдия Цезаря, женщины с совершенно противоположным характером, чем у ее бабушки, в честь которой она была названа, и которая, как надеялись, сможет примирить благосклонность народа. Насколько

глубоко Антония была вовлечена в этот заговор, сказать невозможно. Как замечает Тацит, неправдоподобно, что она должна была дать свое имя и рисковать жизнью в проекте, от которого ей нечего было ждать.

Именно благодаря упомянутому выше кинжалу, а также женскому коварству, весь заговор стал известен. Сцевинус нетерпеливо приказал своему вольноотпущеннику Милиху положить оружие на точильный камень и довести его до остроты. Милих, собрав воедино эти и другие приготовления, свидетелем которых он стал, догадался о готовящемся проекте. Он рассказал о своих подозрениях императору. Сцевина арестовали, но его поведение было настолько уверенным, что обвинитель сломался бы, если бы жена Милиха не напомнила ему, что "Наталис участвовал во многих тайных беседах со Сцевином и что оба они были доверенными лицами Пизона". Затем последовали многочисленные аресты, признания и обвинения, каждый заговорщик старался облегчить бремя собственной вины, раскрывая, как много тех, кто ее разделяет. Поэт Лукан даже донес на собственную мать, Атиллу.

Среди всего этого бедствия один дух оставался непоколебимым, один язык не поддавался ни уговорам, ни мучениям, чтобы признаться и тем самым вовлечь в это других. Эпихарис держали под стражей с того самого момента, когда она проявила незаслуженный энтузиазм в Кампании. Нерон вспомнил о ней и приказал предать ее пыткам. "Но, - говорит историк, - ее не смогли победить ни удары, ни огонь, ни ярость мучителей, которые рвали ее с еще большим ожесточением, чтобы не быть презираемыми женщиной". Так прошел первый день пыток, не произведя на нее никакого эффекта. "На следующий день, когда ее снова привели на те же мучения, сидя верхом на стуле, так как все ее члены были раздроблены, и она не могла поддерживать себя, она сняла пояс, стягивавший ее грудь, привязала его в петлю к балдахину стула и, продев в него шею, повисла на нем всем телом, и таким образом вырвала из себя слабые остатки жизни". Вольноотпущенница, выдав таким образом незнакомцев и почти незнакомых ей людей, хотя и вынужденная разглашать их имена под самыми жестокими пытками, показала пример, который приобрел еще больший блеск от того, что свободные люди, мужчины, римские рыцари и сенаторы, не тронутые орудиями инквизиции, выдали свои самые дорогие залогов привязанности".

Среди тех, кто пострадал от раскрытия этого заговора, был Сенека, престарелый философ и бывший воспитатель Нерона. Вполне вероятно, что он был невиновен; но он вызвал неудовольствие Нерона, и тиран был рад возможности уничтожить его с кажущейся справедливостью. Расставание Сенеки с женой и ее поведение в тот момент вполне заслуживают того, чтобы историк с особой тщательностью пересказал их. Обнимая жену, он умолял ее "не предаваться бесконечному горю, а постараться смягчить свое сожаление о муже с помощью тех благородных утешений, которые она испытывала бы при созерцании его добродетельной жизни". Однако Паулина выразила решимость умереть вместе с мужем и призвала на помощь палача, чтобы тот вскрыл ей вены. Сенека, гордясь ее преданностью и желая видеть, как она приобретет славу такого поступка, а также будучи уверенным, что она надежно защищена от жестоких обычаев мира, ответил: "Я указывал тебе, как смягчить бедствия жизни; но ты предпочитаешь славу смерти. Я не завидую вам в том, что вы можете показать пример. Хотя оба они проявляют одинаковую стойкость в борьбе со смертью, все же слава твоего ухода будет выше моей". Тогда им в один и тот же момент вскрыли вены на руках; но, не выдержав чрезмерных пыток и боясь, чтобы вид его страданий не овладел ею, Сенека уговорил жену удалиться в другую комнату.

Когда Нерон услышал, что делается, он, не испытывая неприязни к Паулине и не желая навлечь на себя дурную славу двойной смерти, да еще такой трогательной, приказал перевязать ее раны и остановить поток крови. Она прожила всего несколько лет, и эти годы

были посвящены памяти ее мужа. Говорят также, что чрезмерная бледность была постоянным свидетельством жертвы супружеской преданности, которую она приносила из всех сил.

Не так повезло Сервилиии, молодой женщине двадцати лет, которая в это время предстала перед сенатом по обвинению в распределении денег между волхвами. Сервилиия была дочерью Сорана, который был проконсулом Азии. Против отца Сервилиии не было более тяжкого обвинения, чем то, что он был другом Плавта, которого Нерон, по совершенно несправедливым, но вполне устраивающим его самого причинам, казнил. Тацит предлагает такую картину суда над ней: консулы на судейском месте в присутствии собравшегося сената; по одну сторону трибунала - старый, седовласый человек, много лет с честью и честностью служивший своей стране; по другую - дочь, такая молодая, но овдовевшая, поскольку ее муж был отправлен в изгнание и поэтому для нее как бы умер. Мысль о том, что она, пытавшаяся помочь и утешить отца, только усугубила его опасность, настолько угнетает ее, что у нее не хватает духу взглянуть на него. Обвинитель спрашивает ее: "Не продавала ли ты свои свадебные украшения и даже цепочку с шеи, чтобы собрать деньги на совершение магических обрядов?" Вместо ответа несчастная девушка падает на пол, обнимая алтарь, словно надеясь на божественную помощь там, где на человеческое милосердие рассчитывать не приходится. Наконец она обретает дар речи и с трудом произносит: "Я не использовала никаких заклинаний; своими несчастными молитвами я добивалась лишь того, чтобы вы, Сезар, и вы, отцы, сохранили невредимым этого лучшего из отцов. Только ради этого я отдал свои драгоценности, одежду и украшения, соответствующие моему положению, как отдал бы свою кровь и жизнь, если бы волхвы потребовали их. Этим людям, до тех пор мне неизвестным, я должен объявить, чьи они служители и какими таинствами пользуются; имя князя я никогда не произносил, как говорят о богах. Однако во всех этих моих действиях, если они виновны, мой несчастнейший отец - чужой человек, а если они преступны, то преступник - я один". Затем Соран вступает за свою дочь. Возраст ее столь нежен, что она не могла знать Плавта, другом которого они себя обвиняют. Они обвиняют его в том, что он плохо управлял своей провинцией? Пусть так, но ведь его дочь не сопровождала его в Азию. Ее единственным преступлением было слишком большое сыновнее благочестие, слишком большая забота об отце. Он с радостью согласился бы на любую участь, которая его ожидает, лишь бы ее дело отделили от его. Охваченный чувствами, старик протягивает вперед руки, чтобы обнять свою дочь, которая бросается ему навстречу; но суровые ликторы накладывают фасции и лишают их этого печального утешения.

Сенат проявляет бессердечное милосердие; Сервилиии и Сорану позволено самим выбрать свою смерть. Эта верная дочь, пытавшаяся с помощью своей религии помочь отцу, получает привилегию умереть вместе с ним. Вместе с ними погиб и Тразея, который к своему преступлению - неверию в обожествление Пoppеи - добавил еще и то, что не пожертвовал ради сохранения прекрасного голоса Нерона!

Поразительно яркой чертой древнеримского характера является то, как эти люди встречали смерть. Это была единственная добродетель, которую римляне не переставали сохранять вплоть до последнего периода упадка. В самые беспутные времена римлянин мог жить плохо, но, по крайней мере, умел умереть мужественно. Это была единственная возможность, когда всегда можно было искупить ошибки жизни. В умении встретить смерть со спокойной стойкостью женщины участвовали не меньше мужчин. Служанки и матроны Рима были приучены воспитанием и лучшими традиционными примерами смотреть на возможность ухода из мира как на всегда готовое убежище от неизлечимых бед. Лукреция

была для римских матрон идеалом как в смерти, так и в жизни; и, похоже, следовать ей в первом отношении было менее утомительно, чем во втором.

Стремясь показать, что даже во времена Нерона, когда нечестие достигло своего апогея, добродетель, честь и преданность не исчезли из мира окончательно, пришлось взять в качестве иллюстрации некоторые из самых печальных трагедий человеческой истории. Ни одна из сторон правдивой картины этого периода не может быть приятной. Жизнь людей в Риме в середине первого века нашей эры была по большей части либо безумной, либо печальной. Ликовать в несправедности или скорбеть в утрате было уделом каждого видного деятеля; ведь было мало тихих, благородных людей, которых рука тирании не коснулась через их друзей. Поэтому, стремясь показать лучшую сторону жизни того времени, мы вынуждены были проиллюстрировать, как преобладающий остаток древней добродетели проявлялся в преданности женщин своим пострадавшим мужьям и друзьям и в том, как твердо они встречали свою собственную смерть.

То, что относится к обычной рутине женской жизни, не претерпело никаких изменений в этот период. Положение женщины оставалось неизменным; ее манеры, обычаи и занятия были теми же. Не было никакого прогресса. Это было похоже на то, что происходит в доме во время сильной электрической бури: все остальные интересы откладываются до тех пор, пока она не закончится.

Это утверждение, однако, в большей степени относится к городу Риму и Италии. В отдаленных частях страны и провинциях буря почти не ощущалась. Женщины, которые жили вне поля зрения Нерона и чьи друзья-мужчины не занимали должностей, были защищены от императорской жестокости и капризов. Их жизнь протекала в обычном для цивилизации русле. Они обручались и выходили замуж в соответствии с древними церемониями, ведь вдали от метрополии обычаи менялись медленно. Они поклонялись старым богам, хотя время от времени слышали о некой фанатичной секте, которая, осуждая древнее поклонение, навлекала на себя гибель если не с Олимпа, то от чиновников. Они управляли своими домами и рабами, читали свои книги, как мы видели на примере Кальпурнии, жены Плиния, и посещали амфитеатр. Единственными заботами женщин, принадлежавших к неофициальному классу, были заботы, связанные с правлением проконсулов, которые были посланы управлять ими от имени императора. Иногда эти люди были похотливы, часто - тираничны, всегда - алчны. Народ угнетали, чтобы удовлетворить требования сборщиков налогов; но это были беды, которые всегда были с ними и представляли собой нормальное положение вещей.

В биографии своего тестя Агриколы, который сам был провинциалом, Тацит пишет: "Он женился на Домиции Децидиане, даме славного происхождения, от которой он получил доверие и поддержку в своем стремлении к большим свершениям. Они жили вместе в восхитительной гармонии и взаимной привязанности, каждый отдавал предпочтение другому; поведение обоих было одинаково похвальным, за исключением того, что хорошая жена заслуживает большей похвалы, а плохая - большего порицания". Какое более трогательное выражение семейной привязанности можно найти, чем слова, написанные Тацитом по поводу смерти Агриколы? Апострофируя его, он говорит: "Но для меня и твоей дочери, помимо скорби от потери родителя, остается еще и отягчающее несчастье, что нам не выпало на долю присматривать за твоим больничным ложем. С каким вниманием мы должны были принять ваши последние наставления и начертать их на наших сердцах! В этом наша печаль. Все, несомненно, лучшее из родительского, было сделано для вашего комфорта и чести, а рядом с вами сидела самая ласковая жена; но все же меньше слез было пролито на ваш одр, и в последнем свете, который видели ваши глаза, чего-то не хватало". В

наше время нет ничего, что могло бы превзойти это в целомудренном и культивированном сочувствии.

Сенека, родившийся в Кордове, описывает свою мать как "воспитанную в строгом доме"; он также уверяет, что его тетя в течение шестнадцати лет, пока ее муж управлял Египтом, была "неизвестна в провинции", настолько она была предана семье и домашним обязанностям. Была также Полла, жена Лукана, чье безутешное горе после смерти мужа так прекрасно описано Статием. Мы читаем также о Минихе Макрине, который прожил тридцать девять лет со своей супругой, и ни одна туча никогда не поднималась между ними; а Марциал рассказывает о Спуринне, человеке из консульской семьи, обремененном годами и почестями, который жил в деревне со своей престарелой женой, каждый отдыхал в привязанности другого и вместе заканчивал "вечер прекрасной жизни".

XII

ПОД ВЛАСТЬЮ ФЛАВИАН

Трезвомыслящие люди, пережившие правление Нерона, приветствовали смерть тирана как избавление, хотя у них не было никаких гарантий начала лучшего положения вещей. Никакие мыслимые перемены не могли быть иными, кроме как к лучшему. На первый взгляд кажется удивительным, что лучшие слои римлян так долго и с таким упорством терпели такое позорное чудовище, как правительство Нерона; но следует помнить, что ни одно правительство не бывает иным, чем желает большинство народа, или лучшим, чем оно заслуживает. Столичная масса людей была довольна тем, что над ними правит императорский гонец. Политика перестала их интересовать, они полностью утратили свои свободы. Им не было никакого дела до судьбы империи, пока из Александрии регулярно приходили корабли с пшеницей. Единственным остатком независимости, который они сохранили, была привилегия кричать от нетерпения, когда игры задерживались; больше никаких прав они не требовали, когда Нерон, обедая в своей ложе в амфитеатре, выбрасывал свою салфетку из-за занавеса в знак того, что он закончил и можно начинать спорт. С таким народом более благородные духи города не могли надеяться ничего добиться.

Единственным выходом для них было прославлять свои пассивные страдания и свою смерть со стоическим спокойствием и непоколебимой гордостью. Насколько безнадежно было ожидать начала восстания среди простых жителей Рима, показывает отношение этих людей к памяти Нерона после его смерти. Долгое время его гробница постоянно украшалась цветами. Иногда почитатели Нерона ставили его изображение на ристалище, облачаясь в государственные одежды; снова публиковали прокламации от его имени, как будто он еще жив и скоро вернется и отомстит своим врагам. Время от времени появлялись слухи о его повторном появлении, поскольку во многих кругах сомневались в реальности его смерти, и нескрываемое удовлетворение, с которым принимались эти сообщения, свидетельствует о том, что римский народ в целом не жаждал реформ.

Но те, кто отсутствовал в провинциях, не находясь под непосредственной властью Нерона и не участвуя в его бесчинствах, не переносили с таким благодушием позор, который он

наложил на римское имя. Такие люди, как Гальба и Веспасиан, с большим негодованием слышали от насмешливых иностранцев, как в Риме они видели императора, играющего на сцене Ореста или даже Канацея. Эти люди не могли смириться с мыслью, что будут служить под началом правителя, который соревнуется с пантомимистом, рожденным из рабов. В разных частях империи вспыхнуло восстание среди легионов, к нему присоединились стражники в Риме, и когда пришел Гальба, провозглашенный императором, они с радостью приняли его.

Рим был потрясен в самых основах своих конституционных идеалов. Открытие возможности создания императора вдали от города ознаменовало вхождение клина, который в конечном итоге должен был привести к распаду империи. Легионы ясно осознали, что дар империи находится в их руках. Сенат отныне был лишним. К городу больше не относились с тем суеверным благоговением, которое заставляло людей считать священным или авторитетным все, что не исходило от него; он был центром, но больше не источником империи. Вскоре стало ясно, что слово "римлянин" означает широкое национальное включение, а не расовое исключение, как раньше; теперь даже еврей мог претендовать на звание свободного римского гражданина, хотя он никогда не видел Капитолия.

Вследствие противоборства претендентов на престол Италию вновь охватили гражданские распри, от которых она была свободна со времен последнего триумvirата. В течение восемнадцати месяцев были созданы и уничтожены три императора.

Наш рассказ, однако, не касается императоров или политической истории Рима, за исключением тех случаев, когда необходимо сослаться на нее в качестве фона или объяснения поведения женщин, которые здесь представлены. Женщины не играли важной роли в беспорядках, которые сотрясали империю после смерти Нерона и которые, таким образом, отличались от многих предыдущих революций в государстве; тем не менее в соответствии с планом этой работы следует упомянуть женщин, которые были связаны с главными действующими лицами.

Гальба, который был уже пожилым человеком, когда взошел на трон, в молодости был большим фаворитом императрицы Ливии. Благодаря ей он добился успеха и положения. Его мать звали Муммия Ахаика, дочь Катула, но она, вероятно, умерла, когда он был совсем маленьким, и своим воспитанием он был обязан Оцеллине, своей мачехе, которая была весьма примечательной женщиной не только в одном отношении. Красивая и очень богатая, она сама оказывала ухаживания отцу Гальбы. Старший Гальба стал консулом и имел большое значение в государстве; но он был очень маленького роста и деформирован. Существует интересная история о том, что однажды, когда Оцеллина добивалась своего, Гальба, чтобы не разочаровать ее в себе, снял в ее присутствии *тогу*, скрывавшую уродство его спины. Этот инцидент свидетельствует о похвальной бесхитростности нрава Гальбы, а также о том, что представляет для нас больший интерес, - о том, что римские дамы не были непривычны делать брачные авансы лично и с безошибочной прямоотой. Гальба, будущий император, был усыновлен Оцеллиной как родной сын; можно предположить, что честность его характера во многом была результатом ее воспитания, а также унаследована от отца.

Гальба был женат на Эмилии Лепиде, потомке триумвира; но она умерла во время правления Клавдия, и после этого он так и не женился, хотя его горячо искала Агриппина Младшая, которую теща заковала в наручники за попытку узурпировать место Лепиды еще при жизни последней.

В течение коротких восьми месяцев своего правления Гальба почти полностью находился под влиянием Тита Виния и Пизона Лициниана, оба из которых погибли вместе с ним, причем

последний был назначен им своим преемником. Виния постигла судьба, которую он вполне заслужил и которой, к несчастью для многих римлян, он избежал, хотя и с трудом, во времена Калигулы. Тогда он опозорился, став сообщником и любовником Корнелии, жены своего полководца Сабина, которая по ночам расхаживала по лагерю в одежде простого солдата. Однако впоследствии Корнелия искупила свое преступление преданностью мужу в его несчастье. Виний добился богатства с помощью методов, которые хорошо иллюстрирует унижение, которому он подверг свою дочь Криспину от рук развратного Тигеллина. Во время правления Гальбы народ, полагая, что Нерон был подстрекаем Тигеллином к его худшим поступкам, потребовал казни последнего, но Виний уберег его от их ярости, и тогда Тигеллин устроил великолепный банкет в благодарность за свое избавление. На этом пиру присутствовала Криспина в сопровождении своего отца, который позволил ей получить от хозяина огромную сумму денег. По этому же случаю Тигеллин приказал своей главной наложнице снять со своей шеи очень ценное ожерелье и надеть его на шею Криспины. Но вскоре она была вынуждена потратить свои незаконно нажитые средства самым плачевным образом. После смерти Гальбы, Пизона и Виния солдаты развлекались тем, что носили их головы по городу на остриях копий. Когда Криспина и Верания, жена Пизона, посетили лагерь с целью выпросить головы своих родственников, чтобы распорядиться ими с погребальными почестями, Криспине не разрешили взять голову отца, пока она не купила ее за двадцать пять тысяч драхм.

Следующим императором стал Отто, муж Пoppеи Сабины; его правление длилось менее четырех месяцев, и единственным достойным похвалы деянием стала его благородная смерть. Затем наступило короткое и позорное правление Вителлия. Риму достаточно было оказаться под властью обжоры, чтобы на его троне появился чудовищный пример всех форм порока, к которым может пристраститься человеческая природа.

Этот человек был сыном того самого Вителлия, который так бесстыдно льстил Мессалине и так подло бросил ее в трудную минуту. Его мать звали Секстилия, и, по слухам, она была самой прекрасной и уважаемой женщиной, чей характер сформировался по образцу античной морали. Говорят, что ее смерть была вызвана сыном, чтобы предсказание германской пророчицы наверняка исполнилось: она сказала ему, что он будет царствовать в безопасности, если переживет свою мать. Его обвиняют в том, что он не давал ей полноценного питания во время болезни. Суетоний, однако, добавляет, "что, будучи совершенно измученной плачевным положением дел и опасаясь за будущее, она без труда получила от сына дозу яда".

Петрония была первой женой Вителлия. Разрыв произошел, вероятно, по обоюдному согласию, так как Петрония завещала свое имущество их сыну, но сначала потребовала освободить его от власти отца, Вителлий согласился на это, но вскоре после этого сын умер от яда, который, как считается, был введен его отцом. Второй женой Вителлия стала женщина по имени Галерия Фундано, но о ней ничего не известно, кроме того, что Тацит говорит о ее мягком нраве.

Для Вителлия царствовать означало лишь пировать по-королевски. Однако в этом он был лишь главным и наиболее заметным выразителем порока, характерного для его времени. Обжорство среди римлян было возведено в ранг искусства, и в доказательство того, что женщины тех времен не были от него свободны, историки сообщают нам, что среди представительниц женского пола было распространено заболевание подагрой. Суетоний так описывает пиршества, к которым Вителлий приучил римскую знать: "На ужине, устроенном его братом в день его прибытия в Рим, было подано две тысячи редких рыб и семь тысяч птиц. Но Вителлий отбросил в тень все это изобилие, поставив на свой

собственный стол огромное блюдо, которое он назвал Щитом Минервы. На нем лежали печенки камбалы, мозги фазанов и павлинов, языки фламинго, икра миноги и тысяча других яств, которые искали военные корабли от самых отдаленных границ Эвксинского моря до Геркулесовых столбов".

Это блюдо Вителлиуса было сделано из серебра. Каков был его точный вес, мы не знаем, но поскольку один из вольноотпущенников Клавдия изготовил такое же блюдо весом в пятьсот фунтов, которое явно уступало ему, мы вполне можем поверить древнему писателю, когда он говорит нам, что щит Минервы был такого огромного размера, что для его изготовления пришлось построить специальную печь. Он хранился как памятник экстравагантности до времен Адриана, который приказал его переплавить.

Недолгое правление Вителлия завершилось пароксизмом гражданской войны, которая закончилась в стенах самого города. Более ста лет - со времен разграбления Перузии, в котором Фульвия сыграла столь заметную роль, - женщины Италии были свободны от горького опыта войны. Они ничего не знали о жестокостях и зверствах, последовавших за древней битвой, кроме историй, рассказанных бабушками на ночь. Теперь же им предстояло самим испытать это зло.

Во время войны, как ни в каком другом опыте, человек возвращается к своему первоначальному варварскому, или, скорее, чисто животному, типу. Заметно также, что на войне, и особенно на гражданской войне, женщины вновь обретают ту свирепость, которая присуща самкам низших видов животных. Во время террора во время Французской революции было много женщин, которые проявляли себя столь же кровожадно, как и мужчины, входившие в Комитет общественной безопасности. Так и в борьбе, сопровождавшей недолгое правление трех римских императоров, было много женщин, участвовавших в сражениях; и среди них были такие, которые отличились поведением, не часто выставляемым на позор женскому полу. Например, Триария, которая была женой Луция Вителлия, брата императора, описывается как женщина самого яростного духа. Когда Долабелле, женившемуся на Петронии, угрожала опасность для жизни, Триария предупредила друга, пытавшегося спасти его, что не стоит добиваться от него милосердия; а когда Таррацина была разграблена вителлианскими солдатами, та же Триария, вооружившись солдатским мечом, призывала людей к убийствам и грабежам.

В финальной схватке между войсками Вителлия и Веспасиана был осажден город Кремона, который удерживал первый. Тацит сообщает нам, что в своем рвении к делу, которое принял их город, некоторые из женщин Кремоны приняли участие в сражении и были убиты. Учитывая то, что последовало за взятием их города, им повезло. "Сорок тысяч человек, - говорит историк, - влились в него. Число трутней и приверженцев лагеря было еще больше, и они были еще более склонны к похоти и жестокости. Ни возраст, ни достоинства не служили защитой; дела похоти совершались среди сцен резни, а к изнасилованию добавлялось убийство. Старые женщины, вышедшие из расцвета и бесполезные в качестве добычи, становились объектами жестокого спорта. За девиц боролись грубияны, которые в конце концов обратили свои мечи друг на друга".

Кровопролитие и насильственные действия были перенесены в сам Рим. Вителлий, видя, что его положение безнадежно, пожелал отречься от престола, но ни солдаты, ни народ не позволили ему этого сделать. Префектом города был Флавий Сабин, и он вместе с солдатами партии Веспасиана укрылся в Капитолии. Были и женщины, которые добровольно заняли место рядом с этими осажденными мужчинами. Среди них была Верулана Гратилла, которая, не имея ни детей, ни родственников, следила за судьбой войны без всякой видимой

причины, кроме удовольствия, которое она получала от сцен резни. В ходе этого конфликта был обстрелян Капитолий, а храм Империи превратился в пепел. Но пока все это происходило, простые жители Рима, безразличные к тому, кто ими правит - Вителлий или Веспасиан, - смотрели на происходящее, как на гладиаторское представление. Для них это было не более чем зрелище, только еще и повод для абсолютного беззакония и подстрекательства к неистовому потворству всему порочному. Люди настолько ожесточились, что в то время как в одних частях большого города улицы были завалены горами убитых, в других, куда не доходил конфликт, царило веселье самого неистового толка, в котором главную роль играли бесстыдные женщины.

Легионы Веспасиана одержали победу, и с его воцарением Рим вернулся к миру и здравому смыслу. Бесчинства, которым она потворствовала со времен правления Августа, были на время искуплены.

При Флавиях на престол взошла новая и здоровая династия Цезарей, хотя не позднее третьего царствования Домициана она также должна была ослабеть от последствий обладания безграничной властью. Веспасиан происходил из небогатой семьи, жившей в Реате в Сабинской области. Его отец занимался сбором налогов в провинции Азия, где была воздвигнута его статуя с надписью: *Честный сборщик налогов*. Его мать, которую звали Веспасия Полла, происходила из хорошей умбрийской семьи. Тертулла, его бабушка по отцовской линии, занималась его воспитанием, и память о ней всегда вызывала у него глубокое уважение; гораздо большее, чем можно предположить, дает понять замечание Суэтония о том, что после своего возвышения над империей Веспасиан любил посещать место, где прошло его детство. Дом и вся обстановка были сохранены в том же состоянии, чтобы среди неизменных сцен он мог вновь прожить дни своего детства. Это был простой загородный дом, не претендующий на великолепие, которым славились великие городские особняки, но при этом художественный.

В те времена даже самая простая усадьба не обходилась без скульптур; и мы можем быть уверены, что, когда Тертулла при дворе Фалакринна наблюдала за воспитанием будущего строителя Колизея, она могла указать на примеры скульптурной красоты, чтобы проиллюстрировать те представления об искусстве, которые входили в программу обучения каждого римлянина. В большой общей комнате, где велась работа по дому и где зимними вечерами рабы были заняты полезным делом, Полла председательствовала, как и матроны в былые времена. В атриуме она развлекала соседей в простом стиле; там же она иногда читала лекции своему сыну, который очень досаждал ей своей медлительностью, отбрасывая мальчишеские замашки. Она была честолюбива и мечтала поскорее увезти его в Рим, чтобы в городской суматохе или в лагере он мог прославить имя Веспасиана. Полла мало понимала, что время, которое ее сын проводил, бездельничая, как она полагала, наблюдая за упряжками и скотом у поилки внутреннего двора, укрепляло его, чтобы противостоять моральным опасностям двора другого рода. Суровый, прямолинейный, простодушный солдат, который в честь праздников пил из серебряного кубка, доставшегося ему на память от бабушки, был таким императором, какого римляне еще не видели.

Флавия Домитилла была женой Веспасиана, но она не дожила до того, чтобы вместе с ним принять императорское достоинство. О ее жизни и характере мы знаем немного. Существует только одно ее изображение - колоссальная голова, найденная недалеко от Путеоли и хранящаяся сейчас в музее Кампана. Это дает ей вид поразительно красивой женщины, с налетом гордости, но не слишком сильной, чтобы преодолеть аспект доброго характера. Суэтоний говорит, что сначала она была любовницей Статилиуса Капеллы, римского рыцаря. Может показаться странным, что человек с характером Веспасиана женился на женщине,

которая имела такие прежние отношения; но в те времена жены с прошлым, в котором их нынешние мужья не играли никакой роли, были не настолько редки, чтобы даже быть примечательными. Домитилла по рождению обладала всеми юридическими привилегиями латинянки, но она не была гражданкой Рима до тех пор, пока ее отец не подал на нее в суд. Возможно, этот иск был подан в связи с наследованием имущества; ведь привилегии гражданства, касающиеся женщин, заключались в возможности получать наследство и завещать имущество, а также заключать такие брачные союзы, которые были бы признаны действительными, если бы речь шла об имущественных вопросах. Вполне вероятно, что объяснение тому факту, что Домитилла упоминается как любовница, а не жена Статилия, кроется в том, что он был римским рыцарем, а она еще не была гражданкой Рима, и законный брак между ними не мог состояться. Суэтоний рассказывает, что после смерти Домитиллы Веспасиан возобновил союз со своей бывшей наложницей Кенис, вольноотпущенницей и бывшей подругой Антония, с которой он обращался даже после того, как стал императором, почти как со своей законной женой; и мы можем с уверенностью предположить, что, если бы он мог сделать это на законных основаниях, Веспасиан сделал бы Кенис императрицей Рима.

Домитилла родила своему мужу троих детей: Тита и Дораитиана, которые стали императорами в порядке преемственности, и Домитиллу, которая умерла до того, как ее отец достиг пурпура.

Благотворное влияние характера Веспасиана вскоре проявилось в улучшении римских нравов. Он не был энергичным реформатором; но он ограничил те злоупотребления, которые были наиболее вопиющими, и сам подал пример, которому те, кто желал его благосклонности, сочли выгодным последовать. Он изгнал из сената тех, кто вел крайне порочный образ жизни, и среди них того, кто по просьбе Нерона состязался на арене с греческой девушкой. Он потребовал от сената принять постановление, согласно которому любая женщина, вступившая в связь с чужим рабом, сама должна считаться рабыней - закон, свидетельствующий о том, до каких пределов доводила женщин их свобода во время предыдущих царствований.

Один акт жестокости по отношению к женщине запятнал записи этого царствования. В Бельгии было подавлено восстание, но Сабину, его предводителю, удалось бежать. Его дом был сожжен; он мог бы легко бежать в Германию, но не захотел оставлять свою молодую жену Эпонию без защиты и крова. "Он спрятался в подземном тайнике, вход в который был известен только двум верным вольноотпущенникам. Его считали мертвым, и его жена, разделяя мнение окружающих, уже три дня пребывала в безутешной печали. Однако, когда ей тайно сообщили, что Сабин жив, она скрыла свой восторг и была препровождена в его убежище, где в конце концов и решила остаться. По прошествии семи месяцев муж и жена решились выйти на свободу и отправились в Рим, чтобы просить о помиловании. Но, получив заблаговременное предупреждение, что прошение будет тщетным, они покинули Рим, не увидев императора, и снова укрылись в своем подземном убежище. Здесь они прожили вместе девять лет. Наконец Сабину обнаружили, доставили в Рим, где Веспасиан приказал его казнить. Эпония последовала за мужем и бросилась к ногам императора. "Сезар, - воскликнула она, показывая на двух своих сыновей, которые были с ней, - их я родила и вскормила в гробницах, чтобы еще двое сторонников могли просить тебя о помиловании". Присутствующие были тронуты до слез, и даже сам Веспасиан был поражен; но он остался непреклонен. Тогда Эпония попросила умереть вместе с тем, кого она не смогла спасти. "Я была более счастлива с ним, - сказала она, - во тьме и под землей, чем ты в верховной власти". Ее вторая просьба была удовлетворена. Плутарх встретил в Дельфах одного из их

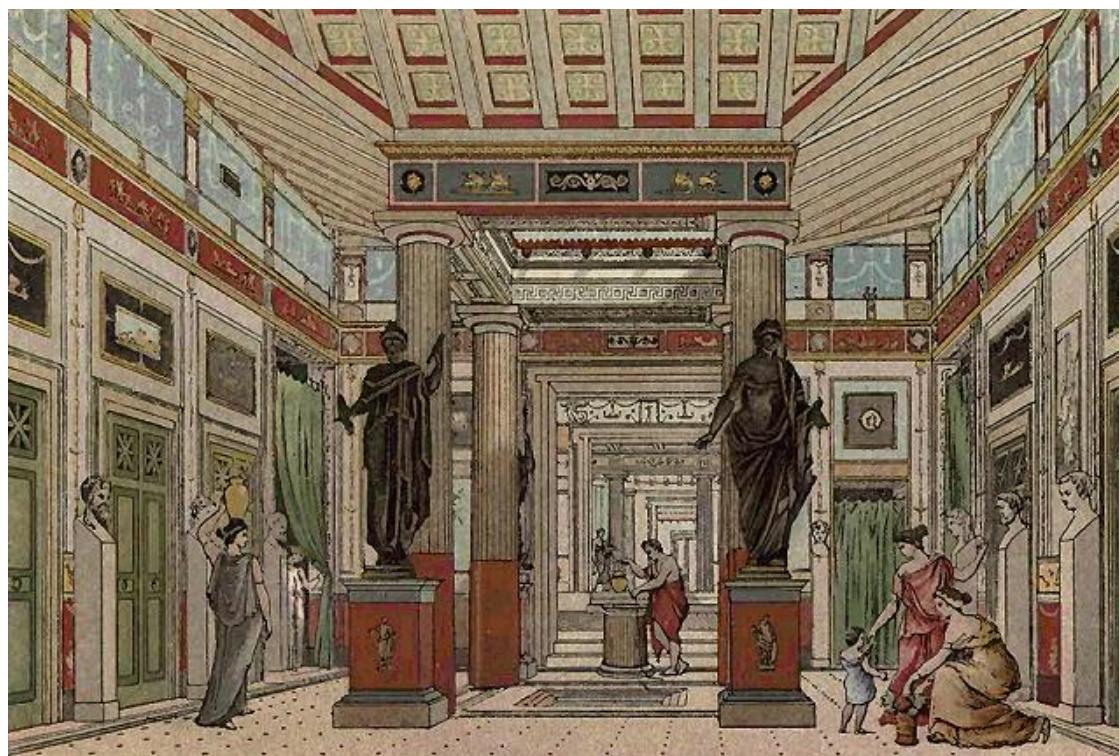
детей, который рассказал ему эту печальную и трогательную историю". Почему этот обычно терпимый и всегда здравомыслящий император был так неумолим в этом случае, остается загадкой.

Известен и другой случай, когда женщина с другим характером, подав прошение другого рода, получила благосклонный ответ. Знатная дама, притворившаяся, по словам Суэтония, отчаянно влюбленной в Веспасиана - должно быть, она надеялась добиться постоянной связи с овдовевшим императором, - потребовала того, чего, согласно ее скромности, следовало бы избегать. Удовлетворив ее просьбу, Веспасиан сделал ей подарок в размере четырехсот тысяч сестерций. Когда его управляющий спросил, как он хочет, чтобы эта сумма была занесена в его счета, он ответил "За то, что Веспасиан соблазнил ее". Учитывая, однако, скупость, которую историк приписывает этому императору, мы более склонны думать, что сумма должна была быть занесена в кредитную часть бухгалтерской книги.

Веспасиан умер в 79 году н.э. Юмор - что то же самое, что сказать здравомыслие - этого человека проявился в его замечании, когда он почувствовал, что его жизнь уходит: "Что ж, полагаю, скоро я стану богом". Плиний говорит о нем: "Величие и величественность не производили в нем иного эффекта, кроме как делали его силу творить добро равной его желанию". Суэтоний заявляет: "Благодаря ему государство укрепилось и украсилось".

В этом же году произошло разрушение Помпеи и Геркуланума. Эти два города, благодаря тому, что в результате одного события они были одновременно и разрушены, и сохранены, дали нам так много материала для изучения римской домашней жизни, что обращение к ним полностью соответствует плану этой книги. Среди римлян, даже в большей степени, чем среди нас, жизнь женщины была домашней жизнью. Заглядывая в помпейские дома, которые катастрофа одного дня сделала неприступными для осады веков, мы видим в реальности перед собой многое, что обрывки информации, предоставленные древними писателями, не могут сделать понятным. По счастливой случайности мы располагаем рассказом достоверного очевидца катастрофы, постигшей Помпеи; он содержится в двух письмах, которые Плиний Младший написал Тациту, сообщая, как Плиний и его мать наблюдали за извержением Везувия, пока его дядя погибал, пытаясь спасти жену друга и одновременно удовлетворить свой пытливый дух. Мы не будем пересказывать хорошо известный рассказ, за исключением того, что в нем говорится о женщинах, которые, если не по какой-либо другой причине, а только потому, что им выпала судьба или удача присутствовать при этом памятном событии, заслуживают упоминания в истории римских женщин. Плиний говорит: "Двадцать четвертого августа, около часа пополудни, моя мать попросила дядю понаблюдать за облаком, которое оказалось очень необычного размера и формы..... Это необычное явление возбудило его философское любопытство, чтобы рассмотреть его поближе. Он приказал подготовить легкое судно и предоставил мне право, если я сочту нужным, сопровождать его. Я предпочел продолжить свои исследования..... Выходя из дома, он получил записку от Ректины, жены Басса, которая была в крайней тревоге из-за грозящей ей опасности; поскольку ее вилла находилась у подножия Везувия, спастись можно было только по морю; поэтому она убедительно просила его прийти к ней на помощь. Он изменил свой первый замысел, и то, что начал с философским настроением, продолжил с героической целью. Он приказал галерам выйти в море и сам отправился на борт, намереваясь помочь не только Ректине, но и нескольким другим, ибо на этом прекрасном побережье виллы стоят очень густо". Замысел его не удался, и он отправился в то место, которое сейчас называется Каstellамаре, в Неаполитанском заливе. Там он задохнулся от ядовитых газов, сопровождавших извержение. Во втором письме Плиний описывает, как его мать и он сам пытались спастись от последствий "черной и страшной тучи, разрывающейся

магматическим, змеиным паром, вырывавшимся длинным шлейфом огня, напоминавшим вспышки молний, но гораздо более сильным..... Вскоре облако, казалось, опустилось и накрыло весь океан, как, впрочем, оно полностью скрыло остров Капрезе и мыс Мизенум. Мать настоятельно убеждала меня во что бы то ни стало спастись, что, поскольку я был молод, я мог бы легко сделать; что же касается ее самой, то, по ее словам, ее возраст и худоба делали все попытки такого рода невозможными. Однако она охотно встретила бы смерть, если бы ей было приятно видеть, что она не стала причиной моей смерти. Но я категорически отказался покинуть ее и, взяв за руку, повел дальше, она подчинялась с большой неохотой и с многочисленными упреками в свой адрес за то, что мешала моему полету..... Нас окутала тьма, не такая, как в пасмурную ночь или когда нет луны, а такая, как в комнате, когда она закрыта и все огни погашены. Не было слышно ничего, кроме криков женщин, воплей детей и воплей мужчин. Одни звали своих детей, другие - родителей, третьи - мужей, различая друг друга только по голосам; один оплакивал свою судьбу, другой - судьбу своей семьи; некоторые желали умереть от самого страха смерти; некоторые возносили руки к богам; но большая часть воображала, что наступила последняя и вечная ночь, которая должна уничтожить богов и весь мир вместе..... На нас сыпался сильный пепел, который мы были вынуждены время от времени стряхивать, иначе нас раздавило бы и похоронило в куче". Однако мать и сын спаслись и вернулись в Мизенум, где в условиях все еще грозящей опасности ждали вестей от бесстрашного и рокового натуралиста.

ПОМПЕЙСКИЙ ДОМ

С акварели М. Хоффбауэра, после реставрации Жюль Бушо по описанию Плиния.

Этот интерьер, называемый домом Пансы, окружен тремя улицами и переулком. Вид открывается из вестибюля. В центре находится бассейн, предназначенный для приема воды, падавшей с крыши через отверстие, которое также давало свет в комнаты, двери и портики которых видны с

каждой стороны. Рядом с бассейном находился алтарь домашнего бога; пространство за ним было столовой, которая вела в перистиль, приемную и сад. Как и в атриуме, комнаты выходили в перистиль и другие части. Внешние помещения первого этажа обычно сдавались в аренду под магазины. Торговля римской знати всегда считалась унижительной, особенно если она не была обширной, говорит Цицерон; поэтому они торговали, делая своих рабов или вольноотпущенников якобы купцами.

Сейчас две пятых города Помпеи расчищены, и мы можем увидеть внешние условия жизни римлянки такими, какими их невозможно было бы представить современности, если бы не эта древняя катастрофа. Мы можем увидеть улицы, какими они были во времена Агриппины; мы можем заглянуть в магазины, где женщины древней Италии искали выгодные предложения через мраморные прилавки; мы можем пойти в храмы, где они поклонялись, в театр, где их волновали и развлекали; более того, у нас есть театральные билеты, с номером места и названием пьесы. Лучше всего то, что мы можем войти в почти нетронутые дома и изучить обстановку той домашней жизни, которая во все века является особым уделом женщины. Ни один рассказ о женщине не может быть полным без изучения ее дома, и по этой причине мы свободно цитируем прекрасное описание помпейской резиденции, сделанное М. Буассье. "Все главные комнаты находятся на первом этаже. Самые богатые жители строят себе дома, расположенные на четырех улицах, занимая таким образом весь квартал. Если они были экономны, то отрезали от этого большого участка земли несколько полос, которые сдавали за хорошую сумму; и мы иногда видим магазины, занимающие всю внешнюю сторону дома. Если у нас фасад отведен под лучшие комнаты, то в Помпеях он был отдан под хозяйственные нужды или закрыт толстыми стенами, в которых не было ни одного проема. Весь дом, вместо того чтобы смотреть на улицу, обращен внутрь. С внешним миром он сообщается только через входную дверь, которая строго закрыта и охраняется; окон мало, и те только на верхних этажах. Семьи желали жить уединенно, вдали от равнодушных и посторонних людей..... Глава дома не желал смотреть на улицу и особенно не любил, чтобы в его дом заглядывали посторонние. Даже внутри особняка у него были разделения и различия. В ту часть, где он принимал гостей, не входили те, куда он удалялся с семьей, и проникнуть в это убежище, отделенное от всех остальных частей коридорами, закрытое дверями или вешалками и охраняемое носильщиками, было нелегко. Хозяин принимал гостей, когда хотел, уединялся, когда хотел; а если какой-нибудь клиент, более хлопотливый и упрямый, чем обычно, задерживался в вестибюле, чтобы встретить его на выходе, у него была задняя дверь на узкую улицу, которая позволяла ему скрыться.....

"Если комнаты и не велики, то многочисленны. Римлянин использовал свою резиденцию так же, как и своих рабов; у него были разные комнаты для каждого события дня, как и слуги для каждой жизненной необходимости. Каждая комната в его доме сделана именно для того, для чего она предназначена. Он не довольствуется, как мы, одной столовой; у него они разных размеров, и он использует ту или иную в разное время года или в зависимости от количества друзей, которых он хочет развлечь. Комната, где он проводит сиесту днем, и та, в которой он ложится спать ночью, очень маленькие, пропускающие свет и воздух только через дверь, что не является недостатком на юге, где прохлада способствует темноте. Кроме того, он находится там только во время сна; для остального у него есть *атриум* и *перистилиум*.

"Здесь он предпочитает оставаться, когда находится дома. Он здесь не только с женой и детьми, но и под взглядами слуг, а иногда и в их обществе. Несмотря на его пристрастие к уединению и изоляции, о котором я уже говорил, он не избегает их общества; ведь семья античности более обширна, чем наша. Она охватывает, признавая свою неполноценность,

рабов и вольноотпущенников, так что хозяин, живя с ними, чувствует себя среди своих людей. Эти открытые и закрытые *атрии*, где семья проводит время, есть во всех помпейских домах без исключения; они необходимы для обеспечения светом остальной части жилища. Поэтому все, даже самые бедные слои населения, с удовольствием украшали их со вкусом, а иногда и с изобилием. Если площадь участка позволяла, сажали различные кустарники и выращивали несколько цветов".

Следующим императором Рима стал Тит, который за два года своего правления показал себя лучшим и мудрейшим правителем, которого когда-либо знал Рим. "Я потерял день", - говорил он, когда вечером не мог вспомнить, что кому-то оказал помощь. Он унаследовал здравый смысл своего отца, воспользовался опытом старшего, и вступил на престол, вкусив и пресытившись пороками, свойственными его возрасту. Сначала он женился на Аррисидии, дочери рыцаря. О ней мы больше ничего не знаем. После ее смерти он взял в жены Марцию Фурнилле, женщину из очень знатного рода, но, вероятно, с неблагородным умом, так как он развелся с ней, сохранив опеку над их дочерью. Это была Юлия, которая была верна характеру, свойственному императорским женщинам с таким именем. У нас будет повод поговорить о ней чуть позже.

Женщиной, с которой связана история Тита и которая оказала на его жизнь большее влияние, чем кто-либо другой, была Береника, дочь Агриппы Великого. Она была иудейкой по расе, но римлянкой по симпатиям, а также по подданству; по характеру ее вполне можно поставить в один ряд с такими римскими дамами, как Пoppея или Юлия, дочь Августа. Сначала она была замужем за Иродом из Халкиса; но он умер, и долгое время она оставалась вдовой в обществе и под защитой своего брата Агриппы. В это время пара нанесла визит в Рим и по пути остановилась в Кесарии, где правителем был Фест. Здесь Береника слушала апостола Павла, когда он красноречиво отвечал своим обвинителям и обращался к трибуналу кесаря. Продолжительное вдовство Береники, а также известная распущенность ее нравов привели к появлению некрасивых историй о ее отношениях с братом; тогда она уговорила Полемона, царя Киликии, стать прозелитом иудаизма и жениться на ней. Этот брак, по-видимому, не удовлетворил обе стороны, так как Береника вскоре вернулась в Иерусалим, а Полемон отрекся от своей иудейской веры. В это время Тит находился со своим отцом в Иудее, и, хотя Береника была намного старше его, молодой римлянин был очарован ее необыкновенной красотой, настолько, что по возвращении в Рим взял ее с собой. Ей отвели апартаменты во дворце, и там, судя по всему, она жила с Титом как его жена. На самом деле он сделал бы ее своей женой, если бы не сильные предрассудки римлян против иностранных союзов; но когда он вступил на престол, то, не желая, чтобы его правление пострадало от какого-либо скандала, отослал Беренику, хотя эта разлука была источником острого горя для них обоих.

Тит умер через двадцать шесть месяцев после вступления на престол, и вместо него воцарился его брат Домициан, который, к несчастью для истории Рима, обладал не только более здоровым телосложением, но и более слабым нравом. Домициана называют вторым Нероном, поскольку характер его правления был очень похож на правление Нерона. Этот недостойный сын Веспасиана опозорил свою молодость всевозможными порочными расточительствами, но, взойдя на трон, он, казалось, исправился. Однако это было лишь временным явлением. Как уже было замечено, в день коронации мало кто становится плохим монархом. Все начинают хорошо; но большинство деспотов плохо заканчивают.

Домициан даже начал свое правление как реформатор. Он назначил себя цензором. В этом качестве его внимание было обращено прежде всего на коллегию весталок, которые настолько забыли о характере, который был главным условием их должности, что стали

печально известны своим развратным поведением. Три из этих жриц получили приказ покончить с собой. Корнелия, главная весталка и самая страшная преступница, была приговорена к наказанию в виде погребения. В истории ее смерти есть один случай, достойный внимания как иллюстрация наглости, которую может развить в женщине привычное, хотя и необоснованное принятие на себя высшей святости. Когда она спускалась в гробницу, покрывало Корнелии зацепилось за ступеньки; когда чиновник предложил распутать его, весталка в ужасе приказала ему отказаться, поскольку ее освященный характер не мог вынести оскверняющего прикосновения мужчины.

Кроме того, Домициан издал указ, запрещающий проституткам пользоваться *lectica*, или дорожным креслом; они также лишались права получать наследство или наследовать поместья. Но этот энтузиазм в отношении морали был недолгим, и цензура никогда не мешала его собственным поблажкам и не распространялась на его собственную семью. Императрицей того времени была Домиция Лонгина, которая, судя по всему, была женщиной, нашедшей экстравагантность либидинозных развлечений Нерона вполне соответствующей ее характеру и вкусу. Она отчаянно влюбилась в Париса, знаменитого актера того времени. В результате она развелась, но ее муж, не выдержав разлуки, вернул ее под предлогом, что этого требует народ. О ее влиянии на императора, возможно, говорит тот факт, что мы не слышали ни о чем зловещем, случившемся с Парисом; но сенатор Гельвидий, который под именем Оэнона выставил Домицию на посмешище в написанном им фарсе, был предан смерти. Существует бюст Домиции Лонгины, но единственное отражение, которое наводит на мысль о ее внешности, - это количество труда и заботы, которые, должно быть, требовались от ее рабов для создания бесчисленных мелких завитков, в которые были уложены ее волосы. При жизни Тита его дочь Юлия была предложена Домициану в жены, поскольку пример Агриппины и Клавдия установил законность союза между дядей и племянницей. Но в это время Домиция владела сердцем будущего императора. Впоследствии несчастная Юлия была вынуждена вступить в преступную связь с Домицианом и лишилась жизни, пытаясь уничтожить доказательства этого. Этой опасности часто подвергались замужние женщины, чтобы предотвратить рождение законного потомства. Большие семьи в богатых домах были крайне редки. В музее Ватикана хранится статуя Юлии, представленная как богиня Клеменси. Существует также профиль, выгравированный на камне, и бюст, хранящийся в галерее Уффици. Достаточно взглянуть на эти сходства, чтобы понять, почему греки называли Юлию "новой Юноной".

Во время правления Домициана был достроен и открыт Колизей, строительство которого начал еще Веспасиан. В этом огромном амфитеатре было восемьдесят семь тысяч зрительских мест, а еще пятнадцать тысяч могли разместиться стоя. На его арене в течение каждого года сотни мужчин - гладиаторы, преступники и христиане - сражались и падали в смертельной агонии на потеху многочисленной публике, среди которой женщины составляли значительную часть. Императрица сидела в передней ложе, специально предназначенной для весталок, и часто случалось, что взоры этих дам останавливались на сцене, где когти и зубы свирепых зверей раздирали тела христианок.

Женщины также добровольно занимали свои места на арене. На *стадионе* часто устраивались состязания между молодыми девушками, и не было ничего необычного в том, что женщины участвовали в смертельной схватке гладиаторов. Иногда они сражались с дикими животными, а иногда даже брали в руки трезубец и сеть *ретиариев* и пробовали свои силы против мечников. Ювенал ополчился на Мевия, который, "обнажив грудь, схватил охотничье копье и заколол тосканского вепря". Сатирик также использует свой мрачный юмор, изображая женщину, упражняющуюся в искусстве фехтования. "Кто не видел ран,

нанесенных деревянным столбом, который она наносит мужественной рапирой, атакует щитом и бьет с искусной точностью? Матрона, достойная танцевать под трубу на непристойных цветочных играх. Возможно, однако, что она задумывает более серьезную цель и намерена всерьез заниматься в амфитеатре по найму. Какую скромность может проявить женщина, которая носит шлем, сторонится своего пола и радуется силовым подвигам?"

Было бы удивительно, если бы Домициану позволили закончить свою жизнь иначе, чем насильственным путем. Суетоний обвиняет Домицию в том, что она была осведомлена об убийстве своего мужа, но не объясняет, каким образом она в нем участвовала. Суетоний обладал редким нюхом на скандалы и всегда верил в худшее. Императора убил вольноотпущенник, управляющий Домитиллы.

"Когда он наводил ужас на сброд,

На примере смерти этого тирана мы снова видим, как любовь женщины к невинному младенцу пересиливает все пороки взрослого мужчины. Во дворце находилась женщина по имени Филлис, которая была кормилицей Домициана. Она была единственной, кто проявил хоть какое-то уважение к мертвому императору. Сначала она похоронила его тело на его вилле в Латинском пути, а затем, найдя удобный случай, сожгла останки и, перенеся прах в мавзолей семьи Флавиев, смешала его с прахом Юлии, чьей кормилицей она также была.

Императрица Домиция, по-видимому, пережила своего мужа на много лет; в надписи, дата которой соответствует 140 году, упоминается, что один из ее вольноотпущенников, построив ей храм, предложил *декуриону* Габияу пятнадцать тысяч сестерций, доход от которых должен был пойти на поддержание здания в порядке и празднование дня рождения его госпожи.

Период римской истории, который мы прошли, изучая женщину, показывает древнюю языческую империю в ее лучшем материальном и худшем моральном состоянии. Сейчас мы вступаем в новую эпоху. Вскоре мы начнем замечать предвестники упадка, но такого абсолютного и повсеместного отказа от требований морали мы больше не увидим. Со времен Сезара Августа и до конца правления Домициана все, что известно о римских женщинах, за редким благородным исключением, - это лишь утомительное повторение примеров поразительной чувственности. Почему женщины этого периода в такой неестественной и необузданной степени потакали своим грубым аппетитам? Не потому, что они не были знакомы с самыми строгими заповедями морали. Их предки идеализировали женское целомудрие так, как оно не возвышалось ни у одного народа за всю историю человечества. Их философы самым красноречивым языком учили добродетели воздержания, а диатрибы их сатириков свидетельствуют о том, что совесть римлян не была полностью спокойна по отношению к распространенным излишествами. Как же объяснить эту однообразную оргию либидиноза?

Поскольку вопрос касается императоров, ответ один: дело в их безграничной власти, в которой, не подчиняясь ничьей воле, они были абсолютно свободны потакать капризам и похотливым порывам в меру своих личных возможностей. Когда же, что было вполне естественно в данных обстоятельствах, характеры этих владык искажались в неправильном направлении, их влияние, не говоря уже об их тиранической власти, оказывалось неисчислимо пагубным для женской добродетели. Но настоящей первопричиной чувственности женщин, о которых мы рассказали, была полная бесцельность их жизни, соединенная с полным отсутствием всяких духовных импульсов в направлении самоуважения. Жизнь римской женщины в рассматриваемый период была одной из абсолютных свобод и беспредельной роскоши, хотя рядом всегда витала возможность

жестоких физических страданий в виде изгнания или насильственной смерти. Роскошь всегда способствует сексуальному недержанию, а, как известно, привычная опасность порождает безрассудство. Разум римских женщин не был укреплен адекватными духовными впечатлениями, чтобы противостоять этим импульсам. Представления о целомудрии, унаследованные от древних обычаев, основывались не на вере в достоинство женщины, а скорее на представлении о браке как о праве собственности, принадлежащем мужу на лицо жены. Прелюбодеяние было нарушением имущественных прав мужа, а не ущемлением личных достоинств женщины. Когда разводы по политическим причинам стали обычным явлением, чувство обоснованности этих прав соответственно потускнело. Женщина, видя, что ее выдают замуж не ради нее самой, а ради ее друзей, сама стала придавать мало значения тому, что для ее мужа не являлось главным пунктом договора. Сухой формализм ее религии также не давал никакой поддержки сдерживаемым инстинктам самоуважения. Нужна была новая религия, которая позволила бы женщине заново открыть в себе духовную природу, которая может быть запятнана и повреждена злоупотреблением телом.

ГЛАВНАЯ ВЕСТАЛКА

По картине Анри П. Мотта

Весталки считались римлянами гарантами существования империи. Этим жрицам оказывалось уважение, не меньшее, если не большее, чем любому римскому чиновнику. Любое оскорбление каралось смертью. Всякий раз, когда весталка появлялась на публике, ее сопровождал ликтор, перед которым уступали дорогу все, даже высшее должностное лицо государства. В ее присутствии лица всегда были опущены..... Домициан назначил себя цензором; в первую очередь его внимание было обращено на коллегия весталок, которые приобрели дурную славу из-за разврата. Три жрицы получили приказ покончить с собой. Корнелия, главная весталка и самая

страшная преступница, была приговорена к наказанию в виде погребения. Когда она спускалась в гробницу, покрывало Корнелии зацепилось за ступеньки; когда чиновник предложил распутать его, весталка в ужасе попросила его отказаться, поскольку ее освященная персона не может вынести оскверняющего прикосновения мужчины.

XIII

ЗАКАТНОЕ СИЯНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА

Гиббон высказывает мнение, что ни в один период мировой истории род человеческий не был более счастлив и благополучен, чем в период, прошедший между правлениями Домициана и Коммода. В поддержку этого замечательного вывода можно сказать не так уж мало. При Нерве, Траяне, Адриане и Антонинах империя наслаждалась спокойным и ярким вечером, наступившим после долгого дня ожесточенных раздоров и опасных потрясений и предшествовавшим моральному мраку правления тиранов, при которых язычеству суждено было погибнуть.

В этот период Италия и внутренние провинции империи были полностью свободны от грубых тревог войны. Дом того времени был так же защищен от насилия, как и в наше время. Ни одной жене или дочери не приходилось безуспешно вымаливать жизнь у мужа или отца из-за ревности или робкой жестокости самовлюбленного правителя. В домашнем кругу не существовало предчувствия запрета. Ужасные законы о *crimen majestatis*, по которым было совершено столько жестокостей и несправедливо потеряно столько семей, были отменены. Плиний пишет Траяну: "Говорят, господин, что женщина и ее сыновья были похоронены на том самом месте, где установлена твоя статуя". При некоторых прежних императорах это было бы серьезным делом; при Домициане казнили женщину за то, что она разделась перед статуей императора. Но Траян пишет: "Ты не должен был колебаться по поводу такого вопроса, так как прекрасно знаешь, что я не собираюсь делать свое имя уважаемым с помощью террора и обвинений в измене. Откажись от этого обвинения, которое я не буду рассматривать".

Народ процветал. Огромная территория римского владычества с тщательно организованным и централизованным правительством и удобными средствами коммуникации обеспечивала удивительное изобилие и разнообразие продуктов промышленности и торговли. Ни в одно время до открытия Америки домохозяйка не черпала продукты для своего стола и гардероба из столь отдаленных друг от друга уголков земной поверхности, как римлянка во времена Адриана. Как сказал один современный историк: "Мир был открыт; самые уединенные места стали доступны; все вещи циркулировали без помех и препятствий. Это была свободная торговля с ее выгодными результатами в виде изобилия и низких цен. Все продукты мира поступали в Рим по Тибру. Женщины Бернского Оберланда покупали свои украшения у ювелира из Малой Азии и думали об этом меньше, чем мы о покупке ковров из Смирны или Дамаска".

Люди также были защищены спасительными законами. Женщины того времени, отправляясь в магазины и покупая товары на вес или меру, были уверены в честности сделки. В городах существовали эталоны, и каждый торговец был обязан проверять ими свои весы и меры; кроме того, они подлежали внезапной проверке. Никогда еще мудрые законы не исполнялись столь безупречно. Насколько глубоко в сознание Траяна проникла мысль о том, что его миссия - управлять империей на благо народа, показывает его переписка с Плинием. Почти все свое правление Адриан провел в разъездах из одной провинции в другую, чтобы не только удовлетворить свое любопытство, но и убедиться в правильности управления путем личного осмотра.

Народ также пользовался изрядным подобием свободы. Правда, они не были свободны. Власть Антонинов была столь же абсолютной, как и власть первых цезарей; но императоры описываемого нами периода, демонстративно и к большому удовольствию народа, исповедовали, что исполняют законы только в том виде, в каком они были приняты сенатом, и что сами они руководствуются конституцией. Это был лишь фантом свободы, правда; но когда мир видел больше? Пять императоров, следовавших за Домицианом, осуществляли свою абсолютную власть под руководством добродетели и мудрости; и, независимо от того, был ли это почетный мир, народ был доволен и счастлив.

Эффект этого мудрого, сильного, всепроникающего правительства должен был особенно ярко проявиться в женском мире того времени. На войне женщины не выигрывают. Слава, к которой стремится мужчина, не компенсирует беспокойство жены, связанное со страхом утраты. В опасностях иностранных войн или гражданских беспорядков женщина может продемонстрировать те возможности своего характера, которые проявляются в героизме преданности или покорности; но нормальные качества ее натуры не раскрываются так, как в спокойном уюте домашней жизни, где безопасность гарантирована.

В истории римских женщин, вплоть до того периода, которого мы достигли сейчас, не было возможности выяснить, чего могло бы достичь совместное влияние культуры и мира. В Древней Республике культура в сколько-нибудь заметной степени отсутствовала, а жизнь была постоянно напряженной. В более поздние времена, когда римская выносливость впервые была затронута греческой цивилизацией, а любовь к письму стала занимать место в жизни женщины, римская матрона, хотя и была восхитительной и статной, была слишком героической в своей добродетели, чтобы быть полностью привлекательной. Один из писателей более позднего времени - никто из тех, кто более остро сожалел о древней чистоте, - почувствовал это. "Пусть она будет целомудреннее любой Сабины, которая с растрепанными волосами бросилась между сражающимися и положила конец войне; пусть она будет фениксом на земле, редким, как черный лебедь; кто может терпеть жену, в которой сосредоточены все достоинства! Я предпочел бы, гораздо предпочтительнее, иметь деревенскую деву из Ветузии, чем тебя, о Корнелия, мать Гракхов, если наряду с твоими достойными достоинствами ты приносишь в приданое надменное и презрительное чело и считаешь частью своего состояния триумфы твоего дома! Прочь, прошу тебя, с твоим Ганнибалом и Сифаксом, покоренным в его лагере, и марш со всем твоим Карфагеном!"

Не менее неблагоприятными для женской жизни, сочетающей сладость и благородство, были и более поздние времена, когда опасность всегда была неминуема из-за похоти или ревности тирана. Агриппина, путешествующая с Германиком в походах против тевтонских племен, могла бы заслужить титул "Матери лагерей"; подвергаясь угрозам Тиберия, она могла бы укреплять свой разум в ожидании неизбежной бури с суровой стойкостью, присущей римской матроне из дома Августа; но с годами и страданиями приходит неаппетитная кислотность нрава. Ливия, Агриппина и Антония были женщинами самой

несомненной добродетели, но они были мягки в своих манерах и способны на крайнюю жестокость в своих методах. Мы знаем их довольно хорошо, но нет никаких указаний на то, что они проявляли интерес к женской работе, подобной тем общественным благотворительным учреждениям, которые украшали правление Траяна и которым, как мы можем быть уверены, активно сочувствовала Плотина, его благородная супруга. С обеспечением безопасности жизни сердце женщины расширялось, а ее симпатии становились шире. Фаустина, жена Аврелия, возможно, и не была безупречной, но в публичных изданиях она предстает в позе Дамы-благотельницы рядом со своим мужем. При этих благородных императорах была развита общественная совесть; и ничто не мешало и не мешает ни одной из гениальных милостей домашней жизни, которые возможны только тогда, когда женщина уважаема и счастлива.

В этот период значительно улучшилось и правовое положение римской женщины. Обостренное чувство справедливости, которое двигало этими императорами, не могло пренебречь этим результатом цивилизации. Однажды одна матрона остановила Адриана на улице и попросила разрешения представить ему дело, в котором она страдала от несправедливости. Он отказался медлить. "Почему же тогда ты император?" - горько воскликнула она. Это обрадовало его, ибо он сознавал, что не имеет права управлять, если не допускает, чтобы благотворное влияние его правления распространялось на всех одинаково.

Мужчина и женщина, которые, хотя и сожительствовали, но не состояли в законном браке, спорили о том, кому принадлежит их ребенок, чтобы получить свою долю государственного пособия. "С кем ты живешь?" - спросил Адриан ребенка. "С моей матерью", - был ответ. "Ты негодяй, - сказал император мужчине, - ты не имеешь права на это пособие".

"Я умоляю тебя, - вскричала другая женщина, - прикажи, чтобы часть пособия моего сына была отдана мне". "Но, господин мой, - сказал сын, - я не признаю ее своей матерью". "Тогда, - ответил Адриан, - я не признаю тебя гражданином".

Возможно, это всего лишь случайные инциденты, но они свидетельствуют о том, к какому типу правления пришел Рим, и должны были послужить мощным прецедентом для будущих решений в подобных случаях. Были также приняты законы, которые помогли облегчить бремя юридической несправедливости, с самого начала лежавшее на римской женщине. Отец всегда был в силах заставить сына бросить жену и мог, таким образом, по своему желанию сломать жизнь верной, любящей женщины и изгнать ее из дома. Марк Аврелий изменил этот тиранический закон так, чтобы его можно было исполнить только по великой и справедливой причине. Согласно старому кодексу, ребенок всегда зависел от состояния его матери при рождении; таким образом, если свободная женщина после зачатия по приговору закона попадала в рабство, ее ребенок рождался рабом. Адриан постановил, что если женщина была свободна в любой момент своей беременности, то и ее ребенок должен быть свободным. Казалось бы, это большее облегчение для рожденного ребенка, чем для матери; но, помимо материнского сочувствия, родительница свободного сына с гораздо большей вероятностью вернет себе свободу. Этот император также постановил, что женщины должны иметь право распоряжаться всем своим имуществом по завещанию, заручившись согласием своих опекунов. Вскоре после этого было принято постановление о том, что такое завещание должно быть действительным и без такого согласия, и это сделало имущественные права римлянки настолько неограниченными, насколько подобные законы существуют в любой стране почти до настоящего времени. Также был изменен закон о наследовании, и теперь женщинам разрешалось брать наследство у своих сыновей; но

чтобы воспользоваться этим новым законом, вольноотпущенница должна была иметь не менее четырех детей.

Этого материального комфорта и безопасности жизни само по себе вряд ли хватило бы, чтобы обосновать мнение Гиббона о высшем счастье этого периода мировой истории; но было и нечто большее. Человеческая жизнь становится счастливой не только от изобилия вещей, которыми обладает народ; необходимо обладать способностью извлекать из них максимум пользы и удовольствия. Так и с жизнью нации, так и с жизнью отдельного человека: самый счастливый век - тот, что непосредственно предшествует началу упадка; до этого внимание и энергия целиком заняты процессом приобретения. Римская империя была сейчас, как бы, уравновешена и покоилась на вершине своего величия.

За одним-двумя исключениями, никогда в истории мира столь значительная часть граждан нации не была способна так полно оценить высшие умственные наслаждения. Искусство в те времена было тесно переплетено с жизнью людей, они жили художественной жизнью. Женщины того времени привычно двигались среди тех предметов, которыми наши дамы ходят любоваться в музеи. Их глаза каждый день привыкли останавливаться на прекрасных сооружениях и статуях, которые являются чудом и образцом современности. В каждом доме, каким бы скромным он ни был, было много художественного; каждое общественное здание являло собой великолепный образец архитектуры. Ничто не было чисто утилитарным, ибо жизнь не была убогой. При наличии достаточного количества предметов первой необходимости и роскоши, а также идеальной защиты со стороны мудрых и благотворно действующих законов, изящество и красота, которыми было пронизано все вокруг, не могли не сделать жизнь женщин во времена Траяна, Адриана и Антонинов шире и счастливее, чем в любой другой период, древний или современный.

Однако были два класса людей, которые нельзя упускать из виду, и можно предположить, что правильное понимание условий их существования может значительно ухудшить оценку обсуждаемого периода: это рабы и бедняки. Но поскольку все сказанное носит характер сравнения, можно справедливо ответить, что бедняки были с нами всегда, а институт рабства до недавнего времени бережно сохранялся. Во всяком случае, римские рабыни редко бывали плохо накормлены, а принудительное голодание отнюдь не редкость и в наши дни.

Поскольку значительную часть римских рабов составляли женщины, для нашей темы будет вполне уместно взглянуть на этот институт рабства в том виде, в каком он существовал в древнем мире.

По оценкам, в одно время не менее пятой части населения Рима находилось в состоянии принудительного рабства. Это число поддерживалось за счет рождаемости, рынка рабов, и войны. В древние времена кредитор мог продать семью должника, отец мог таким же образом избавиться от своих детей. Однако к этим варварским мерам прибегали все реже, по мере того как нравы становились все мягче, хотя законы, разрешавшие их, не отменялись вплоть до времен Диоклетиана. Родители имели законное право выставить своих нежеланных детей, и тот, кто решил взять брошенных младенцев, владел ими как рабами; но Траян предоставил таким детям вечное право требовать своей свободы, при условии, что они смогут доказать, что это их родители.

По древнему закону раб был всего лишь движимым имуществом. Он не обладал никакими правами, у него не было собственной воли, он не был личностью и не мог искать защиты у закона. Его хозяин обладал абсолютной властью над жизнью и смертью. Женщины-рабыни полностью зависели от воли своего хозяина. От них могли потребовать рождения потомства

только ради увеличения числа слуг у хозяина, совершенно не обращая внимания на какие-либо чувства, которые они могли лелеять по этому поводу. Раб не мог вступить в законный брак, и на протяжении многих веков ни один союз такого рода не имел обязательной силы. Если учесть, что значительная часть рабов, принадлежавших римским хозяевам, была получена в качестве военных трофеев или путем похищения, и, следовательно, среди них было много людей обоих полов, хорошо рожденных и образованных, то становится ясно, насколько необычайно жестоким было рабство в те времена.

Постепенно принципы гуманности возобладали в смягчении этого состояния, и вполне вероятно, что инстинкты гуманности большинства владельцев побуждали их поступать лучше, чем того требовал закон. В доме Колумеллы каждая рабыня, имевшая троих детей, освобождалась от труда, а та, что имела больше, была эмансипирована. В период правления Антонинов были приняты законы, запрещавшие хозяевам продавать рабов для сражений на арене, если они не были осуждены за какое-либо преступление государственной властью. Их нельзя было оставлять по своей воле с пониманием того, что им предстоит сражаться со зверями. Убийство рабов стало наказываться так же, как и убийство; даже честь раба стала защищаться, так как на хозяина можно было подать жалобу за посягательство на скромность рабыни. Учитывались и естественные чувства этих несчастных: хотя рабы не могли вступать в законный брак, но если брачный союз уже был заключен, не допускалось, чтобы муж и жена были разлучены путем продажи. Таким образом, мы видим, что римские рабы из состояния абсолютной бесчеловечности во времена ранней республики перешли в эпоху Антонинов и были настолько ограждены защитой закона, что мало что оставалось желать, кроме обладания собственной персоной. Однако не стоит утверждать, что даже в этот мягкий период не было достаточно возможностей для жестокости со стороны варварских или недоброжелательных владельцев. Ювенал с большим негодованием описывает, как женщины заставляли своих служанок нещадно пороть их. Но справедливая жалоба на невыносимое обращение была во времена Марка Аврелия законным основанием для освобождения раба или, по крайней мере, для предоставления ему более доброго хозяина.

Язычество часто обвиняют в том, что оно не уделяло никакого внимания общественной благотворительности. Напротив, в период, которым мы сейчас занимаемся, были основаны институты помощи бедным, которые отличались как мудростью, с которой они были организованы, так и духом благодеяния, который они проявляли. Во времена Плиния существовало множество свидетельств того, что его прекрасные слова не были простой риторикой: "Долг - искать нуждающихся, приносить им помощь, поддерживать и делать их в некотором смысле своей семьей". Есть ли у современного духа что-нибудь лучше, чем это предложение, начертанное на могиле: *В жизни есть только одна прекрасная вещь, и это - благодеяние*. Римляне эпохи Антонинов воплощали эти чувства в жизнь не одним способом. Нерва задумал проект оказания государственной помощи бедным родителям, чтобы они могли воспитывать своих детей. Траян, его преемник, принял эту схему и развил ее в грандиозных масштабах. Уже в 100 году в Риме, как мы узнаем от Плиния, насчитывалось не менее пяти тысяч детей, получавших такую помощь. При распределении этой помощи было проявлено столько внимания, что было приказано отложить распределение на больных и отсутствующих до тех пор, пока они не будут посланы. Из надписи Велея, одной из самых длинных, дошедших до нас, и таблицы Бэбиани по распределению пищи между бедняками, мы узнаем о системе помощи бедным, в рамках которой содержались двести шестьдесят четыре мальчика и тридцать шесть девочек. "Мальчики получали ежегодно сто девяносто два сестерция [9,20 доллара], девочки - сто сорок четыре [6,90 доллара]. Фонд был учрежден для определенного числа детей, и это число не менялось до тех пор, пока фонд не увеличивался; но помощь варьировалась, несомненно, в зависимости от цен на провизию, в

разных местностях; так, в Велее - шестнадцать сестерций в месяц, в Таррацине - двадцать". Автор вышеприведенной статьи доказывает на примерах и авторитетах, что от шестнадцати до двадцати сестерций в месяц было достаточно для содержания римского ребенка. Он продолжает:

"Нельзя утверждать, что этот институт был в целом установлен во всей Италии; но монеты, надписи и даже скульптуры позволяют нам обнаружить его во многих местах. Так, на барельефах арки Беневента изображены мужчины, несущие на плечах мальчиков, и четыре женщины, головы которых украшены настенными коронами, ведущие молодых девушек к Траяну. Представляют ли эти женщины четыре города, расположенные поблизости, или же они символизируют все города Италии, которые получили пользу от одного и того же благодеяния? Вторая гипотеза более вероятна, и Дион подтверждает ее.

"Провинциальные города и богатые люди последовали примеру императоров; это языческое общество, которое улучшало положение рабов, которое помнило об обездоленности своих бедняков, таким образом, перед своим падением показало, что оно обладало внутри себя силами обновления, достаточными для его спасения, если бы его не погубило плохое законодательство".

Эта рента не прекратилась с окончанием правления Траяна. Адриан увеличил срок, в течение которого мальчики и девочки должны были ее получать. Примечательно, что девочек было меньше, чем мальчиков, и если последние получали пенсию до восемнадцати лет, то у девочек ее отбирали в четырнадцать лет. Надо признать, что это вносило подозрение в утилитарность благодеяния: в то время девочки считались менее полезными для государства, чем их братья; но Антонин, который был человеком миролюбивым и которому очень хотелось бы обойтись без армии, в честь своей жены увеличил число девочек в списках на содержание; а после смерти второй Фаустины Марк Аврелий последовал примеру своего предшественника. Частные лица, особенно дамы, также основывали подобные фонды. Чтобы обеспечить сотню детей в Таррацине, Целия Макрина завещала миллион сестерций; подобным же образом выиграл Хиспалис благодаря наследству одной богатой жительницы. О том, в каком духе в те времена относились к этому вопросу, свидетельствуют слова Паулуса: "Пожертвования, - говорит он, - могут быть сделаны городу либо для его украшения, либо для его чести; а среди вещей, которые делают городу наибольшую честь, есть практика оказания поддержки немощным старикам и маленьким детям обоих полов". Есть также доказательства того, что во многих городах врачи получали жалованье от муниципалитета и были обязаны оказывать безвозмездную помощь бедным.

К большому сожалению, несмотря на то, что в этот период мы находим так много достойного восхищения, благодаря чему женская часть общества получала пользу, и в существовании которых большая заслуга, несомненно, принадлежит благородным женщинам того времени, записи об отдельных женщинах крайне неудовлетворительны. Прежде всего, они очень скудны. К сожалению, о правлении Траяна и Адриана нет таких блестящих и подробных историй, как о правлении предыдущих и менее достойных императоров. Об отдельных женщинах, кроме представительниц императорского дома этого периода, мы ничего не знаем. Записи об императрицах и их родственницах демонстрируют сходство со скандальными историями их предшественниц, что удручающе однообразно и совершенно недостойно чудесно улучшенных условий. Сомнительно, чтобы характеры Фаустин могли быть реабилитированы, если бы были получены достоверные свидетельства; но даже если бы это было возможно, все равно ничто не обеспечило бы им равного морального статуса с их благородными мужьями. Однако есть прекрасное исключение в образе Плотины, жены

Траяна. В Ватиканском музее хранится бюст этой знатной женщины. На нем изображена дама преклонных лет, но с лицом, очаровывающим умом и нравственными достоинствами.

Траян был простым, честным солдатом, который, будучи провозглашенным императором после смерти Нервы, вошел в город пешком и узнал своих старых друзей, когда проходил мимо по дороге во дворец. Плотина Помпея сопровождала его; поднявшись по ступеням императорской обители, она обратилась к народу и сказала: "Такой, какой я вхожу сюда, я хочу быть, когда выйду отсюда". Должно быть, тогда она была в расцвете сил; ведь ее муж царствовал девятнадцать лет, а она пережила его. Ее жизнь во дворце, в отличие от жизни большинства ее предшественниц, отличалась неприступной добродетелью, приветливостью и благотворительностью в пользу бедных и нуждающихся. Мы можем быть уверены, что хотя уже описанный благотворительный план был разработан умом ее мужа, его побудили к этому милостивые советы Плотины. Она сопровождала своего мужа в его экспедиции на Восток и была с ним, когда он умер в Киликии, откуда она перенесла его прах в Рим. При Адриане она продолжала пользоваться всеми почестями и титулами римской императрицы.

Вступление Адриана на престол окружено тайной, которая навсегда должна остаться непроницаемой. Гиббон повторяет сплетню, которую древние историки передают как достоверный факт, когда говорит: "Мы можем охотно поверить, что отец своей страны колебался, стоит ли доверить разностороннему и сомнительному характеру своего родственника Адриана суверенную власть. В последние минуты его жизни искусства императрицы Плотины либо зафиксировали нерешительность Траяна, либо смело предположили фиктивное усыновление; истинность этого не могла быть надежно оспорена, и Адриан был мирно признан его законным преемником". Дион утверждал, опираясь на авторитет своего отца, который был губернатором Киликии, где умер Траян, что усыновление никогда не происходило, и что Плотина подделала письма, которые были отправлены в Рим, очевидно, от Траяна, сообщая сенату о его выборе. Некоторые даже дошли до того, что утверждали, будто в момент после смерти императора, когда он не назвал Адриана, Плотина подложил в его постель человека, чтобы тот имитировал его предсмертный голос, говорящий, что он назначил Адриана своим преемником.

Эта история несерьезная и скорее говорит о ничтожности ума тех, кто ее придумал, чем о характере Плотины. Адриан женился на Сабине, дочери Матильды, которая, в свою очередь, была дочерью Марцианы, сестры Траяна. Более того, император осыпал его благосклонностью и назначал на самые высокие должности. Кому еще Траян должен был оставить империю? Тем не менее, вполне вероятно, что Адриан очень нравился властной императрице, и она могла проявить глубокую заинтересованность в усыновлении юноши своим мужем. В судах, где обязательно присутствуют ревность и соперничающие амбиции, из таких невинных фактов вырастают грозные скандалы. Все остальные упоминания о ней свидетельствуют против инсинуации, что материнская привязанность Плотины к Адриану была замешана на любви более сильной.

Мать Адриана была родом из Кадиса. О том, насколько она была почитаема своим императорским сыном, свидетельствует следующее письмо, которое он ей написал: "Приветствую тебя, очень дорогая и прекрасная мать. О чем бы ты ни просила богов для меня, я прошу того же для тебя. Клянусь Геркулесом, я рад, что мои деяния кажутся тебе достойными похвалы. Сегодня мой день рождения; мы должны поужинать вместе. Идем же, хорошо одетые, с моими сестрами. Сабина, которая находится на нашей вилле, прислала свою долю для семейной трапезы".

В скудных и неубедительных сведениях о личных делах Адриана утверждается, что его жизнь с Сабиной была далеко не дружеской. Императрица, мол, была угрюмой и кислой, и Адриана даже обвиняют в том, что он избавился от нее с помощью яда. Последняя клевета недостойна серьезного внимания. Совершенно невозможно поверить, что, даже если бы пропасть между ними была столь велика, как об этом сообщается, император не стал бы искать спасения в разводе, а не в убийстве. Каким бы достойным похвалы ни был характер Адриана как императора, если Сабина стояла на своих правах жены, у нее были все основания относиться к нему с глубоким презрением; ведь как бы ни был распространен порок, к которому, как кажется, почти нет сомнений, пристрастился Адриан, трудно поверить, что любая женщина, сохраняющая хотя бы малейшее уважение к себе, могла в то же время сохранять хоть какое-то отношение к такому мужу. Положение дел между этой императорской парой могло быть очень неприятным, но, по крайней мере, видимость гармонии сохранялась. Адриан даже защищал свою жену; когда историк Суетоний каким-то образом не проявил должного уважения к Сабине, император немедленно изгнал его со двора. Императрица также, похоже, сопровождала своего мужа во многих его обширных путешествиях. У нас есть интересное доказательство и запись о том, что она была с ним в Египте. Она поднялась по Нилу до Фив и посетила статую Мемнона, сына Авроры, который, как сообщалось, каждое утро пел в честь возвращения своей лучезарной матери. Поэтесса Бальбилла выгравировала на ноге статуи три своих стихотворения, в которых она описывает это посещение. Они датированы двадцатым и двадцать первым ноября 130 года. Похоже, что бог не проявил должного уважения к Сабине и ничуть не благоговел перед "гневным ликом императрицы", поскольку во время ее первого визита он был не в певческом настроении.

По ее портретам нельзя судить о том, что Сабина была угрюма и горька. В Ватикане находится статуя императрицы, изображающая Венеру Генитрикс, а в Капитолийском музее - ее бюст. Если это точные сходства, то поверить в то, что Сабина была нелюдима, так же трудно, как и понять предпочтение Адриана Антиною. В связи с этим Гиббон говорит, что вплоть до Адриана Клавдий был единственным императором, чей вкус в любовных делах был совершенно правильным. Учитывая это, справедливости ради стоит сказать, что, если пример позволял, у императриц было достаточно оправданий для самых вопиющих нарушений, которые о них писали.

Антонин Пий был усыновлен Адрианом и назначен его преемником без помощи какой бы то ни было женщины - за исключением того, что Сабина не смогла обеспечить обитателя трона по материнскому праву.

Женой Антонина была Анния Галерия Фаустина. Она родила ему четверых детей, но к моменту его воцарения в живых осталась только одна дочь, названная в честь матери. Летописи о периоде этого правления крайне скудны и неудовлетворительны. Говорят, что хотя единодушные похвалы, воздаваемые добродетелям Антонина, заслужили для него в языческой истории место Святого Людовика среди христианских королей, его политическая карьера настолько неопределенна, что как император он предстает перед нами полуразложившейся фигурой, очертания которой совершенно неясны.

Фаустина Старшая недолго прожила, чтобы насладиться достоинством императрицы; но в частной жизни она создала себе такую репутацию, если верить всем рассказам, что просто пополнила список безнравственных императриц, позоривших дворец. Тем не менее следует признать, что эти рассуждения о ее характере крайне необоснованны, и, более того, есть доказательства обратного, которые заставляют думать, что они абсурдны. Фронтон, философ того времени, произнес над ней хвалебную речь, по поводу которой Антонин написал: "В рассуждениях, которые ты посвятил моей Фаустине, я нашел даже больше правды, чем

красноречия. Ибо это факт - да, клянусь богами! я предпочел бы жить с ней на необитаемом острове Гиарос, чем без нее во дворце". Это не просто привязанность; от человека с характером Антонина это свидетельствует об уважении, которое он не мог бы ни лелеять, ни даже выражать, если бы Фаустина была такой распутницей, какой ее описывают недостоверные мемуары того времени.

После смерти жены Антонин отказался жениться снова, хотя и утешался наложницей; он не хотел передавать другой женщине те почести и положение, которые с радостью делил с Фаустиной. В самом деле, в том, как этот император чтит память своей покойной жены, проявляется такая преданная привязанность, что это было бы одним из прекрасных явлений в истории, если бы не тот факт, что подозрения, наложенные на ее репутацию, хотя и очень невероятные, не могут быть полностью устранены за отсутствием доказательств обратного. Антонин построил храм в ее честь, а после его смерти сенат вновь освятил его: *Богу Антонину и богине Фаустине*. Император также сделал то, что было гораздо выгоднее для его народа и являлось таким же доказательством его любви к Фаустине: он основал во имя своей жены благотворительный фонд для поддержки и образования девочек. Сохранилась медаль с изображением императрицы, а на реверсе - Антонина в окружении маленьких детей, с надписью: *Puellae Faustinae*.

Когда Адриан назначил Антонина своим преемником, он обязал последнего усыновить своего сына Марка Анния Вера, известного в истории и философии как Марк Аврелий. Матерью Марка Аврелия была Домиция Луцилла, дама консульского ранга и потомок Домиция Афера. Она, похоже, была женщиной, во всех отношениях украшающей эти лучшие времена. В своих "*Медитациях*" императорский философ признается, что от матери он унаследовал "благочестие, благодеяние, воздержание не только от дурных поступков, но даже от дурных мыслей; и еще простоту жизни, далекую от привычек богачей". На характере этой добродушной, чистосердечной Луциллы хотелось бы остановиться подробнее. Было бы неоценимым благом для интересов истории, а также нравственной философии, если бы мы имели биографию матери доброго императора; но, к сожалению, жалкие историки того времени вместо этого подарили нам скандалы, касающиеся Фаустины. Есть, однако, один или два небольших инцидента, которые дают нам основания полагать, что если бы мы только знали больше о ее жизни, то получили бы в лице Луциллы имя и портрет, достойные занять место среди самых почитаемых женщин мира. Она поощряла своего сына в его философских занятиях; но когда его энтузиазм довел его до такого предела самодисциплины, что он вознамерился спать на голых досках, мать убедила его побаловать себя роскошью коврика из овечьей шкуры.

Марк Аврелий выражает благодарность за то, что "хотя судьба моей матери была такова, что она умерла молодой, последние годы своей жизни она провела со мной". В одном из писем к Фронту он описывает день, проведенный в деревне во время сбора винограда. "Когда я вернулся домой, - пишет он, - я немного позанимался, но без особой пользы. Я долго беседовал с матерью, которая лежала на диване". Эти разговоры с матерью, у которой он научился ненавидеть мысли о зле, имели неоценимое значение для его характера, и поэтому не были полностью потеряны для мира.

Однажды Антонин Пий заметил Луциллу в момент искренней молитвы перед образом Аполлона. "О чем, по-твоему, она так усердно молится?" - вкрадчиво спросил злоумышленник по имени Валерий Омул, - "О том, чтобы ты умер, а вместо тебя воцарился ее сын". Антонин проигнорировал это низкое предложение с молчаливым презрением. Вполне возможно, что Луцилла молилась о правлении своего сына, но скорее о достоинстве его характера, чем о скорейшем его начале.

К сожалению, хотя, возможно, и не стоит верить всему, что говорят против нее, но, по крайней мере, совершенно очевидно, что Фаустина, жена Марка Аврелия, не была такой женщиной, как Луцилла, его мать. Гиббон в следующем абзаце подводит итог всей истории, которую можно почерпнуть из весьма безразличных древних авторитетов:

"Фаустина, дочь Пия и жена Марка, прославилась не только своей красотой, но и галантностью. Серьезная простота философа была плохо рассчитана на то, чтобы увлечь ее беспечным легкомыслием или унять ту беспредельную страсть к разнообразию, которая часто обнаруживает достоинства в самых низких людях. Купидон древних был, в общем, очень чувственным божеством; а любовные похождения императрицы, поскольку они требуют с ее стороны самых простых ухаживаний, редко бывают восприимчивы к сентиментальной деликатности. Маркус был единственным человеком в империи, который, казалось, не знал или не замечал нарушений Фаустины; которые, согласно предрассудкам каждого века, отражали некоторый позор для оскорбленного мужа. Он продвинул нескольких ее любовников на почетные и выгодные должности и в течение тридцатилетней связи неизменно давал ей доказательства самого нежного доверия и уважения, которое не закончилось с ее жизнью. В своих *"Медитациях"* он благодарит богов, даровавших ему столь верную, столь нежную и столь удивительно простую жену. Покорный сенат, по его убедительной просьбе, провозгласил ее богиней. В храмах ее представляли с атрибутами Юноны, Венеры и Цереры, и было постановлено, что в день бракосочетания молодые люди обоих полов должны приносить свои обеты перед алтарем своей целомудренной покровительницы".

Было бы нелепостью принимать на себя роль защитника Фаустины; и все же, оценивая имеющиеся у нас доказательства в свете здравого смысла, мы склонны оправдать ее по некоторым пунктам или, по крайней мере, потребовать для нее вердикта "не доказано". Кто является свидетелями против нее? Один из них - Капитолин, написавший жизнь Марка Аврелия. Он писал во времена Диоклетиана, через сто двадцать лет после событий. Конечно, по прошествии времени ценность свидетельств в определенной степени обесценивается; к тому же Капитолин - крайне плохой биограф. Дион Кассий - главный свидетель, но совершенно очевидно, что Дион Кассий имел привычку сообщать без разбора о каждом скандале, который он слышал о ком-либо. По своей конституции он был злобным. Очень сомнительно, что современные присяжные, зная его характер, осудили бы мелкого воришку на основании показаний Диона Кассия. Поскольку Коммод, сын Фаустины, развил в себе ненормальную любовь к кровавым видам спорта и проявлял сильное уважение к героям арены, злые языки утверждали, что он был сыном гладиатора; но сильное сходство, которое можно проследить в статуях и бюстах Марка Аврелия и Коммода, достаточно, чтобы опровергнуть эту часть обвинения. Это сходство также подтверждает Фронтон, который, хотя, возможно, и хотел сделать комплимент императору, был, несомненно, человеком с слишком сильным характером, чтобы использовать этот метод, если он знал, что Фаустина была такой женщиной, какой она представлена. С другой стороны, если ее привычки были столь порочны, как они описаны, совершенно немыслимо, чтобы ее муж оставался в неведении об этом факте; это означало бы, что он должен был быть не более и не менее чем имбецилом, которым Марк Аврелий точно не был. С другой стороны, если он знал о распутных похождениях своей жены, невероятно, чтобы он имел наглость превозносить ее верность и добродетель перед публикой; немыслимо, чтобы он проявлял к ней такое доверие и уважение в их личных отношениях. На наше мнение больше влияет отношение к ней со стороны мужа, чем ядовитое свидетельство Диона.

Одним из обвинений против Фаустины является то, что она пособничала заговору Авидия Кассия, предложив ему свою руку в случае убийства ее мужа. Это отрицает даже биограф Кассия, приводя в доказательство письмо Фаустины.

Тем не менее, у этих сообщений о поведении императрицы должны были быть какие-то основания, даже если они сильно преувеличены. Мы можем считать само собой разумеющимся, что Фаустина была недостойна своего благородного мужа. Вполне возможно, что она не принимала его философских сентенций и не любила его аскезы. Возможно, ее больше привлекала красивая внешность и веселые манеры Веруса, коллеги ее мужа по империи; но в то, что она была настолько распутна, как описывают древние анекдотисты, не нужно противоречить принципам исторической критики, чтобы не верить.

Письма Фаустины к Марку Аврелию были сохранены Вулкацием Галликаном, и Виктор Дюруи говорит, что они принадлежат императрице, жене и матери. Она часто сопровождала своего мужа в его многотрудных походах, за что получила от солдат титул "Мать лагерей". Именно в таком путешествии, у подножия горы Тавр, она и умерла. Сохранился барельеф, изображающий Фаустину, которую крылатое существо в человеческом облике уносит с погребального костра на небо; император сидит внизу и указывает дочери на апофеоз ее матери, а сам с нежностью следит за удаляющейся фигурой. В театре ее статуя, выполненная из золота, была поставлена на место, которое она привыкла занимать. Чтобы почтить ее память, был учрежден новый фонд для поддержки дочерей неимущих родителей; а на вилле Альбани находится еще один барельеф, изображающий Фаустину в окружении молодых девушек, раздающих им кукурузу, которую они получают в складках своих платьев.

В период правления Антонинов язычество достигло своего расцвета. Тогда ему была предоставлена великолепная возможность показать, насколько далеко в направлении социального прогресса и нравственного развития может продвинуться человеческая раса под его влиянием. Оно предстало перед эволюционными силами Вселенной. Каков же вердикт? Нельзя сказать, что язычество исчезло; ведь многое из того, что было существенным для этой системы, по-прежнему присуще преобладающей религии цивилизованного мира. Но как древняя система религии реагировала на поиски тех влияний, которые способствуют человеческому счастью, как для мужчины, так и для женщины - ведь здесь не может быть различий? В старой системе, как она отвечает сама себе в обсуждаемый период, есть многое, что чрезвычайно удовлетворительно, многое, что можно сравнить с аналогичными условиями в современности. Мы видели, как развивалось общественное сознание, и как самые замечательные методы были приняты для поддержки бедных девочек и мальчиков. Было замечено, что в этот период жизнь была безопасной, счастливой и красивой. Условия рабства были улучшены, так что невольное рабство стало в некоторых отношениях менее суровым, чем в христианских странах в прошлом веке. Правовое положение женщины было значительно улучшено, обеспечив ей независимость, которой она не обладала в Средние века. Эта знаменная эпоха язычества также была способна породить таких людей, как Плиний и Антонины. К сожалению, в истории нет таких записей, которые позволили бы выявить лучшие образцы женщин, украсивших этот период. Вместо самых благородных мы имеем лишь самых заметных. Нам показывают Фаустин, потому что они жили во дворце; но, несмотря на превосходство мужей этих женщин, верно, что дворец - наименее перспективная почва для взращивания нравственной красоты. Тем не менее в Плотине и Луцилле мы находим такие характеры, которые дают основания полагать, что в более скромных слоях общества было много женщин, чья жизнь не подверглась бы суровой критике, если бы их судили по принципам современной морали.

Многое было достигнуто в рамках древней системы; но то время демонстрировало лучшие возможности язычества. Оно не могло добиться большего и вскоре готовилось покинуть поле боя, перейдя во владение победителя. Оно не могло смягчить сердце и отказаться от жестокости. Оно не могло освободить всех своих рабов; оно не содержало в себе никакого обвинения в рабстве. Она признавала, что все люди одной крови, но не развивала идею всеобщего братства или Золотого правила. У нее не было аргументов в пользу морали, которые могли бы привлечь нефилософское простонародье. В этих вопросах она была взвешена и признана несостоятельной; по этим причинам она не смогла сохранить себя.

XIV

УХОД ЯЗЫЧЕСТВА

С правления Коммода следует отсчитывать начало упадка. С этого момента два влияния подрывают структуру древней империи; мы видим двойной процесс распада и обращения. Языческая цивилизация закончила свой день и должна была освободить место для рассвета новой эры. Римская империя распалась на части, потому что меч, который был единственной связью, с помощью которой можно было удерживать разнородные завоевания, стал неподчиняться политической власти. После второго века армию редко вели к новым иностранным победам. Она стала орудием восстания, торговала империей, поддерживала или убивала по своему необузданному капризу претендентов на трон. Наконец, когда старый римский дух полностью угас, варвары стали легкой добычей для разлагающегося тела.

Тем временем боги, которые, насколько это было возможно, были давно дискредитированы, вытеснялись из сознания все большего числа людей, чтобы освободить место для новой и более чистой веры. Но возвышение христианства не последовало за блестящим днем язычества без промежуточной ночи. Литература, искусство, наука о домашней и общественной жизни приходили в упадок, по мере того как европейское общество скатывалось к грубым привычкам темных веков феодализма. В этой заключительной главе мы хотим проследить судьбу языческой женщины вплоть до того времени, когда при Константине христианство стало государственной религией.

Воцарение Коммода свидетельствует о возвращении к власти того деспотизма, соединенного с моральным безумием, от которого Рим был свободен со времен Домициана. Империи снова позволили заботиться о себе, в то время как император занимался отвратительными индальгенциями и убийственными казнями.

При предыдущих императорах нравственные придворные были в фаворе. Теперь же был подан противоположный пример, и женщины, как и мужчины, с гораздо большей охотой устремились к распутству, чем при Марке Аврелии к философии. Две императрицы были лидерами новой моды. Криспина, жена Коммода, то ли слишком далеко зашла в своих интригах, то ли каким-то другим образом стала несносной для своего мужа, поэтому ее сослали на Капри и вскоре после этого предали смерти. Заметно, что худшие из мужчин

быстрее других наказывали за распущенность в поведении собственных жен. Они были более подозрительны, они лучше чувствовали любовные возможности, они были в лучшем положении, чтобы обнаружить подсазки, и они были лишены совести, которая, по крайней мере, могла бы продиктовать им политику честной игры.

Луцилла, дочь Марка Аврелия и сестра Коммода, вместе с именем не унаследовала ничего из характера своей бабушки. Атавизм в ее случае был неэффективен. Она была супругой коллеги своего отца, Веруса, и сохранила императорские почести от этой связи; так, она занимала императорскую ложу в театре, и священный огонь, символ величия, несли перед ней, когда она проходила по улицам. Ее любовники были многочисленны.

Если не считать таких недостатков, как чувственные потворства, столь обычные для римлян, правление Коммода в течение первых трех лет было вполне респектабельным. До сих пор он не проявлял никаких признаков безжалостности; но однажды ночью, когда он проходил по плохо освещенному проходу во дворце, к нему бросился сенатор со словами: "Сенат посылает вам это". Эта угроза спасла императору жизнь: гвардейцы сразу же одолели убийцу. Заговор был обязан своим происхождением Луцилле. Недовольная вторым местом в империи, эта непутевая женщина задумала после смерти брата посадить на трон одного из своих любовников, с которым она будет править сообща. О том, что ее сообщником не был Клавдий Помпеян, ее респектабельный, хотя и несколько престарелый муж, можно судить по тому, что он не был посвящен в заговор. Луцилла была наказана изгнанием, а позже - смертью. С этого времени Коммод дал волю своему жестокому нраву; малейшего подозрения с его стороны или инсинуации со стороны его фаворитов было достаточно, чтобы разрешить казнь. Когда-то Рим был во власти шута, обманутого идеей, что он обладает небесным голосом; теперь его разорял гладиатор, считавший себя вторым Геркулесом. Его экстравагантность была огромной, а казнь богатых - самым простым способом пополнить казну, и многие женщины, а также мужчины погибли из-за своего богатства.

Среди имущества одной из своих жертв Коммод обнаружил очень красивую женщину, в которую сразу же отчаянно влюбился. В Кабинете Франции хранится бронзовый медальон с изображением Коммода и Марции, сросшихся в профиль. Есть и другие свидетельства того, что эта женщина, которую император сделал своей наложницей, удостоилась почти императорских почестей. Традиционно считается, что она была христианкой; но, хотя она могла благоволить к христианству, и, вероятно, именно ее влиянию приверженцы были обязаны своей безопасностью во время этого царствования, ее собственная жизнь не настолько соответствовала учению этой веры, чтобы сделать ее достойной титула христианки.

Марсия пыталась отговорить своего императорского любовника от некоторых кровожадных целей, и в награду он вписал ее имя вместе с именами двух своих главных чиновников на скрижали, содержавшие список обреченных. Эти скрижали были обнаружены под его подушкой и попали в руки Марсии. Она поняла, что нужно срочно принимать отчаянные меры. Посоветовавшись с остальными, чья жизнь была под угрозой, они решили, что она должна подсыпать императору яд в вино. Она так и сделала; но, сомневаясь в эффекте, они ввели молодого борца, который задушил Коммода во сне. Ни одно убийство, спланированное женским умом, не было более оправдано, чем это. Этот поступок спас Марцию жизнь и избавил мир от того, по сравнению с кем чудовища, убитые Персеем, были желанными соседями.

Некоторое время Империя умоляла о правителе. Убийцы Коммода выбрали Пертинакса, который, будучи сыном торговца углем, возвысился до должности консула; но Пертинакс не

стремился к возвышенной, но опасной должности императора. Он предложил его некоторым сенаторам, но те с благодарностью отказались от великолепного дара. Солдаты, обнаружив в своем лагере сенатора, которого они предпочли Пертинаксу, предложили сделать его императором, но он сбежал и скрылся в городе. Наконец Пертинакса склонили к согласию; если бы он сохранил власть, Рим снова вступил бы в период, подобный периоду Траяна. Он не позволил своей жене принять титул Августы, посчитав, что она ничем не заслужила его. Он выставил на аукцион узников сераля Коммода, чтобы пополнить опустевшую казну, предоставив, однако, свободу тем, кто был насильно похищен из дома. Но его правление было слишком жестким для преторианской гвардии, и они покончили с ним, убив его после правления, длившегося всего восемьдесят дней.

В это время в Риме жила женщина по имени Манлия Скантилла. Она была женой сенатора по имени Юлиан, который обладал огромным богатством и занимал все высшие должности в государстве. После убийства Пертинакса Манлия узнала, что гвардейцы претория предлагают империю тому, кто больше заплатит. Ее домочадцы в этот момент сидели за роскошным пиром. Манлия и ее дочь, охваченные честолюбием, убеждали Юлиана не упускать столь благоприятную возможность посадить себя на трон и облачить их в императорский пурпур; если богатство было единственным условием, то Юлиан им обладал. Он поспешил в лагерь, и пока тесть погибшего Пертинакса делал свои предложения изнутри, он поднимал их с крепостных валов. В конце концов империя досталась ему за шесть тысяч двести пятьдесят драхм [около тысячи двухсот пятидесяти долларов] каждому преторианцу. Приняв присягу у своих новых гвардейцев и представ перед сенатом, он отправился во дворец. Там он увидел нетронутым скромный обед, приготовленный для Пертинакса. Презрительно усмехнувшись, он велел устроить пир, достойный императора, на котором он, Манлий и их друзья, нахваливая себя, развлекались выступлениями Пилада, знаменитого танцора. Однако их пребывание во дворце было недолгим. Народ был возмущен, а легионы в провинциях были приведены в яростное негодование. Песценний Нигер, командовавший в Сирии, был провозглашен своими солдатами императором, а Септимий Север удостоился той же чести в Верхней Паннонии. Последний двинулся на Рим, и Юлиан вскоре убедился, что его дорогостоящая слава - не хорошая сделка. Он остался без поддержки, хотя и пытался сохранить расположение преторианцев, казнив Марция, убившего их любимца Коммода; но гвардейцы, продавшие ему империю, не собирались жертвовать собой, сохраняя ее во владении. Они не оказали никакого сопротивления, когда сенат принял указ о низложении и смерти Юлиана, одновременно признав Северуса императором. Первый был обезглавлен, процарствовав шестьдесят шесть дней.

Рим снова получил императора, достойного этого имени. То, как Северус был принят в городе, стало хорошим предзнаменованием его правления. "У городских ворот, - рассказывает Дион Кассий, - Северус сошел с коня и отложил свое военное одеяние, прежде чем войти в Рим; но вся его армия последовала за ним в город. Это было самое впечатляющее зрелище, которое я когда-либо видел. По всему городу висели гирлянды цветов и лавровые венки; дома, украшенные занавесами разных цветов, сияли огнем жертвоприношений и светом факелов. Горожане, одетые в белое, наполняли воздух аплодисментами, а солдаты шли в боевом порядке, как на триумф. Мы, сенаторы, возглавляли процессию, надев знаки отличия своего ранга".

Вместе с воцарением Септимия Севера в город прибыла его жена - одна из самых замечательных женщин римской истории. Юлия Домна была уроженкой Эмесы в Сирии, но в то же время римской подданной. Северус потерял первую жену, будучи наместником в Галлии, а во время командования в Сирии познакомился с дочерью Бассиана, жреца

Солнца. Его пленила не только красота Юлии, хотя сохранившиеся в Риме бюст и благородная статуя со столообразным изголовьем дают основания полагать, что человек, обладающий хоть какой-то восприимчивостью, вполне мог бы оправдать в себе отсутствие каких-либо других соображений. Северус, однако, изучал предзнаменования и гадания и хорошо разбирался в науке астрологии. По звездам было установлено, что Юлия станет женой государя. Это решило Северуса. Он пришел к выводу, что не может поступить лучше, чем связать свою судьбу с судьбой молодой женщины, которая, хотя и бедна в настоящее время, имеет в перспективе столь многообещающее будущее. Юлия Домна заслуживала всего, что могли предсказать ей звезды. Привлекательность ее личности сочеталась с необычными способностями ума. О ней говорят, что она была способна на большую смелость замысла и на такое же благоразумие в осуществлении своих планов; ей также приписывают силу духа, редкую для ее пола. Северус относился к ней с большим уважением, и она так привыкла сопровождать его в походах, что заслужила титул, которым солдаты всегда награждали таких дам, - "Мать лагерей". На надписях о ней говорили как о *госпоже* - *domina*. Количество этих надписей доказывает популярность Юлии и среди греков, которые почитали ее как "новую Деметру".

Эта императрица была покровительницей писем; ее друзья были в основном среди ученых и студентов философии. Сам Северус, как нам рассказывают, очень восхищался одной из дам ее круга, потому что она умела читать и понимать Платона. Очень приятно после длинного списка императриц, чьи записи о немощах чрезвычайно однообразны, представить себе Юлию Домну, занятую изучением высших проблем жизни и дружащую с такими людьми, как Ульпиан и Гален. Таким образом, она заслужила для себя титул Юлии-философа. Есть все основания полагать, что Диоген Лаэртский посвятил ей свою *"Историю греческих философов"*. Книга посвящена женщине, которая очень восхищалась Академией; но поскольку имя и посвятельное послание отсутствуют, нет полной уверенности в том, была ли это Аррия, упомянутая в предыдущей главе, или императрица, которой была оказана такая честь. Однако несомненно, что Юлия поручила Филострату написать для нее жизнь Аполлония Тианского, великого пифагорейского тауматурга.

Великий историк упадка Римской империи говорит, что, хотя благодарная лесть этих ученых людей превозносила добродетели жены Севера, "если верить скандалу древней истории, целомудрие было далеко не самой выдающейся добродетелью императрицы Юлии". Но Гиббон редко ставит под сомнение утверждения такого рода; с другой стороны, Дион Кассий, который с усердием сообщает о каждом подобном обвинении, как ни странно, молчит об этом. Интеллектуальные вкусы Юлии, не говоря уже о ее четырех детях, скорее всего, не позволят ей впасть в какие-либо грубые аморальные поступки.

Вместе с императрицей во дворце жили ее сестра и две племянницы, носившие, как и она, имя Юлия. Ее сестра, Юлия Меса, была не менее выдающейся, чем императрица, а в более поздние времена, посадив на трон своих внуков, она вершила судьбы империи так, как до сих пор не вершила ни одна женщина. Юлия Созимия изображается на монетах как Небесная Дева; но если верить утверждению Лампридия о ее мирских слабостях, то ее легкомысленно украшенная статуя Венеры была более характерна. Затем была Юлия Маммея, которая воспитала одного из лучших, хотя и не самых сильных мужчин, достигших пурпура, и которая, благодаря своему влиянию на его ум, держала бразды правления в значительной степени к непосредственной выгоде империи.

Другой придворной дамой, окружавшей Юлию Домну, была Плаутилла, дочь префекта Плаутиана. Плаутиан был родственником императора и наделен им полномочиями, почти равными его собственным. Он был честолюбивым человеком и, хотя, вероятно, был верен

своему господину, стремился обеспечить себе положение, выдав свою дочь замуж за молодого принца Каракаллу. Этот брак был заключен Каракаллой вопреки его воле и оказался губительным для Плаутиллы; но это было поразительно великолепное дело. Дион рассказывает, что видел, как приданое невесты несли во дворец, и заявляет, что его хватило бы на пятьдесят царских дочерей. Тот же историк рассказывает о многих тиранических излишествах, которые позволил себе Плаутиан по этому случаю; но когда он сообщает нам, что тот заставил сто свободных римлян, многие из которых были мужьями и отцами семейств, быть искалеченными, чтобы его дочь могла сопровождаться свитой евнухов на восточный манер, наше представление о том, что возможно даже в самых деспотичных обстоятельствах, восстает. Древний анекдотист далее говорит, что "об этом не было известно до смерти Плаутиануса". Конечно, невозможно представить себе, чтобы жены этих жертв позволили такому событию пройти молча.

Каракалла угрожал уничтожить свою невесту и ее отца, когда он вступит на престол. Последнюю часть этой угрозы он привел в исполнение, не дожидаясь смерти отца. Плаутилла, похоже, не была безупречна в этом деле. Ее отец стал врагом императрицы и ее сына, а Плаутилла вместе с ним превратила равнодушие мужа в лютую ненависть. В императорской семье начались раздоры. Юлия Домна не пыталась примирить могущественного фаворита, и он стремился погубить ее с помощью новых законов, которые были приняты против супружеской неверности. Если верить Диону, префект дошел до того, что подвергал пыткам женщин из знатных семей, чтобы получить доказательства против императрицы. Эта попытка, судя по всему, не увенчалась успехом, и Каракалла вскоре нашел возможность отомстить за попытку нанести ущерб репутации своей матери. Удивив отца обвинением в измене со стороны префекта, он заставил последнего быть сбитым с ног, прежде чем император успел выяснить правду. Вскоре после этого Плаутилла была сослана на Липари, а когда на престол взошел ее муж, он приказал предать ее смерти.

При Севере был издан целый ряд законов, которые повлияли на жизнь и положение женщин. Он обладал сильным чувством справедливости. При изгнании людей закон требовал конфискации их имущества. Однажды, когда мать и ее сын должны были понести это наказание, мать умоляла, чтобы из ее имущества было взято достаточно, чтобы обеспечить сына всем необходимым для жизни. Сын также умолял, чтобы из его имущества мать получила такую же милость. Эта взаимная забота тронула императора, и он сказал: "Я не могу изменить закон, но будет так, как вы хотите".

Он постановил, что муж, не отомстивший за убитую жену, должен лишиться всего приданого, которое досталось бы ему по закону. Он также повелел, чтобы женщины, лишившие своих мужей надежды на детей, сделав аборт, были осуждены на временное изгнание.

В рабстве было много женщин, которые были вынуждены зарабатывать деньги для своих хозяев собственной проституцией. Это было их единственным средством обеспечить себе свободу. Упрекнуть их в этом несчастье считалось проступком, и не допускалось, чтобы женщину против ее воли принуждали к позорной жизни. Женщинам также запрещалось сражаться на арене. Законы против прелюбодеяния были ужесточены, но, судя по тому, что мы можем узнать о том времени, это не оказало заметного влияния на общественную мораль.

Существовал закон, запрещавший провинциальным чиновникам и даже их сыновьям брать жен из той провинции, в которую они были назначены. Это была мудрая мера, поскольку легко представить, как эти чиновники, пользуясь властью, которую давало им их положение, могли бы, чтобы обеспечить себе богатое приданое, заставить нежелательных невест

принять их предложение. Тем не менее, такие браки иногда все же заключались. Чтобы соблюсти дух закона и защитить провинциалов от тирании чиновников в этом отношении, Северус приказал, чтобы чиновнику, женившемуся на богатой наследнице в своей провинции, не разрешалось наследовать за ней.

С тех пор как в Риме появилась постоянная армия, всегда существовало правило, согласно которому солдатам не разрешалось жениться. В результате лагеря были окружены толпами распутных женщин, а также других женщин, которые становились постоянными спутницами солдат, но не могли вступить в законный брак. Северус отменил этот закон и разрешил легионерам заключать законные браки. Каждый, кто знаком с последствиями пребывания гарнизона неженатых солдат в европейском городе, может понять, какое благотворное влияние оказало бы это постановление Северуса на общую мораль.

Главное в жизни Севера, за что его можно справедливо критиковать со всей строгостью, - это назначение Каракаллы одним из своих преемников, что позволило его родительской привязанности взять верх над его суждением о том, что хорошо для империи.

После смерти отца Каракалла и его значительно превосходящий его брат Гета стали совместными императорами, но они ревновали друг к другу и не могли договориться. Они предложили разделить империю. "Но не разделите ли вы и свою мать?" - спросила Юлия; и многими увещаниями она отговорила их прибегать к этой невыполнимой затее.

Риму вновь предстояло испытать на себе ярость юного чудовища. Каракалла решил, что одного императора будет достаточно. Чтобы осуществить свою цель, он согласился встретиться с братом в апартаментах их матери и обсудить условия примирения. Пока он разговаривал с Гетой, в комнату ворвались несколько центурионов; и хотя его мать пыталась защитить младшего сына своими руками, Каракалла подтолкнул убийц к их работе, и сама императрица была ранена, а также залита кровью Геты. После этого, когда убийца застал свою мать в окружении ее подруг, плачущих над судьбой брата, он пригрозил им всем смертью. Эта угроза действительно была исполнена над Фадиллой, оставшейся в живых дочерью Марка Аврелия. Милман говорит: "Самый ценный параграф Диона, который удалось найти благодаря стараниям М. Маи, касается этой дочери Марка, казненной Каракаллой. Ее имя, как следует из Фронта, а также из Диона, было Корнифиция. Когда ей велели выбрать вид смерти, которой она должна была подвергнуться, она разрыдалась по-женски; но, вспомнив своего отца Марка, она сказала: "О моя несчастная душа, ныне заключенная в теле, вырвись на свободу! Покажи им, как бы они ни хотели в это поверить, что ты дочь Марка". Затем она отложила все свои украшения и, приготовившись к смерти, приказала вскрыть себе вены". Многие другие женщины умерли в это время, потому что их считали сочувствующими Гете.

Было бы противоестественно и позорно для человечества, если бы сам Каракалла избежал руки убийцы. Судьба постигла его на двадцать девятом году жизни, когда он совершал паломничество в храм Луны, и вместо него воцарился Макрин, который начал жизнь рабом и одно время был гладиатором.

Императрица Юлия Домна ненадолго пережила своего сына. Ее карьера была странной. Из скромного положения она возвысилась до самой высокой дамы в мире, и в свое время она была могущественной. Во время правления Каракаллы, хотя она и не смогла сдержать его бесчинства, она действительно управляла империей. Вместе с возвышением пришло и самое горькое горе. Один сын был убит на ее руках другим, а теперь братоубийца пал от руки убийцы. Она была в Антиохии, когда узнала о смерти сына. Это известие ранило ее как мать и как императрицу; тот, кто был слугой ее мужа, теперь должен был править ею. Хотя Макрин

относился к ней с большим вниманием, жизнь казалась ей уже невыносимой, и она решила уморить себя голодом. Это решение далось ей нелегко, поскольку она страдала от неизлечимой болезни. Есть некоторые намеки на то, что сначала она считала возможным возвести себя на трон и царствовать, как это делали некоторые из ее знаменитых современниц на Востоке; но вскоре она осуществила проект, продиктованный безнадежностью, и умерла от голода.

После смерти Юлии Домны трем остальным Юлиам было велено вернуться в Эмесу, где находился храм Солнца, в котором отец семейства был жрецом. Им было разрешено взять с собой все свое богатство, и это золото они вскоре нашли способ использовать для свержения Макрина. У Созмии был сын по имени Бассиан, а у Маммеи - сын, который наиболее известен как император Александр.

Бассиан был посвящен в жрецы Солнца. Макрин совершил ошибку, разместив большое количество войск в Эмесе, куда он послал этих женщин, с умом, полным неприязни к себе, и домом, полным золота, которое они могли использовать во вред ему. Солдаты влюбились в молодого Бассиана, когда увидели его прекрасную фигуру, облаченную в великолепные одежды священника. Меса распространил среди легионеров мысль о том, что Бассиан - сын убитого Каракаллы; солдатам показалось, что они могут уловить сходство, и Меса дал им большое количество золота, чтобы улучшить их зрение. Тогда они убедились, что Бассиан очень похож на Каракаллу, который, следовательно, должен был быть его отцом. Месса не испытывала больше сожаления по поводу того, что пожертвовала своими деньгами, чем по поводу того, что поставила крест на чести своей дочери; она считала, что империя возместит убытки и за то, и за другое, если только она сможет это обеспечить. Бассиану, который впоследствии был известен под именем своего бога Элагабала, было всего пятнадцать лет; бабушка отправила его в лагерь с повозками, наполненными золотом. Раздав их, он был провозглашен императором под именем Марка Аврелия Антонина; предполагалось, что такая честь великому философу принесет ему благосклонность народа; и никогда не было лучшего имени для достижения низменных целей.

Это был женский заговор, но благодаря испорченному характеру и силе солдат он удался. Макрин предпринял одну нерешительную попытку сохранить свое положение на троне; он разбросал жертвоприношения, и его войска вступили в бой с войсками Элагабала. Последние были уже на грани поражения, когда Меса и Созмий бросились в бой, своей храбростью и пылкостью вновь воодушевили солдат и таким образом одержали победу.

Макрин был неплохим императором. Он обдумывал планы реформ, которые могли бы принести большую пользу народу; но его сместили, чтобы освободить место для беспутного, женоподобного сирийского жреца Солнца. Сохранилась камея того времени, изображающая Элагабала верхом на колеснице, запряженной двумя женщинами, которые ползают на руках и коленях. Меса и Созмия, несомненно, опозорились, притащив такого императора во дворец. Его нечистая религия, дополненная природным нравом, абсолютной властью и молодостью, сделала его правление апофеозом похоти. Сенат принял императора, облаченного в шелковые одежды жреца сирийского бога, украшенного диадемой, ожерельями и браслетами, с подкрашенными бровями и щеками, как у восточной женщины.

В Рим его сопровождали бабушка и две ее дочери. Эти женщины отличались друг от друга по характеру, а следовательно, и по представлениям о том, как Элагабал и они сами должны использовать вновь обретенную власть. Меса была воспитана под строгим правлением Севера. Она знала, что умеренность и внимание к благосостоянию империи - это курс,

который с наибольшей вероятностью принесет хорошие результаты правителю и его семье. Управление она предлагала оставить в своих руках; но она желала, чтобы ее внук, по крайней мере, не выходил за рамки той свободы, которая в те времена считалась приличной. Созмия же поощряла молодого распутника, считая, что он имеет право предаваться любому увлечению, которое оправдывает его склонность и делает возможным его власть. Ее совет показался ему более разумным, и он поступил соответственно. Он позволил своей бабушке полностью взять на себя все государственные дела, потребовав лишь, чтобы она не мешала ему в его удовольствиях. Меса заняла свое место в сенате, рядом с консулами, и впервые Рим оказался под властью женщины. Своей матери Элагабал дал назначение, которое соответствовало ее вкусам: она стала президентом женского сената, который определял для матрон их ранг, наряды, количество и характер украшений, которые каждая могла носить в соответствии со своим социальным положением. Маммея, однако, держалась в тени и старалась, насколько это было возможно, оградить своего сына от загрязнений, которые окружали их, а также от опасностей общественного внимания.

Поразительные глупости этого царствования, разнузданность, тирании, особенно в том, что касалось женщин, невозможно описать лучше, чем в этой картине, нарисованной Гиббоном: "Элагабал расточал сокровища народа с дичайшей расточительностью, его собственный голос и голос его льстецов восхваляли дух и великолепие, неизвестные послушности его предшественников. Нарушать порядок времен года и климатических условий, играть со страстями и предрассудками своих подданных, ниспровергать все законы природы и приличия - все это входило в число его самых восхитительных развлечений. Длинный ряд наложниц и быстрая череда жен, среди которых была и весталка, силой изгнанная из своего священного убежища, были недостаточны, чтобы удовлетворить бессилие его страстей. Владыка римского мира копировал одежду и манеры женского пола, предпочитал дистаф вместо скипетра и позорил главные достоинства империи, распределяя их между своими многочисленными любовниками, один из которых был публично облечен титулом и властью императора, или, как он более правильно называл себя, мужа императрицы".

Каково же было это падение от суровой независимости и великой морали римлян, знавших мать Гракхов! Римские сенаторы стали рабами юноши, выдававшего себя за беспутную женщину; лучшие дамы империи, как бы добродетельно они ни были настроены, не имели защиты своей чести и возмещения ущерба, если они привлекали внимание императора или его фаворитов. Древние боги и богини, которые, хотя и были порождением суеверного воображения, вдохновляли римлян в борьбе за империю и таким образом помогали им в ее завоевании, стали придворными сирийского бога Солнца, представленного бесформенным черным камнем.

Проницательная Меза понимала, что Элагабалу невозможно сохранить трон и в то же время оскорбить предрассудки, которые все еще были дороги и глубоко укоренились в умах равнодушных римлян. Однако она решила сохранить власть в своей семье. Средство для этого она нашла в другом своем внуке, Александре, сыне Маммеи. Прибегнув к аргументу, что верховный жрец Солнца должен быть непрерывен в своем небесном призвании и в своих удовольствиях от дел мира, она побудила Элагабала усыновить своего двоюродного брата и возложить на него сан Сезара.

Маммея поощряла природные склонности своего сына, который был склонен к приветливости и прямоте; он быстро стал большим любимцем в народе и, что было еще важнее, в армии. Сын Созмия не был настолько ослеплен своими глупостями, что с завистью наблюдал за растущей популярностью своего младшего коллеги; но вместо того, чтобы стремиться подражать своему кузену в благосклонности народа, исправив собственную

жизнь, он решил устранить своего соперника по римскому обычаю. Но бдительная Маммея так обложила сына верными слугами, что Элагабал, который был достаточно слаб умом, чтобы говорить обо всех своих замыслах, не мог найти ни одного средства, способного пробить эту броню материнской заботы.

Наконец император приказал сенату низвести Александра из достоинства Сезара, а сам в это время послал убийц, чтобы убить его. Последние, по уже указанной причине, не справились с заданием, и сенат принял приказ в молчании и негодовании. Солдаты были в ярости. Они приказали привести мальчиков в Сенат и поручили ему защитить одного из них и позаботиться об исправлении нравов другого. Солдаты, осуждающие поведение своего императора, в точности отражают то положение, которое занимал сейчас предполагаемый главный правитель римского мира. Он был подданным армии.

Соперничество между двумя принцами вскоре достигло кризиса, и Маммея, чтобы спасти сына, выступила против сестры. Каждая из двух женщин пыталась подстрекать праторов против другой. Маммея победила, а Созмия и ее позорный сын были убиты.

Александр был возведен на верховную должность; но, будучи послушным и покорным юношей, он позволил этим двум благородным женщинам, своей бабушке и матери, держать бразды правления и советовать ему в личном поведении. Однако первая вскоре умерла, и Маммея была назначена единственным регентом.

Маммея была женщиной, которая демонстрировала в себе высочайший уровень интеллекта, а также вела благородный образ жизни. Она была покровительницей всех знаний и изучала философию. Ее желанием было познакомиться со всеми теориями, касающимися высших проблем человеческого существования; настолько, что она послала за Оригеном, самым образованным христианином своего времени, чтобы удовлетворить свое любопытство в отношении учений этой быстро распространяющейся веры. Однако она не стала христианкой; даже если бы она была убеждена в истинности доктрин Оригена, ее положение требовало от нее политики, от которой, если смотреть с совершенно мирской точки зрения, она не могла позволить себе отказаться. Она предоставила своему сыну наставников, которые отличались не только ученостью, но и безусловной честностью. Геродиан рассказывает: "Статуи богов, которые Элагабал унес, были сразу же возвращены на свои места. Те чиновники, которые недостойно получили должность, были уволены, а их места заняли наиболее способные граждане. Чтобы уберечь императора от ошибок, которые могли быть вызваны абсолютной властью, пылкостью молодости или какими-то пороками, присущими его семье, Маммея строго охраняла вход во дворец и не позволяла входить туда никому, чей нрав был бы дурно известен".

Маммея не только охраняла своего сына, но и от его имени и до тех пор, пока дворец мог сохранять реальную власть от власти лагеря, управляла империей. Она была достаточно мудрой и широко мыслящей, чтобы не заботиться о титулах и пышности правления; более того, есть основания полагать, что она больше стремилась восстановить хорошее правительство, чем сама держать бразды правления. Геродиан говорит, что она приложила усилия, чтобы вернуть добрые нравы и древнее достойное поведение. Она избрала шестнадцать сенаторов, наиболее выдающихся по опыту и честности жизни, чтобы сформировать императорский совет, и без их одобрения ни одна мера не приводилась в исполнение. Народ, армия, сенат, как уверяет историк, были в восторге от этой новой формы правления, которая заменила самую наглую тиранию своего рода аристократией. Со времен Коммода и до Константина в Риме не было лучшего правительства, чем то, которое было вдохновлено гением и способностями Маммеи; и если бы организация и подчинение,

существовавшие во времена Траяна, все еще преобладали, правление этой замечательной женщины сравнивалось бы по честности и благотельности с любым периодом в истории империи.

Забота Маммеи о воспитании сына была вознаграждена хорошим влиянием на его характер. Добродетель для него никогда не теряла своего очарования, а бесстрашное отстаивание правды сделало его уважаемым всеми. Он начертал над входом в свой дворец и велел глашатаям провозглашать при наказании преступников эти слова, которые, вероятно, его мать узнала из беседы с Оригеном: *Не делай другому того, чего не сделал бы себе.*

Хотя Маммея не ревновала к общественным почестям и титулам, она была скупой в отношении привязанности своего сына; здесь она не могла терпеть соперницу. С ее согласия он женился на дочери патриция; но его любовь к молодой жене, как и уважение к тестю, заставили Маммею казнить последнего по обвинению в измене и изгнать императрицу в Африку. Это несколько унижает характер Александра, если, как уверяет Дион, он оплакивал судьбу своей жены, но не смел противиться ей. Как сложилась судьба его второй жены и его матери, мы не знаем. Ее звали Саллюстия Орбиана. На медальоне она изображена в диадеме; на другой стороне медали начертаны слова *FECVNDITAS TEMPORVM*, и там Орбиана изображена сидящей, а Плодородие, стоящее перед ней на коленях, держит рог изобилия и несет двух детей.

Пороки Маммеи заключались в скупости и стремлении властвовать над сыном после того, как он достиг зрелого возраста; эти ошибки в конце концов привели к гибели ее и Александра. Народ был рад передышке после бесчинств Каракаллы и Элагабала, но он не был готов ни к императрице-регентше, которая не тратила ничего на развлечения и не давала пожертвований, ни к императору, чья политика была сформирована на основе "Республики" Платона. Юлиан, охарактеризовавший Цесарей, представляет Александра Северуса печально сидящим на ступенях зала, где пируют императоры и боги; Силен насмехается над ним и над его матерью, которая копит свои сокровища; а Справедливость соглашается наказать его убийц, но не сочувствует "бедному дураку, великому простаку, который в углу оплакивает свое несчастье".

В тогдашнем Риме мог спастись только сильный человек, умевший управлять армией так, как это делал Северус. Когда Максимин, варвар огромной личной силы и пожизненного военного опыта, возглавил восстание в армии, солдаты были готовы поверить, что империей уже давно правят "скупердьяй и пакостник". Находясь в походе, император пытался поддерживать мир, делая германцам подарки золотом; это, прежде всего, не понравилось солдатам, которые, помимо желания заниматься своим ремеслом, рассчитывали получить золото на войне, а не покупать им мир. Император был убит в своем шатре, процарствовал тринадцать лет, и его мать, которая всегда была настоящей правительницей, погибла вместе с ним.

Александр благоволил к врагам древних богов и даже принял решение в пользу христиан, когда возник спор о земле в Риме, на которую они претендовали в противовес некоторым трактирщикам. "Лучше, - сказал он, - чтобы на этом месте стоял молитвенный дом, чем дом разврата". На Маммею даже претендовало христианство, но на ее монетах она была изображена как благотельная Юнона, а после ее смерти сенат постановил ее апофеоз. Конец язычества еще не наступил. Ему предстояло доказать свою томительную жизнеспособность в ожесточенной и окончательной смертельной борьбе при Деции и Диоклетиане.

С этого времени началась быстрая череда императоров, большинство из которых были убиты почти сразу после создания. Государство постоянно становилось все более дезорганизованным. Каждая провинция желала иметь своего императора, и вплоть до Диоклетиана гражданские войны велись почти постоянно. Нравы не улучшались, а семьи все больше приобретали вид восточных заведений. Мы читаем об одном императоре, Карине, который в течение нескольких месяцев взял последовательно не менее девяти жен, с каждой из которых разводился, чтобы освободить место для следующей. В его время дворец был заполнен танцовщицами и проститутками, которых даже приглашали к императорскому столу. Хотя мораль страдала во дворце и среди знати, среди простого и среднего класса работала закваска, которая давала новые и более эффективные аргументы в пользу древней чистоты нравов.

Статус и положение женщин в этот период не претерпели никаких юридических изменений. Образ жизни оставался во многом прежним, ведь в те времена не было таких изобретений, которые в наше время меняют весь уклад общественной жизни в течение пятидесяти лет; но все это время в народе угасал тот древний дух, о котором мы сейчас говорим как о классическом. Искусство обесценивалось, старая религия жила своим прошлым. Воображение было мертво, а значит, и творчество прекратилось. Язычество, научившееся удовлетворяться черным камнем Элагабала, не нуждалось в искусстве. Статуи еще делались, храмы часто строились, но оригинального гения уже не было. Христианство того раннего времени не способствовало развитию искусства. В литературе образованным людям также приходилось полагаться на прошлое, за исключением тех случаев, когда они довольствовались произведениями настолько низкого качества, что их сохранность не объясняется ничем, кроме случайности. Препней римской широты жизни уже не было, и даже та жизнерадостность, которая ассоциировалась с некоторыми фазами язычества, ушла. Сумерки, предшествующие темным векам, становились все глубже; цикл истории снова опускался к низшей точке своей орбиты.

В музее Капитолия есть один бюст императрицы, в котором легко угадать типичную бездуховность жизни женщины того времени. Это бюст императрицы Салонины, жены Галлиена. Лицо тонко очерчено, но глубоко печально; оно напоминает скорее изображенную святую Средневековья, чем языческую римскую императрицу. Волосы, разделенные посередине, свисают сзади простой петлей; в них нет ничего из тех ярких и часто причудливых уборов, которые характеризовали головы женщин прежних времен. Мы можем частично объяснить печальное поведение Салонины. Ее муж привез домой некую Пипу, светловолосую дочь варварского царя; эту Пипу он не только сделал своей наложницей, но и посадил на трон, рядом с императрицей. Салонине оставалось лишь утешаться пустыми почестями и занимать свой ум исследованиями заумной философии неоплатоников. Считается, что из-за медали с ее изображением и словами, выбитыми *на* ней, она стала христианкой; но, хотя, несомненно, она очень интересовалась догматами христианства, и хотя ее муж, возможно, по ее совету, издал указ о веротерпимости по отношению к растущей вере, Церковь не могла принять ту, которая построила храм языческой богине и никогда не отрекалась от старой религии. Лицо Салонины - это образ лица древней жизни, из которой ушел свет и которая еще не озарилась надеждой, заложенной в новой вере.

Религиозные представления теперь были сильно спутаны. Было много тех, кто не был готов отказаться от старых богов и кто все еще находился под впечатлением от новой доктрины. Одна дама построила часовню, в которой воскуряла фимиам перед статуями Иисуса, Пифагора, Гомера и других. Нередко во время гонений знатные женщины были вынуждены

приносить жертвы, чтобы доказать судьям, что они не христиане. Во многих случаях историки новой религии объявляли своими адептами тех, кто был лишь терпимым любознательным человеком. Даже в те времена высокое положение, которое занимала дама, заставляло епископов стремиться утвердить ее в качестве адепта, пока ее поведение не стало соответствовать христианским требованиям.

Древние божества уже готовы были уйти, так как даже те, кто последовательно поддерживал государственную религию, сохраняли в них мало веры; но Диоклетиан оказался не только твердым правителем, но и любителем старой системы. Его указ гласил: "Христиане выступают против государственных законов, предписывающих поклоняться богам; пусть они либо принесут жертву, либо понесут наказание". Испытанию подвергся даже императорский дом, и считается, что жена и дочь императора с неохотой сожгли зерна ладана.

Однако в провинции, которой управлял Констанций, эдикт был выполнен с большой медлительностью, и вскоре на троне восседал сын Констанция Диоклетиан, а рядом с ним - христианка Елена. В этой женщине мы видим переход от язычества к новой религии. Однако нет никаких четких свидетельств ее обращения; в ее жизни нет никаких признаков, указывающих на то, что она в каком-то моральном смысле была создана заново. Так было и в римском обществе. Женщины интриговали и принимали участие в чувственных потворствах и жестокой мести после того, как Константин увидел Крест в небе, как и раньше. Новое учение было закваской, которой потребовалось много веков, чтобы распространиться; но тем временем древнее язычество, со всем его величием и всей его слабостью, исчезло, так же как древний тип римской женщины уступил место новой женщине конгломератной национальности, с большими привилегиями, но не с большим характером.

Во времена Валентиниана, когда языческие культы были окончательно запрещены, оратор Симмах представлял старую религию в виде престарелой матроны, умоляющей о терпимости: "Прекраснейшие князья, отцы вашей страны, пожалейте и уважайте мой возраст, который до сих пор протекал в непрерывном течении благочестия. Поскольку я не раскаиваюсь, позвольте мне продолжать соблюдать древние обряды. Поскольку я рожден свободным, позвольте мне пользоваться моими домашними институтами. Эта религия подчинила весь мир моим законам. Эти обряды отбросили Ганнибала от города и галлов от Капитолия. Разве мои седины были предназначены для такого нестерпимого позора? Я не знаю о новой системе, которую я должен принять; но я хорошо уверен, что исправление старости - всегда неблагодарная и позорная должность".

История римской женщины, которую мы попытались изложить, протекала одновременно с жизнью этого поклонения старым богам. Такой, какой она была, ее в значительной степени сделала религия. В ней она находила вдохновение для своих храбрых поступков; ее идеалы были выражением ее любви к красоте; она укрепляла ее стойкость в тяжелые времена; и когда мы вспоминаем ее слабости, милосердие должно напоминать нам, что, помимо ее собственной природы и обычаев ее времени, эта религия была всем, что у нее было.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

I	ЖЕНЩИНА ЛЕГЕНДАРНОГО РИМА
II	БЛАГОРОДНЫЕ МАТРОНЫ РЕСПУБЛИКИ
III	РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИИ
IV	УХОД СТАРОЙ РИМСКОЙ ПРОСТОТЫ
V	РИМСКИЙ БРАК
VI	ЖЕНЩИНА ПРИ ЮЛИИ СЕЗАРЕ
VII	РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИКЕ
VIII	РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА В ЛИТЕРАТУРЕ
IX	ЖЕНЩИНА В ХУДШЕМ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИИ
X	ЖЕНЩИНЫ ДЕКАДЕНТСКОГО РИМА
XI	ХОРОШИЕ ЖЕНЩИНЫ ВРЕМЕН ПРАВЛЕНИЯ
XII	НЕРОНА
XIII	ПРИ ФЛАВИЯХ
XIV	ЗАКАТНОЕ СИЯНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА
	УХОД ЯЗЫЧЕСТВА

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ТЕМА

Туллия, дочь Сервия
Новообращенная
"Новая" женщина в Риме
Римский банкет
Помпейский дом

Главная весталка

ХУДОЖНИК

Е. Хильдебранд
Ж. Р. К. Буланже
Г. Р. К. Буланже
Альберт Баур
С акварели М.
Хоффбауэра, после реставрации
Жюля Бушо с
описания Плиния
Анри П. Мотте